

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

Обладатель
премии
GLASS KEY

В традициях классиков
криминального романа
Дэшила Хэммета
и Рэймонда Чандлера.

Оригинальная
захватывающая интрига,
яркие харизматичные
персонажи.

Democrat & Chronicle

ОТШЕЛЬНИК

ТЕМНАЯ И ЗАПУТАННАЯ ИСТОРИЯ УБИЙСТВА

ТОМАС РЮДАЛЬ

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Томас Рюдаль

Отшельник

Серия «Иностранный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27447539
Рюдаль Т. – Отшельник: роман: Центрполиграф; Москва; 2018
ISBN 978-5-227-07768-4

Аннотация

Восемнадцать лет назад Эрхард круто изменил свою жизнь: оставил жену и детей в родной Дании и уехал на один из Канарских островов. Он поселился в бедной пастушьей хижине вдали от людей, за что местные жители прозвали его Отшельником, работал таксистом и настройщиком фортепиано, страдал от одиночества и собственной неполноценности. Однажды в брошенной на пляже машине был обнаружен мертвый младенец. Эта страшная находка и последовавшие за ней новые преступления так потрясли Эрхарда, что он решил найти виновных в содеянном любой ценой. С этой минуты жизнь для него обрела смысл, он забыл о своих проблемах, почти не ел и не спал, его не остановила даже угроза быть уничтоженным. Отшельник упорно шел к цели...

Содержание

Луиса	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Мизинец	22
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	40
Глава 11	47
Глава 12	49
Глава 13	55
Глава 14	56
Глава 15	66
Глава 16	69
Глава 17	72
Глава 18	77
Глава 19	82
Глава 20	85
Шлюха	100

Глава 21	100
Глава 22	111
Глава 23	120
Глава 24	127
Глава 25	154
Глава 26	168
Глава 27	175
Глава 28	181
Глава 29	184
Глава 30	192
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Томас Рюдаль

Отшельник

Роман

Thomas Rydahl

Eremitten

Eremitten Copyright © 2014 by Thomas Rydahl &
Forlaget Bindslev

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке,
«Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф»,
2018

Луиса

31 декабря

Глава 1

В канун Нового года Эрхард выпил три коктейля «Лумумба» и решил найти себе новую подружку. Впрочем, слово «новая» тут не совсем уместно. Его спутница жизни не должна быть ни новой, ни молодой, ни красивой, ни милой. Просто ему нужен рядом кто-то живой, теплый. Пусть в доме поселится женщина. Может быть, она будет постоянно мурлыкать себе под нос какую-нибудь песенку или ругать его за то, что он пролил на пол какао. О чем он может ее попросить? Почти ни о чем. А что он может ей предложить? Почти ничего. Ясно одно: жизнь ее не будет раем. Через несколько лет ей придется брить его и снимать с него туфли после долгого дня за рулем – если, конечно, тогда он еще сможет водить машину, – выносить его ночной горшок... Через несколько лет...

Горный склон рядом с домом невидим; он тонет в крошечной тьме. Если Эрхард долго сидит неподвижно, начинает различать звезды. А если просидит на одном месте еще дольше, он увидит, как звезды падают, становясь все ярче и

ярче. Тишина разрастается, если можно так выразиться. Она вырастает, как вакуум, затопляя дневную жару, которая еще цепляется за скалы, неослабевающее завывание ветра в тональности до мажор, дальний прибой и бурление крови в его жилах. От такой тишины в канун Нового года хочется плакать. Тишина настолько всепоглощающая и полная, что сливается с ночью. Он не спит, но ему кажется, что его глаза закрыты. Вот почему ему так нравится здесь жить. Сюда никто никогда не приходит.

Здесь только он. А еще Лорел и Харди. И падающие звезды. Звезды, конечно, были всегда, но сейчас *он* их видит. Сначала множество ярких точек, потом он различает созвездия, Пояс Ориона и галактику, похожую на старомодную перфокарту. Привет от Большого взрыва...

С прошлого раза прошло семнадцать лет и девять месяцев. Он вдыхает аромат духов Беатрис, которыми пропахла его рубашка, – она обняла его после обеда, когда он собрался уходить. Беатрис пригласила его к ним встречать Новый год, правда без всякого воодушевления, и это еще мягко сказано.

– У меня на сегодня другие планы, – старчески сварливо ответил Эрхард.

– Да ладно тебе, – сладко пропела она, не желая сразу сдаваться.

– Ну уж нет, ваши гости для меня чересчур модные.

Беатрис промолчала: видимо, понимала, что так оно и есть.

Тогда заговорил Рауль:

– Лучше тебя я почти никого не встречал.

Они больше не уговаривали его остаться. Когда начали расставлять бокалы с шампанским, он поцеловал Беатрис, поздравил ее с Новым годом и ушел. Рауль проводил его вниз.

– Счастливого пути! – сказал Рауль, когда они очутились в шумной толпе на улице.

Их громко поздравил с Новым годом Силон, владелец магазина сумок и чемоданов через дорогу. Конечно, в первую очередь он обращался к Раулю – его все знают. Эрхард шел к своей машине, охваченный привычной тоской, которая овладевала им всякий раз в канун Нового года. Еще один год прошел, как и остальные, еще один год мрачно нависает впереди.

Твое здоровье, друг мой. С коньяком гораздо лучше. Коньяк согревает изнутри. Ночь теплая. Он ощутил приятное покалывание. Может быть, из-за мыслей о Беатрис, о ложбинке между ее грудями, которая уходит под блузку, о самом средоточии ее аромата... Хватит! Не стоит мечтать о ней. Не о ней он сейчас должен думать. Дочка парикмахерши. Вот о ком вполне можно поразмышлять. В ней что-то есть.

Он с ней незнаком. Один раз видел издали. Зато он часто видит ее снимки на стене салона красоты. Он думает о ней. Представляет, как она входит в салон: звенит колокольчик над дверью. Потом в его воображении она сидит за столом

напротив и смотрит, как он ужинает. Или стоит в кухне, в его кухне, и готовит — что-то дымится и шипит на сковороде.

На самом деле она гораздо моложе, и, скорее всего, ей нет до него дела. К тому же она не совсем в его вкусе. И кстати, разве он может произвести впечатление на молодую женщину? Скорее всего, она даже готовить не умеет. Любит, наверное, болтать с подружками по телефону, как все девицы. Вполне вероятно, что она ест готовую лапшу из контейнера, уставившись в компьютер.

На фото в салоне она совсем девчонка, воплощение невинности. У нее густые кудрявые волосы, она носит большие, почти мужские, очки. Не красавица, но чем-то цепляет. Ей, наверное, лет тридцать, не меньше. Если верить ее матери, она милая и остроумная. Но матери необъективны. В тот раз, когда он увидел ее на улице, узнал по легким, кудрявым волосам. Она переходила дорогу с прямой как палка спиной; на плече болталась дамская сумка. Увидев идущую навстречу машину, она вдруг припустила вперед. Девушка не показалась ему изящной, напротив, ее движения были несколько неуклюжи. Он сам не понимал, почему так часто думает о ней, может быть, ему просто хочется пустить корни на острове...

Ветер завывал в скалах и за углом — монотонно, словно из фортепиано постоянно извлекают одну и ту же ноту. Одиночество...

Во всем виновата Петра. Ее неестественно высокий голос

перекрывал любые разговоры и возражения. Невозможно сосредоточиться, если, в ожидании своей очереди, листаешь журнал и пытаешься прочесть репортаж о местной футбольной команде. Петра непоколебима. По ее мнению, любовь – то, что необходимо выдавливать из других. Она без умолку тараторила о дочери, впиваясь в скальп Эрхарда своими длинными ногтями: дочка переехала в отдельную квартиру, купила себе мопед, у нее новый клиент, она порвала со своим приятелем. Петра призналась, что она – но не ее дочь – хочет внуков и так далее. И вдруг, несколько месяцев назад, Петра сказала: «Вот бы моя дочка нашла кого-нибудь вроде вас». При этом она смотрела на его отражение в зеркале. Потом Петра добавила: «Она не похожа на других девушек, но ведь и вы не такой, как все».

Они даже вместе посмеялись – в основном Петра.

Ее предложение тогда растревожило Эрхарда. Почему она так сказала? Ведь не просто так сболтнула... Помахала своей дочерью перед его носом. Неужели намекала, чтобы он пригласил ее дочь на свидание? Разве Петре не известно, как его прозвали местные? Разве она не заметила, что у него недостает пальца на руке? И потом, разница в возрасте... Неужели Петре все равно? Он старше ее дочери лет на тридцать, не меньше. Он ровесник самой Петре, даже старше. И все же во всем чувствуется какая-то приятная симметрия. Старики оглядываются назад и тянут молодых вперед; как на литографии Эшера «Рисующие руки». Пять пальцев на одной руке

и пять пальцев на другой. Пять + пять.

«Вот бы моя дочка нашла кого-нибудь вроде вас», – сказала Петра. Кого-нибудь вроде него!

Не его, а «кого-нибудь вроде него».

Почему она так сказала? Может, намекала, что кругом много таких, как он? Мужчин, которые похожи друг на друга, как будто сделаны под копирку, которые снова и снова делают одно и то же из поколения в поколение. Они не меняются и не задаются вопросами... Кто-нибудь вроде него! Он совсем замшел в своем медвежьем углу; сегодня здесь, а завтра там, и после него останется лишь вонючий след.

В центре города грохочут фейерверки.

Может быть, так и поступить? Поехать в город и пригласить ее на свидание? А что откладывать? Поскорее покончить с делом. Он понимал, что за него сейчас говорит «Лумумба». Понимал и то, что его храбрости хватит не больше чем на два часа. Потом он постепенно вернется в реальность. Сейчас четверть одиннадцатого. Скорее всего, ее даже дома нет. Она сидит в ресторане с молодыми людьми, которые разбираются в компьютерах. А что, если она сейчас одна дома, совсем как он? Смотрит жуткие новогодние передачи по телевизору. Ее мать много раз говорила ему, где она живет: в сравнительно новом доме на улице Палангре. Квартира над магазином детской одежды. Можно проверить, дома ли она, и все. Посмотреть с улицы, светятся ли ее окна, мерцает ли телевизор в темноте.

Он ведет руками по стене, нащупывает бельевую веревку и снимает с нее брюки. Просовывает ноги в отверстия. Козлы убегают в темноту.

Глава 2

Он поехал в город по тропе Алехандро.

Не надо бы ехать по этой дороге; она губит машину. Ему уже дважды пришлось ремонтировать передний и задний мост, и оба раза механик Анфил просил его не ездить по северной дороге и по тропе Алехандро. Он считает, что машина может не выдержать. По таким дорогам нужно ездить на внедорожниках типа «монтеро» или на новом мерсе. Даже если бы у Эрхарда были деньги, он предпочел бы сохранить свой «мерседес» марокканской сборки с желтыми сиденьями, который не любит разгоняться. И все-таки он едет по тропе Алехандро. Проехал мимо старого дома Оливии, где поселились серферы – их доски лежат на крыше, и в темноте он увидел их флаг: на верхушке высокого шеста, воткнутого в крышу, красуются розовые трусики. Там живут два парня со своими друзьями. Иногда по утрам, проезжая мимо, он видит их. Они сидят на крыльце, курят большие трубки, машут ему руками и истерически хохочут. Несколько раз он останавливал машину рядом с ними; но они были под таким кайфом, что не могли подняться со своих надувных кресел. Но сейчас в доме никого нет, свет не горит. Наверное, они на пляже или в центре.

Он приближался к своему любимому повороту. За ним виден океан. Вид фантастический – особенно когда «Лумум-

ба» греет душу и коньяк доходит до кончиков пальцев. Тропа каменистая, в рытвинах, и вся машина вибрирует. На скорости выше ста километров в час ее занесло, Эрхард ощутил приятное покалывание во всем теле и широко улыбнулся. Кроме того, он пустил газы, что совсем не смешно; он просто ничего не может с собой поделать. Это началось несколько лет назад. Стоило ему чуть напрячь мышцы живота, как воздух выходил из кишечника. Несмотря на боль, он испытывает облегчение. Потом тропа пошла под гору; он приблизился к последнему повороту. В свете фар увидел козла, стоящего посреди дороги, и объехал его, а затем посмотрел в зеркало заднего вида; козел вроде похож на Харди, но Харди никогда не заходит так далеко от дома. Козел мгновенно скрылся в темноте.

Эрхард был настолько поглощен своими мыслями, что заметил встречную машину в самый последний момент, когда она едва не задела его на узкой дороге. Он вздрогнул от порыва ветра. Мимо его «мерседеса» пронеслась длинная тень; боковое зеркало прижало к стеклу.

– Проклятые дилетанты! – крикнул он, к собственному удивлению, по-датски. Значит, не забыл родной язык. Он завершил поворот. Встречная машина скрылась из виду, красные фонари исчезли в ночи. Нет смысла даже останавливаться, чтобы оценить ущерб. Эрхард опустил окошко и поправил зеркало. Стекло пошло трещинами, восемь тонких линий сбегает вниз.

Черный «мицубиси-монтеро». Машина бездельника Билла Хаджи, который живет на вершине горы. Там у него ранчо, где он разводит лошадей; он с такой скоростью носится по тропе Алехандро, как будто за ним гонится само море. Эрхард удивился своему спокойствию. Сердце билось ровно – наверное, онемело от коктейлей «Лумумба» и перспективы свидания с дочкой парикмахерши.

Повернув, он оказался в Корралехо. От асфальта поднимался жар. Молодые люди в маленьких машинах давили на клаксоны и пели. Он поехал в сторону порта по проспекту Хуана-Карлоса I и остановился на улице Палангре. Нашел свободное место и припарковался.

Он собирался подойти к нужному дому пешком. Потом он позвонит в дверь дочки парикмахерши... Лицо у него покраснелось. Он заранее смущен. Живо представил, как она посмотрит на него, увидев на пороге. «Добрый вечер, – скажет он, – с Новым годом!» Он видел ее раньше. «Я видел ваши фотографии в салоне вашей матери». Что, если она будет в летнем платье на бретельках, которые вечно сваливаются с плеч? Кому какое дело, носит она очки или нет? Он не привередлив.

Но, дойдя до магазина детской одежды и задрав голову, он увидел, что все окна в доме темные. Свет не горел ни на одном этаже. Скорее всего, она сейчас смотрит телевизор. Пьет белое вино и надеется, что кто-нибудь заглянет к ней

в гости. Нужно подкрепиться – выпить. Что-нибудь по-настоящему крепкое. Хотя бы для того, чтобы прорезался голос... Что хорошего, если он будет просто стоять на пороге и тупо пялиться на нее, как какой-нибудь идиот-эстранхеро? Он двинулся в сторону «Сентро Атлантико». В этом районе всегда многолюдно. В основном здесь собираются туристы, незнакомые ему люди. Он вошел в бар «Фликс» и направился прямо к стойке. Заказал коктейль «Ржавый гвоздь» и даже угостил двух сидящих в углу фермеров. Они выращивают оливки; приехали в город в поисках доступных женщин. Шум их пугает; они прячутся за пальмой и сидят тихо как мыши. Как невидимки.

Глава 3

До Нового года восемнадцать минут. На экране телевизора, который висит на стене за стойкой, показывают Таймс-сквер, салют над Сиднейским заливом. Длинная стрелка на Биг-Бене все ближе к двенадцати.

– Ну что, готовы к Новому году? – громко спрашивает бармен.

Его слова звучат так многообещающе, так просто. Как будто можно оставить в старом году все старое и взять с собой в новый год только новое. Но что такое «новое»? Бессмысленное слово для Эрхарда. Он сам далеко не нов. Ему не нужно новое. Он не хочет ничего нового. Он хочет только одного: чтобы его старое вело себя пристойно. Семнадцать минут. Еще можно успеть позвонить ей в дверь и поздравить с Новым годом. Может быть, она в неглиже – или как это называется. До его прихода она наверняка пила белое вино и пересматривала старый сериал «Семь жизней» – его все любят. Волосы у нее влажные; она приняла холодную ванну.

Посетители гурьбой высыпали на улицу. Эрхарда чуть не столкнули с табурета. Он расплатился по счету и вспомнил, почему нечасто посещает заведения для туристов: коктейль из виски и ликера «Драмбуи» обошелся ему в двадцать с лишним евро. Он смешался с толпой, вышел из бара и зашагал назад, к улице Палангре. Перешел дорогу и вошел в ее

подъезд. Дом построили во времена Франко; лестница простая, темно-синяя. На дверях таблички с фамилиями жильцов. Из квартир доносилась музыка, но ни Луисы, ни хотя бы женщины, чье имя начиналось бы на «Л», он не нашел.

Он поднялся еще на один этаж. На площадке под лампой дневного света целовалась парочка; когда он проходил мимо, они смущенно разомкнули объятия и побежали вниз.

Он ненадолго остановился отдышаться, посмотрел на таблички и поднялся на верхний этаж. Три этажа по три квартиры – всего получается девять.

На третьем этаже жили некий Федерико Хавьер Панос и некий Собрино. А в центре – Луиса Муэлас. Табличка на ее двери большая, золоченая; буквы наклонные, толстые. Скорее всего, табличку подарили Петра и ее муж. Такие таблички принято дарить выросшим детям, когда они наконец покидают родительский дом и начинают самостоятельную жизнь.

Из квартир не доносилось ни звука. Эрхард приложил ухо к двери Луисы Муэлас. В глубине души ему даже хотелось, чтобы ее не оказалось дома. Но из-за двери слышался тихий шорох, как будто там кто-то ходит. Впрочем, может быть, это всего лишь телевизор.

Он выпрямился и постучал здоровой правой рукой по дереву над глазком. Без четырех минут полночь. Может быть, его стук заглушат сиплые новогодние шумы.

Вдруг он увидел свое отражение в начищенной табличке.

Лицо какое-то расплывчатое. Выражение смущенное и даже виноватое; глаза словно зажаты между складками морщинистой, дряблой кожи. Подбородок зарос щетиной. Полная безысходность... Эрхард увидел в своем отражении любовь и горе, на нем отпечатались долгие годы беспорядочной жизни и спиртных напитков. Кроме того, в глазах застыло довольно циничное выражение. Взгляд оценивающий и осуждающий. Жалкое зрелище... По такому лицу мало что можно понять. Его трудно выносить, трудно любить. И хуже всего то, что лицо принадлежит ему. Он нечасто смотрелся в зеркало; иногда ловил свое отражение в зеркале заднего вида в машине, или в искривленных зеркалах над выщербленными раковинами общественных туалетов, или в витринах магазинов. Такое лицо лучше вообще не видеть. Он может спросить у своего отражения только одно: «Что ты можешь ей предложить?»

В самом деле, вот что самое страшное – первая встреча. Тот миг, когда приходится рисковать всем. Когда говоришь кому-то: «Я тебя хочу». Тот миг, когда уже нельзя полагаться на удачу. Ты делаешь шаг и ждешь от другого ответа. Как будто лопаются оболочка двух мыльных пузырей и они сливаются в одно целое. И происходит это не во время поцелуя, не во время секса и даже не в то время, когда признаешься в любви. Все происходит в тот ужасный миг, когда отваживаешься на безумное предположение, будто тебе есть что предложить другому...

Из-за двери донеслись вполне отчетливые звуки. Кто-то шел босиком – или в чулках.

– Иду! – произнес тихий голос.

Без двух минут двенадцать.

Нет, нельзя... невозможно! Эрхард развернулся и сбежал вниз по лестнице. Наверху открылась дверь.

– Эй! – послышался голос.

Он прошел мимо дверей, за которыми слышна громкая музыка. Выбежал на улицу – прочь. Прокрался вдоль стены, как крыса, перешел улицу и направился к своей машине. На улице Палангре полно народу. Рядом с его машиной стояли какие-то веселые гуляки и курили сигары. Девицы с бокалами шампанского в руках оседлали мопеды...

Из квартир на верхних этажах доносились голоса. Он забрался в машину и осторожно выехал с переполненной парковки. Он двигался по улице с односторонним движением, объезжая многочисленных пешеходов. Ему махали, не обращая внимания на то, что у него выключен знак «Такси свободно». Сегодня он не станет брать пассажиров! Кто-то хлопнул ладонью по лобовому стеклу; он ловил умоляющие взгляды.

– С Новым годом, придурок! – крикнула какая-то девица в серебристом котелке.

Он уехал от городских огней в темноту. Асфальтированная дорога закончилась и перешла в едва заметную тропу. Он вдавил в пол скрипучую педаль газа старого «мерседеса».

Гравий бил в днище.

Перед его глазами снова возник образ дочери парикмахерши, открывающей дверь. Она как будто смеялась над ним. Теперь он представлял ее в носках, с растрепанными волосами, со стаканчиком виски в руке. Он сегодня слишком сексуально озабочен; не к добру такие фантазии! В такие минуты он лишней раз вспоминал о том, что стареет, и ненавидел самого себя. Молодость телесна, и ей недостает духовности; он же все больше приближался к чистой духовности, которой недостает телесности. Он двигался к той точке, когда приятнее всего думать, мечтать о будущем и вспоминать далекое прошлое. Почти восемнадцать лет он только воображал себе близость с женщиной. Мечтал о ней. Даже когда он был с Аннет, предавался таким мечтам. Просто тогда его мечты были более определенными, он представлял, что с ним не Аннет, а какая-то другая женщина. А потом и Аннет не стало.

Нога переместилась с педали газа на тормоз. В центре ярко-желтого конуса, образованного лучами фар, он увидел гигантский предмет, который лежал посреди дороги.

Мизинец

1-3 января

Глава 4

Сначала ему показалось, что с неба упал спутник, потом он увидел, что посреди дороги лежит машина – перевернутая машина.

«Мицубиси-монтеро» черного цвета, как у Билла Хаджи. Это машина Билла Хаджи.

Машина лежала совсем недалеко от того места, где они с ним разминулись. Давно ли это было? Наверное, около часа назад... Эрхард понял, что потерял счет времени. Наверное, «Ржавый гвоздь» все же ударил ему в голову.

Он заглушил мотор, но фары оставил включенными, чтобы видеть машину. Издали доносился шум прибоа; в перевернутой машине работал двигатель. На дорогу оседала пыль.

Рука Эрхарда потянулась к портативной радиостанции. Позвонить диспетчеру таксопарка? Он уже собирался нажать кнопку, но вдруг услышал какой-то странный стук, как будто кто-то передает послание морзянкой или пытается освободиться. Эрхард вышел из машины. Окликнул Билла

по имени. Позвал его так, будто они знакомы. Билл Хаджи... Конечно, они незнакомы лично. И все же Билла Хаджи знают все. Вызывающе отвратительная личность. Не сидится ему на одном месте, вечно он носится туда-сюда. Несколько раз Эрхард возил его в такси. Один раз они ездили в больницу. И еще пару раз он забирал его из аэропорта и вез домой, на вершину горы. Хаджи прилетал из Мадрида с четырьмя или пятью чемоданами и молодым томным красавчиком. Оба раза чемоданы были одни и те же, а вот красавчики разные. Эрхарду было наплевать на слухи – пусть Хаджи живет как хочет. В такое лучше не вникать. Лишь бы его мальчикам было больше восемнадцати и они сами делали свой выбор.

– Билл Хаджи! – повторил Эрхард.

Машина была разбита всмятку. Вероятно, упала с большой высоты. Металлический корпус был покорежен и смят, словно картонный. На дороге тянулся длинный след из осколков. Эрхард понял, что внедорожник занесло. Он снова окликнул хозяина, обошел машину, заглянул в салон. Внутри никого не было. Ни Билла, ни очередного красавчика. Эрхард вздохнул с облегчением. Хотя ему не особенно нравился Билл Хаджи, неприятно видеть человека, сплюсненного между рулевым колесом и сиденьем. Он представил себе Билла в виде клеща, насосавшегося крови. Машина была пуста, одна дверца распахнута и болталась на петле. Может быть, он пошел за подмогой или его подобрала сестра. Всякий раз, когда он видел Билла в центре города или в ресто-

ране «Маркиза», – ему сопутствовала сестра. Эрхард наклонился, потрогал капот – еще теплый...

Вдруг ночь и машина стали как будто таять: небо осветилось ярко-зелеными, голубыми, красными всполохами. Эрхарду почудилось, что сверху на него смотрят сотни глаз.

Глава 5

Небо словно раскалывается. Эрхард посмотрел на машину. Снова услышал грохот, увидел разноцветные вспышки. Сначала решил, что это аварийные огни, которые зажгли на каком-нибудь корабле. Не сразу до него дошло: Новый год. В центре города салют! Когда глаза снова привыкли к темноте, он увидел, как что-то движется прямо перед ним.

Над тем местом, где раньше была выхлопная труба, сидела собака.

Две собаки.

Они пристально наблюдали за ним, как умные щенки, которые просятся гулять. Собаки дикие. Никто не знает, откуда они взялись. Может быть, из Корралехо? Они очень красивые, когда сидят на месте и когда носятся по скалам при луне. При свете дня видно, что они шелудивые и потрепанные, как старые одеяла. Дикая собака – настоящее бедствие для местных фермеров, которые разводят овец и коз; скучающие молодые люди придумали себе забаву – стреляют по ним, как по мишени, из внедорожников и пикапов. Но собак отчего-то меньше не становилось. Эрхард догадывался, что в темноте прячутся еще десять или пятнадцать псов. Может быть, Билл Хаджи сбил кого-то из них? Может, поэтому он и перевернулся? Из пасти передней собаки капала слюна. За ее передними лапами что-то виднелось.

Он сразу узнал Билла Хаджи, хотя от лица почти ничего не осталось. Собственно, спасти было уже нечего. Может быть, он умер еще до того, как на него набросились псы. Его характерные баки, похожие на кроличий мех, были вывернуты наизнанку.

Потом он заметил еще кое-что...

Глава 6

Он лежал прямо за левым передним колесом, в темноте. Эрхард заметил маленький предмет только потому, что он поблескивал всякий раз, как в небе расцветали залпы салюта. Он не сразу понял, что видит. Желтоватый блеск, ободок... Возможно, там что-то медное или позолоченное, может быть, сломанные темные очки, кусок оправы... Или золотая коронка? Но потом он разглядел ноготь и морщинки у сустава. В кожу буквально вросло широкое кольцо.

Это обручальное кольцо Билла Хаджи. На безымянном пальце Билла Хаджи. Десять минус один.

Эрхарду не хотелось обходить машину, поэтому он попробовал дотянуться до пальца. Палец лежал на земле в метре или двух от него, по другую сторону машины. Он присел, и два пса тут же вскинули морды, отрываясь от своего ужина. Один оскалил зубы и сделал стойку, готовясь к прыжку. Да, до пальца можно дотянуться, но Эрхарду не хотелось, чтобы пес вцепился ему в руку.

Он медленно вернулся к своей машине, несколько раз переключил фары с ближнего на дальний свет. Псы злобно смотрели на него. Эрхард несколько раз нажал на клаксон. Машина произвела несколько пронзительных гудков; многие не верят, что «мерседес» на такое способен. Он гудел до тех пор, пока две собаки вяло, как наркоманы, не отошли

от перевернутого внедорожника. Скоро они слились с темнотой.

Эрхард поспешил к искалеченной машине: из-за спины били лучи дальнего света. Скорее, скорее! Когда он в последний раз бегал? Несколько месяцев назад? Скорее несколько лет... Хотя вторая машина совсем близко, ему показалось, что он бежит целую вечность. Псы, должно быть, разгадали его уловку и хотели напасть на него из засады. Ноги под ним подкашивались. Стараясь не стоять к кузову вплотную, он нагнулся. Кольцо всего в полуметре от него.

Он склонился над тем, что осталось от головы и лица Билла Хаджи, посмотрел на красно-синий сгусток в открытых, но угасших глазах.

– Найди мальчика!

Слова такие громкие и четкие – они заглушили даже взрывы салюта, – что вначале Эрхарду показалось, они доносятся из работающего радио. Или, может быть, заговорил один из псов – откуда ему, черт побери, знать?! Он снова посмотрел в глаза Билла Хаджи, ему почудилось, что голос донесся прямо из них, из черных шариков, постепенно стекленеющих, умирающих... Знакомый голос. Он уже слышал его раньше. Наверное, это голос самого Билла Хаджи. Или он говорит сам с собой, несет невесть что... Он уже забыл, какие слышал слова, помнил только, что голос был умоляющим.

Потом он вспомнил о пальце и лег на живот. Днище машины было еще теплое. Не горячее, а теплое, как скалы. Над по-

бережьем взорвались последние залпы салюта: зеленый букет, который рассыпался серебристыми искрами. Стало тихо, правда, не совсем. Негромко ворчал мотор. И еще жалобно поскуливали дикие собаки. Может быть, они сговариваются броситься на него? Что-то шуршало под самой машиной. Эрхард пополз вперед на животе, вытянул руку и схватил палец. Он был холодный и жесткий... Невероятно!

«Девять плюс один», — подумал он.

Глава 7

Эрхард бегом вернулся к своей машине, сел в водительское кресло, захлопнул дверцу. После того как он увидел на дороге перевернутый внедорожник, вдруг совершенно протрезвел, только голова болела, как с похмелья. И вот опьянение стало возвращаться. У него не только закружилась голова, но и улучшилось настроение, он ощутил непонятную радость.

Как будто его глаза, тело и разум замкнуло в результате странных подсчетов. У него девять пальцев, вместе с пальцем Билла Хаджи получается десять. Радость постепенно спускалась в живот и ниже, в пах — как будто найденный палец усилил его либидо. Эрхард понимал, что это неправильно, в конце концов, палец-то не его. И все же общая сумма сделала его целым — таким, каким он уже давно себя не ощущал. Восемнадцать лет назад, лишившись пальца, он мысленно произвел вычитание и преисполнился отвращения к себе. Теперь же найденный палец вернул ему равновесие.

Он снял носки и лег в постель. Голова гудела. Генератор заглох, потому что он забыл выключить его, когда уезжал. Он посмотрит, в чем там дело, но завтра, завтра. Хотя ночь тихая, когда ветер меняет направление, он звучит как собачье рычание.

Если собаки обглодают его, хоронить будет нечего. Если нечего хоронить, он не умер. Сестра Билла Хаджи – жесткая женщина, похожая на мужчину. Ей придется провожать на кладбище пустой гроб.

Палец на руке, на руке Билла Хаджи, которой он когда-то подзывал Эрхарда на главной улице. Его молодого друга тошнило. Билл Хаджи ласкал его всю дорогу до больницы. Эрхард отчетливо вспомнил запах арбуза и толстую пачку банкнот. Билл Хаджи расплатился купюрой в 500 евро. Чтобы дать сдачу, Эрхарду пришлось разменять ее в киоске... Палец. Рука Билла Хаджи. Баки Билла Хаджи, делавшие его похожим на ирландца.

В спальне темно, ему не сразу удалось нащупать телефон.

– Произошел несчастный случай! Скорее! – почти прокричал он, словно давал телеграмму. Он продиктовал адрес, стараясь изменить голос, чтобы акцент был не так заметен.

– Лос перрос се ло ан комидо... Его объели собаки.

– Как вас зовут? – недоуменно спросил его собеседник. – Позвольте узнать, кто говорит?

Долгая пауза. Эрхард хотел нажать отбой, но в темноте не увидел кнопку конца вызова. Он провел рукой по переплетенному шнуру и наконец нашел кнопку.

– Алло! – окликнули его на том конце линии.

Эрхард нажал отбой. В доме снова воцарилась оглушительная тишина. Все, что осталось, – ветер, который завывает в скалах. Новый год уже пришел на Канарские острова.

Палец лежит под подушкой, как счастливая монета.

Глава 8

Во вторник он встал рано и решил прокатиться перед тем, как доложиться диспетчерам и принять первый заказ. Вначале он всегда ехал в Алапаку, рыбацкую деревню, где кричат чайки и варят лучший кофе на Фуэртевентуре. Аристид и его жена Миса мелют кофейные зерна на старинной арабской ручной кофемолке, принадлежавшей еще отцу Мисы, – она длиной с целый стол. Сладкий кофе почти малинового цвета. Самый вкусный на острове. И хотя Эрхард не мог сказать, что побывал во всех местных кофейнях до одной, он точно пробовал кофе в большинстве из них.

– Эрхард, ты сегодня какой-то бодрый, – заметила Миса.

Эрхард сухо поздоровался с ее двоюродной сестрой. Кузина часто навещала Мису. Она ходила босиком. Эта молодая байкерша ругалась как грузчик. В общем, девица не вызвала у него никаких эмоций, хотя у нее красивые волосы. Ими можно было полюбоваться, когда она отворачивалась. Черные, прямые, они доходили ей до бедер. Пока Эрхард пил кофе, кузина рассказывала Мисе о каком-то бодибилдере по имени Стефано. Судя по всему, его нельзя назвать славным малым, хотя мнения Эрхарда никто не спрашивал. Кузина Мисы вообще никого ни о чем не спрашивает. Она без умолку тараторила о том, какие у ее бодибилдера куриные мозги, как он разбил телевизор и сколько денег потратил на ка-

ких-то страшных шлюх в баре в Пуэрто-дель-Росарио. Миса слушала, не прекращая подметать пол, время от времени она косилась на Эрхарда. В ее взгляде ему почудился немой вопрос: может быть, женщины не всегда того стоят?

Может быть, и мужчины тоже.

Кроме того, в кафе Мисы он принял душ, устроенный в небольшом сарае, где рыбаки чистят и сушат крупную рыбу. Со временем сарай превратился в своего рода общественный душ для серферов, рыбаков и одного таксиста, у которого нет водопровода. В хорошие дни в сарае пусто. Но сегодня на крюке подвешена огромная меч-рыба.

Глава 9

Он успел заработать всего 120 евро. Какое-то время ему везло: стоило посадить одного пассажира, как подворачивался следующий. Палец он держал в кармане, не смея его вытащить. Он пытался снять с него кольцо, но оно вросло, почти до кости. Билл Хаджи не был толстым, но палец у него либо распух, либо такой мясистый, что кольцо не снималось. Эрхард представил, как молодой Билл надел его. Наверное, получится стащить кольцо позже, когда палец немного усохнет. Если только кость не разломится пополам или не раскрошится, как сухая глина.

После сиесты он поехал в Виллаверде. Оставил машину на обочине служебной дороги за белым особняком семьи Аритца. Каждый год, всегда через несколько дней после Нового года, Аритца принимали гостей «с материка», а их юная племянница Айноа играла гостям Концерт фа мажор Гершвина.

Эрхард приезжал на полчаса раньше и настраивал рояль, пока женщины пили на террасе шампанское, а мужчины заглядывали внутрь «Стейнвея», отпуская замечания. Они разговаривали друг с другом, как будто Эрхарда нет. Андре Аритца – дружелюбный человек лет сорока пяти в необычайно толстых очках. С тех пор как Эрхард признался, что он ничего не понимает в компьютерах, да и не интересуется ими, Андре Аритца к нему охладел. Судя по тому, что Эр-

хард слышал, Андре нажил состояние на компьютерах и корабельных навигационных системах, что бы это ни значило. Он нувориш – на Фуэртевентуре их становилось все больше и больше. Странные, мягкотелые мужчины со статусными женами. Длинноногие красотки с модельной внешностью вели хозяйство и занимались детьми.

Сегодня три его близоруких приятеля-изобретателя тыкали пальцами в корпус рояля, смотрели на молоточки. Хотя Эрхард стоял рядом, они говорили о нем в третьем лице и называли «настройщиком». Зять Аритца рассказывал, как можно настроить рояль с помощью мобильного телефона.

– Очень, очень умное приложение, – объяснял зять. – Вот скажи, сколько ты платишь настройщику?

– Пожалуй, многовато за такую ерунду, – ответил Андре Аритца.

– Так скачай приложение, – советует зять, – оно стоит всего семьдесят девять центов.

Все засмеялись.

– Скоро бедняга останется без работы, – заметил «изобретатель» помоложе.

Эрхард поворачивал колки настроечным ключом; голова его под крышкой рояля. Он часто слышит такие разговоры. И когда водит такси – тоже.

Он все время помнил о пальце, который лежит в кармане. Конечно, он не мог его пощупать, просто знал, что палец там. Из-за этого в голову лезли странные мысли. Например, ему

вдруг захотелось вырвать все струны из этого чертова рояля. Или сыграть этюды, ударяя головой Андре Аритца по клавишам. И вместе с тем палец вызывал у него желание оставить все как есть. Сохранять хладнокровие и не упускать своих возможностей.

Рейна Аритца стал созывать гостей к столу. За закрытыми раздвижными дверями в их доме не столовая, а целые апартаменты. Из кухни пахло пережаренным лобстером. Пока гости переходили в столовую, Эрхард не спеша закончил работу и взял с рояля бокал с шампанским. Он пил у окна, любуясь видом на порт и на океан. Потом спустился в кухню, вымыл почерневшие пальцы и собрался уходить. На пороге вдруг вспомнил о конверте с деньгами. Его всегда клали на одно и то же место, на низкий столик. В конверте сто евро. Не нужны ему их деньги. Если он не возьмет конверт, докажет Андре Аритца, что их подачи ему не нужны. К тому же его еще и обсуждают, как неодушевленный предмет... Правда, они решат, что он просто забыл взять деньги. Он ничего не ответил, слушая презрительные замечания. Аритца наверняка решит: бедный свихнувшийся настройщик забыл свои деньги. Может быть, они еще больше над ним посмеются.

Ну уж нет! Он вернулся вверх, прошел мимо столовой, где Рейна рассаживала гостей, заботясь о том, чтобы мужчины и женщины сидели попеременно. Она позвала Андре, но тот не ответил. Эрхард взял конверт со столика и мель-

ком заглянул сквозь приоткрытую дверь в гостиную. Там у рояля стояла племянница и смотрела в окно. Андре Аритца наклонился к ней, приблизив губы почти к самому ее уху. Он пристально посмотрел на девушку, как будто ожидал какой-то реакции, но его ладонь скользнула по ее бедру снизу вверх, задирая полу длинной серебристой блузки, которая свободно свисала ниже талии. Похоже, ей это совсем не понравилось, с другой стороны, не заметно, чтобы ей было стыдно или она возмутилась. Единственное смягчающее обстоятельство в данном случае заключалось в том, что она ему не родственница, просто дочь хорошего друга, к которой они относятся как к племяннице. Кроме того, она не ребенок; ей лет семнадцать или восемнадцать. Эрхарду, который почти забыл, что такое секс, и не умеет соблазнять женщин, заигрывание Аритца не кажется ни сексуальным, ни соблазнительным.

Сзади слышались шаги Рейны Аритца; она идет по коридору.

– Сеньор Йоргенсен! – воскликнула она, когда увидела, как он стоит с конвертом в руке. – Спасибо за помощь! С Новым годом!

Эрхард быстро повернулся и распахнул дверь гостиной. Андре Аритца поспешно отдернул руку и застыл рядом с племянницей, как дворецкий, он посмотрел на Эрхарда исподлобья. Племянница по-прежнему выглядела равнодушной. Как будто он просто налил ей шампанского или сказал

что-то, над чем стоит подумать.

– Вас ищет ваша красавица жена, – громко произнес Эрхард.

– Понятно, спасибо, – ответила Андре и отвернулась.

– Лобстер остывает! – объявила Рейна Аритца, заглядывая в гостиную. – Не забудьте взять с собой бокалы.

– С Новым годом вас и вашу племянницу, – сказал Эрхард, обращаясь к Андре Аритца. Потом он развернулся и пошел вниз. Он навидался всякого, и все же задавался вопросом, не в последний ли раз он пришел в этот дом. После сегодняшнего ему еще труднее будет найти общий язык с Андре Аритца. Конечно, настраивать здесь рояль в любом случае придется нескоро. Эрхард делает свое дело очень тщательно. Так что решать все именно сейчас ни к чему. Пройдет еще год, прежде чем он снова увидит этих людей.

Он включил знак «Свободен». Может быть, удастся подобрать еще пассажиров до того, как он поедет домой.

Глава 10

У двери стоял мужчина. Прежде чем открыть, Эрхард долго смотрел в крошечный глазок и считал до тридцати – может быть, он постоит и уйдет? Имя незваного гостя – Франсиско Берналь. Он приподнял темные очки и потер глаза, как будто не выспался или у него аллергия. Тридцать один, тридцать два, тридцать три... Берналь по-прежнему стоял и смотрел на дверь, словно ждал, что она вот-вот распахнется. Красивый молодой человек лет тридцати восьми; у него двое детей и жена, которая работает в одном из многочисленных отелей. Эрхард открыл дверь.

Полицейский смотрел на Эрхарда.

– Отшельник, – сказал он.

– Суперинтендент!

– Я не суперинтендент.

– А меня зовут не Отшельник.

Берналь ухмыльнулся:

– Ну ладно, Йоргенсен. Как жизнь?

– Отлично. А у вас? Как дети?

– Младший только что переболел корью.

Эрхард кивнул. Они с суперинтендентом полиции нравов знакомы уже несколько лет.

– Вчера мне звонил ваш коллега, – сообщил Эрхард.

– Лучше бы вы вчера приехали в управление.

– Вчера я не мог.

– Тогда поедem со мной сейчас.

– Но вы ведь сами приехали сюда. И потом, я не понимаю, что вам от меня нужно. Я почти ничего не знаю. Обо всем, что мне известно, я уже рассказал.

Полицейский снял темные очки. У него усталый вид.

– Я отвезу вас туда и обратно.

– Соблазнительно, конечно, и все-таки позвольте отказаться.

Берналь покосился на машину Эрхарда:

– Что с вашим боковым зеркалом?

– Такое часто случается, когда водишь такси.

– Йоргенсен, меня прислали за вами. Перестаньте валять дурака!

– Называйте меня Сеньор Против Правил.

Берналь засмеялся. Смех у него искренний. Вот что в нем нравится Эрхарду.

– Почему вчера по телефону вы не назвались?

– Было плохо слышно, – ответил Эрхард. – Вы же знаете, какая связь в нашем захолустье.

– Насколько я могу судить, после того, как проложили новый кабель, связь стала гораздо лучше.

Эрхард ничего не слышал о новом кабеле.

– Почему вы не перезвонили? – не сдавался Берналь.

– Вчера был канун Нового года, и я устал.

– Когда вы обнаружили труп, вы тоже были усталым?

– Да. – Эрхард вспомнил слова, которые как будто вылетели из глаз Билла Хаджи. Что он такое говорил? В любом случае, если он сейчас расскажет об этом полицейскому, лучше не станет.

– Когда вы в последний раз были у врача?

– Расслабьтесь, – посоветовал Эрхард, доставая водительские права. Таксисты обязаны все время держать медицинские справки при себе, но он никогда не показывал свою никому, кроме Берналя, который каждый раз проверял ее.

Берналь посмотрел на дату: октябрь 2011 года.

– Вы хорошо видите в темноте?

– Конечно.

– Иногда, знаете ли, зрение подводит... в вашем-то возрасте.

– Вы меня обижаете. У нас работают еще два водителя, которые старше меня.

– Дело обстоит не совсем так. Альберто Рамиресу шестьдесят восемь, Луису Эрнандо Эспозито – шестьдесят шесть.

– Молодой человек, я поражен! Однако это не меняет того, что я хороший водитель.

– Я в курсе. И все-таки ваше упрямство меня бесит... Руки чешутся вас арестовать. – Внезапно Берналь посерьезнел. – Отшельник, у меня к вам просьба.

Никак ему не избавиться от клички. Несколько лет назад она его задевала, и он просил, чтобы его называли Йоргенсеном. Но надолго никого не хватало. Нет ничего более при-

липчивого, чем случайная кличка...

– Какая просьба? – спросил он.

– Нам хотелось бы кое-что выяснить насчет... насчет Билла Хаджи. – Берналь огляделся.

– Успокойтесь! Здесь никого нет, кроме нас. Разве что козлы...

– Я попросил Переса-Луниго подождать в машине.

Эрхард посмотрел на полицейскую машину и только теперь заметил фигуру на пассажирском сиденье. Перес-Луниго держался за ручку в потолке салона. Лоренсо Перес-Луниго – врач весьма заурядный, но, помимо всего прочего, он – единственный на всем острове судмедэксперт. Свое дело он делал не особенно хорошо, однако он очень высокомерен и, по мнению Эрхарда, проявляет нездоровый интерес к трупам. Жуткий тип. Несколько лет назад Эрхард собирался заявить на него в полицию за надругательство над трупом, но Берналь его отговорил.

– Как говорится, таксист не болтает о том, что происходит в такси.

– В дом хоть пустите? – вздохнул Берналь.

Эрхард провел его в гостиную, которая по совместительству исполняла роль кухни. Прислонился к столу и жестом пригласил полицейского последовать его примеру.

– У вас до сих пор нет водопровода, – заметил Берналь, глядя на пустую бутылку из-под коньяка на столе.

– Водопровод – для черепах.

– Вы сами живете как черепаха, что меня немного беспокоит.

– Не нужно беспокоиться. Мне приходилось и труднее.

Берналь пожал плечами и приступил к расспросам.

– По телефону вы сказали, что собаки обгрызли ему лицо.

– Я сказал «обглодали».

– Где сидели собаки? Сверху, на машине? И кусали его?

– Можно сказать, пожирали. Да, вот что я видел.

– Вы уверены? Уверены, что видели именно его лицо?

– Я видел его баки, я видел его волосы. Я видел его глаза.

– Может, вы тогда устали?

– На память не жалуюсь.

– А может, вы видели его только со спины?

– Если у него глаза на спине.

Берналь улыбнулся и продолжил:

– Мы не можем найти его кольцо. Оно уникально, однако само по себе ничего не стоит, так что продавать его бесполезно.

– Дикие твари могли сожрать его вместе с руками.

– Приехав на место, мы перестреляли всех четвероногих, которые двигались. Даже нескольких домашних псов прикончили по ошибке. Лоренсо по локти извозился в собачьих кишках. Кольца нет.

– Значит, он в своей стихии. А может, собаки не проглотили кольцо. Может, оно до сих пор где-нибудь валяется. Кто знает, где прячут добычу дикие звери?

– Если бы они его спрятали, мы бы наверняка нашли. Мы обыскали всю округу. Загвоздка в том, что пища в желудках у собак больше чем за три или четыре часа настолько растворилась, что мы уже не можем понять, что там такое. Конечно, к кольцу это не относится – его бы мы узнали сразу. А если лицо было последним, что собаки... м-м-м... объели, тогда мы должны были его найти.

– Когда вы туда приехали?

– Мы приехали, как только смогли. – Берналь смотрел на ламинатный пол, протертый и местами подклеенный клейкой лентой. – Случившееся пока квалифицируется как ДТП с участием одного автомобиля, – несколько раз повторил он, как будто собственные слова его страшно удивляли. Эрхард почувствовал облегчение и, пытаясь скрыть свое состояние, деловито расставлял какие-то вещи на столе.

– Долго вы добирались? – поинтересовался он.

– К тому времени, как мы прибыли, он, конечно, уже умер. Вы сами сказали – был канун Нового года.

– Ну и в чем проблема?

– Его родные дышат нам в затылок. Любовь лишает людей рассудка. Они хотят что-нибудь положить в гроб, но не просто камни с тропы Алехандро. А уж кольцо... сестра покойного просто заиклена на нем.

– Вы с ними не шутите. Особенно с Элинор. Ничего хорошего не получится. – Эрхард представил сестру Билла Хаджи, которую несколько раз видел в зеркале заднего вида.

Она еще больше мужик, чем ее покойный брат.

– Потому-то мы и рвем жилы. Понимаете, такое кольцо – не просто украшение. Оно как будто олицетворяет его. Я бы хотел вернуть кольцо его сестре и сказать, что в гробу лежит ее брат, а не только остатки его туфель и печень, которую эти твари почему-то не тронули.

– Ничем не могу вам помочь. – Эрхарда так и тянуло оглянуться на полку, но он не смел: палец лежал за книгами, в банке из-под растворимого кофе «Мокарабия».

Берналь озирался по сторонам, как будто хотел еще что-то сказать. Его взгляд на какое-то время задержался на стене, в том месте, где не было обоев. Там даже краски не было, лишь светлая клееная фанера с пометками плотника.

Эрхард проводил Берналя до машины. Перес-Луниго, похоже, уже проявлял нетерпение.

– Если услышите, что кто-то нашел кольцо, пожалуйста, сообщите мне.

– Ладно, – легко согласился Эрхард. – Если услышу, что кто-то нашел кольцо, сразу позвоню.

– Я вам рассказывал, что когда-то был знаком с девушкой из Дании? Давно, когда я жил на Лансароте. Совершенно дикая девчонка, ее невозможно было приручить. – Берналь сел в машину, но дверцу не закрывал. – А потом она вдруг уехала домой. На наших островах такое бывает часто. Все разумные люди рано или поздно уезжают домой.

– Я ее не знаю, – сказал Эрхард.

Глава 11

Он беседовал с мальчиком-мужчиной. Возможно, Аас – единственный, кого он не в состоянии прочитать. Ему кажется, что Аас первый из его знакомых, который одновременно является ничем и всем. Вот что так привлекает к нему Эрхарда. Они ехали по улице Тиндайя. Аас считает, что Эрхарду стоит попробовать.

– Ты этого заслуживаешь, и рано или поздно это случится, – сказал он.

Но Эрхард сомневался:

– Аас, с прошлого раза прошло восемнадцать лет! К нам на остров прилетает все меньше туристов. Причем многие из них – заядлые болельщики «Арсенала», которые ищут дешевое пиво и, грубо говоря, еще более дешевых шлюх! Ну, и еще семьи, семьи с толстыми детьми, которые, едва сойдя с трапа самолета, вопят, чтобы их отвезли в «Макдоналдс»! Хорошие пассажиры, постоянные клиенты попадают все реже и реже, даже мне. А покладистые женщины попадают еще реже.

– Может, познакомить тебя с Лианой или с другими сестрами?

– Спасибо за предложение, но монахини не совсем в моем вкусе, да и я, похоже, не особенно им нравлюсь. Если повезет, найду себе какую-нибудь старую, потрепанную, злую

вдову из Хорналя, городка, где сплошные вдовы.

При этих словах они оба рассмеялись.

– Да ладно, кому нужен потрепанный таксист, – продолжал Эрхард. – Простой работяга с инвалидностью, плохими зубами и так далее.

– Ты еще фортепиано настраиваешь.

– Пройдет совсем немного времени, и только идиоты будут платить за такого рода услуги. Прости меня, но настраивать рояли можно современными методами, проще, лучше и дешевле. Судя по всему, то же самое в ближайшее время произойдет и с такси. Их будут водить роботы.

– А как же ты? Чем ты будешь заниматься? Кто будет возить меня домой?

– Аас, к тому времени я уже умру. К тому времени ты станешь взрослым и забудешь про меня. К тому времени пророют туннель в Африку, и ты сможешь добраться по нему до Сахары и кататься там на электрических верблюдах.

Аас молча смотрел на замок бардачка, который открывается нажатием пальца.

Глава 12

Взрослые мужчины с воздушными змеями.

Он выключил свою вывеску, припарковался у дюн и стал наблюдать за кайт-серферами.

Он сам решал, сколько ему работать и когда. Иногда он работал с утра до вечера. Иногда брал выходной. Он ехал туда, где мог найти пассажиров, и вез их. Во всяком случае, ему так представлялось. Все не так сложно; от него много не требовалось. Он просто знал, где можно найти пассажиров. То же самое с фортепиано. Стоило ему услышать несколько нот, как он понимал, над чем нужно работать, где западание клавиши вызвано влажностью, а где — просто пыль или пух попали внутрь. Точно так же он заранее предчувствовал плотность потока, угадывал по погоде, по состоянию воздуха, по звукам, доносящимся из аэропорта. Он знал, есть ли пробка на главной дороге. И он знал, где ждут такси женщина с дочерью-подростком, которые возвращаются в отель после прогулки по магазинам, или где вскоре на дорогу выйдет группа бизнесменов и подзовет его свистом, чтобы ехать в ближайший стриптиз-бар. Иногда он ехал туда, где его ждал серфер с песком между пальцами ног. Он не жалел долларов, чтобы добраться до города. Серф привязывали к крыше. Одни коллеги терпеть не могли Эрхарда за такую способность, другие им восхищались. Многие католики крестились, когда

он заходил в авторемонтный цех. Девушки-диспетчеры редко подбрасывали ему заказы: всем известно, что у него и без их помощи много клиентов. Время от времени какой-нибудь молодой водитель спрашивал, как ему все удастся. Увидев его в баре при отеле «Феникс», приставал с расспросами, а товарищи окликали его из глубины зала.

– Да ладно вам, этот тип – местная легенда, – орал он в ответ, – он поделится со мной своими тайнами!

Но Эрхард ни с кем не делился своими тайнами; он сам не мог объяснить, как у него все получалось.

Обычно он советовал:

– Следи за потоком, ставь себя на место пассажира. Куда бы ты сам захотел поехать, если бы погода была такой-то или такой-то? Много ли сегодня туристов?

И так далее. Советы неплохи, правда, следовать им не всегда бывает просто. А по правде говоря, он и сам не понимал, как у него получается угадывать.

– Это как музыка, – пытался он объяснить молодым коллегам, которые обычно совершенно не разбирались в музыке.

Таксисты помоложе еще полны были желанием чему-то научиться, а вот водители постарше относились к его словам с горечью. Сами они до конца дней своих только и будут крутить баранку; и никогда им не разбогатеть, работая таксистами. Эрхарда они считали паразитом, эстранхеро – иностранцем, который не только отбивает у них клиентов,

но и держится так, словно он лучше их. Он живет совсем один в Маханичо, а в очереди, когда не отбивает у других редких пассажиров, он не болтает с другими водителями, а сидит в своем старом «мерседесе» и читает книжки! Одни только думали так, другие говорили ему все в лицо. И тут они были правы. И насчет книг тоже. В самом начале он читал, чтобы расслабиться и показать другим таксистам, что он вовсе не стремится отбивать чужих пассажиров. Он специально объезжал стороной самые популярные места, вставал в конец очереди – иногда простаивал там весь день, если попадалась интересная книжка.

В багажнике он держал коробку, набитую книгами в бумажных обложках; он рылся в них и выбирал себе чтение. Ему нравилось смотреть на обложки и проводить пальцем по тисненым буквам заглавий. Иногда он листал книгу и проверял, много ли загнутых страниц – закладок. Если много, это хорошо. Он покупал книги, иногда целыми ящиками, у одной знакомой в Пуэрто. У Солильи магазин подержанных вещей, где есть и букинистический отдел. Несколько раз в месяц по пути в аэропорт он заезжает к Солилье и покупает книги, а иногда что-нибудь из одежды.

С подержанными книгами полный порядок, а вот старая одежда пахнет. Прежде чем надеть, он стирал купленные вещи, потом развешивал на веревке за домом и оставлял повисеть неделю. Тогда запах выветривался и сменялся ароматом островной почвы. Иногда Эрхард целый день стоял в

очереди на стоянке и читал. Надо что-то оставлять и другим. У всех таксистов жены и дети, им надо кормить семьи, они не могут себе позволить роскоши сидеть и читать. Он не такой, как они. Чем больше он зарабатывал, тем больше посылал Аннет. Каждый месяц он переводил на ее счет почти все свои заработки. Электронные переводы бездушны; к ним не прилагаются дружеские сопроводительные письма. Ничего другого он не заслуживал, и ему не нужно особого обращения. Он может долго прожить на кофе и консервах, купленных впрок много лет назад. Он разогревал их и ел прямо из банки. Его это не смущало. Иногда он ходил в самые лучшие рестораны на Фуэртевентуре, не спеша выбирал дорогое вино и выкуривал хорошую сигару. И это его тоже не смущало. Летом он сидел в своей машине и читал, опустив окошко, а зимой ставил на тротуар складное кресло. Другие водители, потеющие в своих машинах, еще больше злились на него за эту привычку.

По пути к дюнам, когда медленно проезжаешь мимо тихих отелей с садовниками, которые хлопотливо поливают траву из шлангов, можно увидеть над океаном воздушных змеев. Они носятся над водой туда-сюда, словно птицы на охоте. Он оставил машину на обочине и по песчаным отмелям побрел к воде. Солнце безжалостно пекло. Во всяком случае, так ему показалось. Пляж тянулся бесконечно, море было похоже на гигантский воздушный шар, который почему-то лежит на конце бежевой дюны. Сегодня семьи с детьми

не гуляют по пляжу из-за сильного ветра. Ветер бросает песок в лицо; от него щиплет глаза.

Рядом с контейнером, где хранится экипировка для серфинга, стоит крошечный торговый павильон на деревянных сваях. Там продают мороженое, там можно отдохнуть от ветра и солнца и послушать музыку.

Эрхард потягивал пиво «Сан-Мигель» и наблюдал за кайтерами, которые держались за тросы. Взрослые люди летают на воздушных змеях.

Иногда им удавалось поймать ветер, а иногда совсем наоборот. Стоя у торгового павильона, он досадовал на звуки, которые ему мешали. Он слышал кашель хозяйки и натужное пыхтение кофеварки. Звук возможности. Хозяйка лет на двадцать моложе его, но изрядно потрепана жизнью. У нее внешность монашки; она усердная, работающая и на вид слишком уж привязчивая. Разведенная мамаша четверых детей, которой надо было во что бы то ни стало устроиться на работу после того, как сбежал ее муженек.

С одной стороны, она привлекала его в роли возможной любовницы: она опытная и в высшей степени услужливая. Но с другой стороны, она его пугала. Она наклонилась вперед, к маленькому окошку, чтобы понаблюдать за воздушными змеями.

– Там кто-то из ваших сыновей? – спросил Эрхард.

Она удивленно посмотрела на него:

– Вы знаете моего Робби?

– Я немного знаю всех, – ответил он.

Глава 13

В 4 часа он подъехал к кладбищу в Олеане и припарковался на противоположной стороне дороги. Наблюдал, как родные и близкие выходят из церкви. Маленькая процессия, много цветов. Обычно в очень богатых семьях хотят нести своих покойников как можно дальше, зато бедняки тратят огромные деньги на дорогие катафалки. Семья Хаджи внесла гроб в кладбищенские ворота и повернула на тропинку.

Издали гроб совсем не кажется легким. Может быть, туда все-таки положили несколько камней? За гробом шла Элинор; с одной стороны ее поддерживала высокая молодая женщина с челкой, которая падала ей на глаза. С другой шла пожилая женщина, возможно тетка. Напротив ворот стоял Берналь. Он в парадной форме, выглядел еще более усталым, чем в последний раз, когда Эрхард его видел. Берналь кивнул Эрхарду и влился в процессию.

— Это наказание Божие, — донесся до него женский голос. Женщина, которая произнесла эти слова, наблюдала за похоронами со своего балкона. — Наш остров слишком беден для такого содомита.

Глава 14

Ночью он лежал в постели, открыв один глаз, смотрел на телефон, похожий на коробку, из которой торчит перекрученный шнур. В таком состоянии, перед тем как заснуть, он воображал, как встает и берет трубку. Утром он смотрел на телефон, пока завтракал и снова представлял, что он звонит. Он решил позвонить сам. Прошло уже восемнадцать лет. Но он не смог этого сделать и поспешил к машине.

Зайдя в супермаркет, он первым делом обратил внимание на телефон-автомат в углу, в который надо бросать монеты. Проходя мимо магазина электроники – в Корралехо их много, – он сразу увидел на дальней полке автоответчик в выцветшей коробке. С тех пор как Аннет позвонила и прокляла его, он всегда так себя чувствовал в начале нового года. В тот раз он ничего ей не ответил, – понимал: она позвонила, чтобы выпустить пар.

Это случилось в 1997 году, сразу после того, как он начал посылать домой деньги. Аннет заявила, что не может их взять. Его проклятые деньги встанут ей поперек горла. Ей ничего от него не нужно. Ничего!

– Ты умер, ты уже умер! – крикнула она и бросила трубку. На следующий Новый год она снова позвонила. Тогда она не произнесла ни слова, только плакала двадцать секунд.

Тогда он слышал ее голос в последний раз. Но в этом го-

ду исполняется восемнадцать лет с тех пор, как он ее бросил. Он ждал звонка. Более того, надеялся, что она позвонит. Пусть даже просто поплачет в трубку. Но она не позвонила. Может быть, она забыла его номер – или его самого. Вполне возможно, она снова вышла замуж. От нее ни слуху ни духу.

Он подбирал всех пассажиров, какие попадались, работал весь день и весь вечер, пока от усталости у него не начали слипаться глаза. Потом он поехал в порт, купил первую подвернувшуюся под руку бутылку вина и выпил ее в одиночку, сидя на пирсе и глядя, как молодежь прыгает в воду. Последние лучи солнца исчезли с каменистого острова Лобос, море почернело. Тогда он заковылял на улицу Муэлье, к дому Рауля и Беатрис.

– Поднимайся, старина, – ответил Рауль в домофон.

Они вместе вышли его встречать. На Беатрис желтое летнее платье, которое выгодно подчеркивает ее длинные, загорелые ноги; на Рауле рубашка, расстегнутая наверху. Они так ему рады, как будто он их отец. Им приятно в его обществе, они все понимают, они рады. Пригласили его выпить мохито. Они втроем поднялись на террасу на крыше. Беатрис села к Раулю на колени, и они поцеловались. Эрхард рассказал о кайтерах, о Билле Хаджи и Монике, матери Мальчика-мужчины. Рауль сказал, что в жизни не встречал такого невероятного человека, как Эрхард, а Беатрис, предварительно смешав им еще коктейлей, а себе налив вина, наклонилась к Эрхарду и погладила его по редющим волосам. Эр-

хард вдохнул аромат ее духов.

Хотя он, как всегда, притворялся, будто ему все равно, иногда по ночам Беатрис появлялась в его сексуальных фантазиях. Ее ногти похожи на остро отточенные карандаши, они гладят его по голове. Очевидно, все было бы по-другому, будь они на самом деле его детьми: Рауль – сыном, а Беатрис – невесткой.

Но он знает, что они не его дети, и его член знает, что они не его дети, такие дела. И Раулю он совсем не завидует. Рауль есть Рауль, он всегда ведет себя как хозяин положения. Конечно, Рауль – сын своего отца и приятель Беатрис, но ни в чем нельзя быть уверенным. Раулю хочется всего, и в то же время он ни к чему и ни к кому не желает привязываться. У него есть все, но он ничем не хочет владеть. Рауль необычайно обаятелен, задирист и вечно пьян – либо в запое, либо с похмелья. Непонятно, почему он оказался самым внимательным учеником Эрхарда. Его единственным учеником. Вначале он был глуповатым молодым человеком, у которого в мозгах не было ничего, кроме дешевых развлечений и американских порнографических журналов. Кроме того, он всячески старался уклоняться от дополнительных проблем – с учителями, полицией, соседями, сердитыми на него молодыми женщинами, а также со своим отцом. Эрхарду пришлось научить его широте взглядов. Теперь Рауль стал беспечнее относиться к словам отца, равнодушнее воспринимать девицкие взгляды. Научился думать, воздвигать своеобразный бу-

фер между своими неожиданными порывами и неуклюжими попытками к независимости. Короче говоря, он стал терпеливее. Все же Эрхарду удалось кое-что вложить в этого мальчишку, который успел превратиться в мужчину. В последнее время Рауль стал заметно спокойнее, не такой дерганый, не такой пугающий. Он выглядит более счастливым. Перемену в нем заметил даже его отец. Правда, Палабрас-старший сомневается в том, что за преобразованием сына стоит его дружба с Эрхардом. Не верит и в то, что Рауль уже много лет как остепенился, осел, и его банковский счет в порядке. В результате Рауль стал близким другом Эрхарда. Другом и собутыльником. Возможно, Рауль – его единственный друг. Рауль и Беатрис ценят Эрхарда, они признают за ним право голоса, он чувствует их восхищение. Они относятся к нему как к человеку, которым он является последние двадцать лет.

Но, по мнению директора-распорядителя «Такси Вентуры» Паули Баруки, их дружба ненормальна, неестественна. Дело в том, что Рауль входит в совет директоров конкурирующего таксомоторного парка. Поговаривают, что у их дружбы есть теневая сторона. Кое-кто считает, что Эрхард работает на Рауля, возит его бесплатно и решает его проблемы. Но они с Раулем в общем и целом не слишком участвуют в жизни друг друга. В основном они разговаривают о еде, спиртных напитках, о драках в «Желтом петухе». Эрхард делится анекдотами о жителях Корралехо. Иногда Рауль жалуется на «богатых свиней», как он их называет, и на то, что

в его личной жизни «все сложно». Беатрис только смеется. Они не интересовались тем, что делает другой в свое свободное время. Рауль и слышать не хотел о работе таксиста; всякий раз, как Эрхард жаловался на диспетчеров или очередные новые правила для водителей, Рауль только отмахивался – совсем как его отец. Не интересовали его и книги, которые читает Эрхард. А Эрхард не спрашивал Рауля о «Такси-нарии» или откуда у Рауля столько денег. Скорее всего, деньги дает ему отец, хотя Рауль неоднократно повторял, что хочет сам зарабатывать себе на жизнь. Только как-то давно, в деле с Федерико Молино и чемоданом, Эрхард ради Рауля зашел слишком далеко.

Он нарушил закон, но из благих побуждений. Вот как Эрхард сейчас относится к тому происшествию, о котором они с тех пор не говорили.

Они смотрели на город и на пляж. Вода была похожа на марципан. Рауль показал ему ссадину на костяшке пальца:

– Немного повздорил с моряком в «Желтом петухе». – Он хихикнул. – Он кое-что сказал о моей подружке.

Беатрис раздраженно отвернулась.

– Я тебя не просила его бить, – сказала она.

– Неужели другого выхода не было? – спросил Эрхард, хотя искренне считал: грубых деревенских парней, которые приезжают в Корралехо и затевают там драки, необходимо проучить.

– Ты его не знаешь, – ответил Рауль. – Он заслуживал на-

казания. Он надоедает мне давно, не первый месяц и даже не первый год... Ладно, хрен с ним. Не нужно больше об этом говорить, ладно, Би? Салют! – воскликнул он и выпил.

Они обсуждали вино, закат, а позже – рассвет и новые яхты, которые встали на якорь в марине, Петру и ее дочь – Рауль тоже считал, что она идеально подойдет Эрхарду. Раулю смешно из-за того, что Эрхард ни разу не видел саму девушку, только ее фотографию на стене салона.

– У тебя проблемы с женщинами? – спросила Беатрис.

Рауль посерьезнел.

– Эрхард не говорит о своем прошлом.

– Для этого может быть много причин, – заметила Беатрис.

– Аккуратнее, Би, – предупредил Рауль.

– Ты боишься любви? – не сдавалась она.

Рауль поднял левую руку Эрхарда, чтобы она видела недостающий палец.

– У любви много лиц, но только одна задница, – сказал Эрхард.

– Как поэтично! – воскликнул Рауль. – Лучше скажем: жениться опасно.

Беатрис толкнула его в бок:

– Что тут смешного? Почему ты так об этом говоришь?

– Расскажи Беатрис о дочке парикмахерши, – предложил Рауль. – Пять или шесть раз он собирался с ней познакомиться, но каждый раз сбегал.

Скорее четыре раза. В том числе в канун Нового года. Но Эрхарду не хотелось рассказывать о последней попытке.

– По-моему, это было в прошлом году. Или в позапрошлом. Когда весь январь шли дожди.

– В позапрошлом, – уточнила Беатрис.

– Я припарковался, решил отдохнуть от пассажиров и пошел к дому Петры и ее мужа. Дочка тогда жила еще с ними. Их сын учится в школе-интернате. С улицы я слышал голос Петры. Ты, кстати, знаешь, что она говорит с сильным йоркширским акцентом?

Покачив головой, Беатрис засмеялась.

– Муж отвечал ей – он наполовину марокканец, владеет, среди прочего, сетью магазинов электроники в Пуэрто. Они ссорились из-за комнаты сына в общежитии. Я спрятался в подъезде дома напротив и смотрел на их окна, стараясь хоть краем глаза увидеть дочку, которой меня все время дразнит Рауль. Наверное, я простоял там целый час. Стоял, следил за каждой тенью на потолке, рассмотрел всю белую лепнину. И мне все время казалось, что я увижу ее на балконе или в большом окне рядом с балконом.

– Ты прямо Гамлет какой-то, – ухмыльнулся Рауль.

Беатрис шикнула на него.

– Хочешь сказать – Ромео, – поправил Эрхард и продолжил: – И вот я настолько поглощен своими мыслями, что даже не замечаю фигуру, которая проходит мимо меня по улице, оставляя за собой шлейф медового аромата. Она входит

в дом напротив. И только когда хлопнула дверь квартиры, ссора резко прекратилась и Петра заплетающимся от вина языком говорит: «Луиса, милая», — я понимаю: та самая дочка только что прошла мимо.

— А потом? Потом что? — нетерпеливо спросила Беатрис.

— Ничего, — ответил Рауль. — Вот почему все так прекрасно. Это же Эрхард. Ничего не происходит, черт побери! Ничего!

— Что? — удивилась Беатрис. — Ты не поднялся к ним?

— Мне не суждено ее увидеть.

— Что?! — взволнованно вскричала Беатрис. — Глупости!

Ну признайся, ты ведь сам себе не веришь!

— Я умею распознавать знаки.

— Но с чего ты взял, что тебе был знак?

— Я вижу. Вижу шаблон.

— Здоровье Луисы. — Рауль поднял бокал.

— Ты сам себе не веришь, — повторила Беатрис, выпивая.

В глубине души Эрхард надеялся, что Луиса — слегка состаренная версия Беатрис с губами как у Кирстен — женщины, с которой он трахался в подсобке бара в Хорсенсе, в Дании, несколько десятилетий назад, — а задница как у одной из тех девиц, что играют в пляжный волейбол. Такую девицу он недавно подвозил в «Спорт Фуэрте». Но, по правде говоря, она, скорее всего, довольно заурядная и милая девушка в платье в цветочек, с белой кожей и острыми, как у матери, английскими грудками.

– Салют! – Эрхард, шумно хлюпая, высосал остатки рома с сахаром со дна бокала и выковырнул листья мяты, застрявшие между зубами.

– Скоро это превратится в одержимость, – заявила Беатрис. – Через десять лет ты не сможешь думать ни о ком другом и начнешь безостановочно говорить о ней. Вот погоди, и увидишь. Будешь как те рыбаки, которые наконец-то дорвались.

– Не настолько она прекрасна, – возразил Рауль.

Беатрис ткнула его локтем в бок.

– Как-то живу без подружки, наверное, проживу и еще немного.

– Семнадцать лет. – Рауль покачал головой. – Все потому, что ты живешь в пещере.

– Все не так просто, как у тебя получается.

– Ну да, ну да. А если ты будешь посылать домой всего половину того, что ты зарабатываешь... или четверть? Тогда у тебя будут деньги на что-нибудь еще.

Об этом Эрхард говорить не хотел.

– Бывший муж в раю, – обратился Рауль к Беатрис. – Все свое состояние он отправляет ей в Данию.

– Очень мило с твоей стороны, – усмехнулась Беатрис.

– Спасение стоит дорого. Разве не так ты сам когда-то меня учил? Мудрые слова, старина! – Рауль засмеялся. – А по-моему, здесь у тебя не слишком бурная общественная жизнь. Тебе нужно вылезать, встречаться с людьми.

– Если мне суждено с кем-то встретиться, так и произойдет.

– Только прошу тебя, не надо нести чушь насчет кармы и прочего. Если тебе надоело прозвище Отшельник, почаще вылезай из своего черепашьего панциря.

– Может, это его доспехи? – предположила Беатрис.

– Да какая разница? Знакомься с новыми людьми, знакомься с женщинами.

– Эй, я тоже хочу знакомиться с новыми людьми. Почему мы никогда не знакомимся с новыми людьми?

– Знакомимся. На яхте и так далее.

– Да, со стариками, владельцами «старых денег». Я имею в виду – с интересными людьми, как в Барселоне.

Рауль считал, что Беатрис говорит так нарочно, потому что она злится. Ей не на что жаловаться, сказал он, задрав на ней платье. Эрхард сидел тихо и смотрел вперед. Его взгляд бродил по крышам, которые как будто вибрировали, сползая вниз; антенны словно пробовали воду. Чтобы прогнать ненужные мысли, он закрыл глаза. Когда он снова открыл их, на террасе, кроме него, никого не было. Никто не сидел на стульях; со стола было убрано. Его укрыли легким одеялом, рядом горела свеча. Небо тяжелое, темное, безжизненное. Из-за огней города не видно звезд.

Глава 15

Он подвозил женщину. Посадил ее в машину возле порта в Корралехо; волосы у нее растрепались после поездки на пароме. Они ехали в «Спорт Фуэрте», но она никак не могла найти адрес квартиры, в которой она будет жить. Ей около шестидесяти. Пальцы у нее длинные, уже побуревшие. Кольца нет.

Кроме всего прочего, его пассажирка – шведка. Она была чем-то сильно расстроена и напугана.

В общем, они, наверное, могут понять друг друга, разговаривая на своих родных языках. Правда, Эрхард почти забыл шведский, который когда-то знал. Пассажирка спросила его о цепочке, которая болтается на зеркале заднего вида: маленькая, позеленевшая подвеска из серебра. Здесь так темно, сказал он, и она засмеялась. У нее чудесный смех. Она поблагодарила его за прекрасную поездку, потом медленно и методично опустила монеты в его ладонь, и он почувствовал ее пальцы. Вот чего ему не доставало.

Но ни к чему это не приведет. Он достал ее чемодан из багажника. Озадаченная, она долго рылась в сумке. Она не дала ему номер своего телефона – как ему вначале показалось – и оставила его визитку на заднем сиденье, вместе с билетами на паром. Эрхард воспринял все произошедшее как знак. Конечно, знак, что же еще? Он слишком старый и слишком

уродливый.

Во время сиесты он поехал домой завтракать.

Вынул палец из кармана. Он светло-коричневый и скрюченный; его собственные пальцы розовые, только ногти черные. Здесь, на острове, ногти быстро чернеют. Черная пыль, которая висит в воздухе, оседает на все и забивается под ногти. Он оттер их обувной щеткой и вымыл в саду. Кроме ногтя Билла Хаджи.

Потом он приклеил палец к своей левой руке. Серебристая лента закрыла сустав, и кажется, будто кисть у него как у всех, с пятью пальцами. Он стоял перед зеркалом и любовался собой – рука болтается сбоку, рука подпирает подбородок... Он скрестил руки на груди, потом сунул большой палец в карман брюк. Перемена небольшая, но она ему идет. Новый мизинец... Он чувствовал себя почти нормальным. Выходя из дому, он не убрал палец в карман, а так и оставил на левой руке.

У перекрестка с круговым движением на выезде из Пуэрто его остановила парочка. Эрхард повез их в центр аренды велосипедов на улице Панитта. Переключал передачи и ритмично барабанил пальцами по рулевому колесу. Ни один из пассажиров не сказал ему ни слова. Они не обратили никакого внимания на его левую руку. Болтали обо всем на свете. Потом Эрхард поехал в «Оливу»: мужчина вез собаку к ветеринару. Собака, старая овчарка, сидела почти неподвижно и тяжело дышала. Эрхард боялся, что собака учует оторван-

ный палец, но она, похоже, больше интересовалась пустым местом под ручником, где валялась оставшаяся от завтрака салфетка. Хозяин вздохнул: животное, скорее всего, усыпят. Сделать уже ничего нельзя, несколько раз повторил он.

Час спустя он повез их домой. Собака по-прежнему тяжело дышала, но ее хозяин был счастлив.

– Получилось! – шепнул он собаке.

Глава 16

И вот пошел первый в году дождь. В дождливые дни ему больше всего хотелось остаться дома и пить «Лумумбу». Здесь мало кто умеет смешивать этот коктейль. Если Эрхард заходит в бар при каком-нибудь отеле, – ему нравятся тихие отели с кондиционером и полупустым баром, где бармен тихо стоит между сигаретами – итак, если он заходит в бар при отеле, ему часто приходится учить бармена, как готовить «Лумумбу».

В отеле «Феникс» в Корралехо он однажды сам встал за стойку, чтобы показать новичку-бармену, как подогревать какао той же насадкой, какой взбивают молоко для кофе.

Сегодня он остался дома. В чулане на верхней полке у него есть какао-порошок, сухое молоко и коньяк. Насколько ему известно, сезон дождей обычно начинается весной, но здесь по этому поводу существуют разные мнения. Он взбил сливки вилкой, приделанной к дрели. А потом, не надевая рубашки, сел на стул под брезентом и стал смотреть на гору. На дождь.

Палец он положил в стакан с формальдегидом. В стакане палец казался длинным и тонким. Палец фараона. Таким пальцем можно вызвать грозу. Вблизи он бурый и скрюченный. Кольцо теперь сидит свободно; его можно повернуть, но оно по-прежнему не снимается. Это начало его раздра-

жать. Если он стащит кольцо с пальца, палец будет казаться больше его собственным. Но нельзя допустить, чтобы он пересох. Тогда он сломается. Или развалится. Как раздавленная палочка корицы.

Капли такие крупные и падают так часто, что кажется, будто ворчит сама земля. Дождь заглушает все остальные звуки. Эрхард думал о крыше из рифленого пластика над туалетом и кухней – по ней дождь барабанит особенно громко. Целых семнадцать лет он собирался от нее избавиться. Пластиковая крыша не подходит к его дому по стилю и торчит как гнилой зуб. Правда, на самом деле ему все равно. Пластиковая крыша раздражала его, только когда хлопала при южном ветре, а он лежал все утро в постели, ругая ветер, крышу или себя самого, потому что много лет назад не заметил этот старый лист пластика или, по крайней мере, не придавил его камнями, чтобы так не хлопал. Но, когда он вышел посидеть перед домом, увидел гору и серебристое небо, уже ни о чем не думал.

Когда кто-нибудь восклицал: «Как чудесно жить в таком месте, где никогда не идет дождь!» – он обычно соглашался. Но, по правде говоря, четыре или пять дождливых дней в году нравятся ему больше всего. Они разбивали монотонность солнечного света; они были похожи на внеочередные выходные, неожиданно свалившиеся с неба. В дождливые дни весь остров замирал. Все смотрели на небо или бегали по округе, подбирая вещи, забытые на дорожке, под окном или на тер-

расе. В дождливые дни Эрхард не водил такси. Когда идет дождь, пассажиров не счесть, но ему жаль напрасно растратывать хороший дождливый день. Машина стоит у дома, а он сидит под брезентом и пьет «Лумумбу», пока не заканчивается теплое какао в термосе. Потом он заснул. Если в такой день он предпочитал напиться в каком-нибудь отеле, то после снимал там номер. Он знаком с администраторами многих отелей. Войдя в номер, он, не раздеваясь, бросался на постель. После «Лумумбы» у него не бывает похмелья.

Вот чем ему так нравится «Лумумба».

Глава 17

Что-то хлопает. Наверное, крыша на ветру. А может, это гром. Кто-то постучал в дверь.

– Эрхард! – Голос перекрывал сильный, проливной дождь. Гром тоже гремел... и кто-то стучал в дверь. Потом тишина.

Эрхард сбросил одеяло, встал и пошел к двери. Промокнуть он не боялся. Ему нравится чувствовать на коже холодные капли; они уводят его все дальше и дальше от размышлений или сна, в который он провалился. Он узнаёт машину с откидным верхом и фигуру, которая сидит в машине, за запотевшим стеклом. Рауль барабанит в дверь.

– Я знаю, что ты дома! Допивай «Лумумбу» и выходи!

– Диос мио, парень, ты мне весь дом разнесешь!

Рауль повернул дверную ручку и приложил ладонь козырьком ко лбу. Разглядев в темноте Эрхарда, он расхохотался и, весь мокрый, обнял его, от этого Эрхард тоже сделался мокрым.

– Пошли! – сказал Рауль и потянул друга к машине. – Мы едем на маленькую экскурсию.

Эрхард уже привык к таким выходкам Рауля, поэтому несколько не возражал.

– Минутку, – сказал он. – Я сейчас. – Он вбежал в дом, схватил стакан с пальцем и отнес его в кладовку. Поставил его на верхнюю полку, между консервными банками и пач-

ками какао. Какое-то время смотрел на палец. Потом клещами вынул его из стакана и осторожно переложил в пакет для заморозки. Завязал пакет тугим узлом. Сверточек удобно поместился в кармане его шортов цвета хаки и не торчал наружу. Никто не догадается, что там.

Беатрис переползла на заднее сиденье, а Эрхарда усадили вперед. Рауль – он такой. Беатрис обняла его сзади, и ее кудряшки щекочут ему шею. От нее всегда пахло по-разному, наверное, она никогда не душится одними и теми же духами. Сегодня от нее пахло ванилью и солью. Рауль задним ходом вывел машину на тропу Алехандро и развернулся, разбрызгивая грязь. В машине гремела музыка. По мнению Эрхарда, это просто грохот, а никакая не музыка.

– Все придумала Би! – прокричал Рауль.

– Я просто сказала, что молнии красивые!

– А потом предложила поехать в Котильо.

– Там их лучше видно.

– Ну а я что говорю?

– Но почему в Котильо? – спросил Эрхард, глядя, как по лобовому стеклу быстро бегают «дворники». – Здесь ведь то же самое!

– Для друзей – только самое лучшее! Мы поедем к рифам, чтобы услышать рокот прибоя и увидеть пену на волнах!

Послушать Рауля, можно подумать, что он – сам Зевс-громовержец.

Рауль, в общем, не лихачит, но едет гораздо быстрее, чем

нравится Эрхарду. Конечно, Эрхард так привык сам сидеть за рулем, что ему не по себе на пассажирском сиденье. Он смотрит через левое плечо всякий раз, как они поворачивают, и тянется к ручке переключения скоростей, когда они поднимаются в гору. Дорога блестит, и пейзаж незнакомый, как будто затянут в черный пластик. Это дождь – он повсюду. Вода не впитывается в пересохшую почву.

– Тебе обязательно нужно спуститься к самой воде, – сказал Рауль, обращаясь к Беатрис.

Поднимая тучи брызг, они проехали через Котильо. Струи воды окатывали стены придорожных домов. Возбуждение Рауля заразительно. Беатрис тоже взволнована – или, может быть, злится. Кстати, Рауль, возможно, тоже злится. С ним никогда ничего нельзя было знать наверняка.

Город остался позади; они повернули на парковку на вершине холма. Тропа вела вниз, на пляж.

Парковка была заставлена машинами – они стояли не ровными рядами, как в открытом кинотеатре, а как попало, хаотично. Их штук двадцать или тридцать. Эрхард заметил даже несколько полицейских машин. Небо было похоже на серый холст, который ярко освещался зеленым всякий раз, когда сверкала молния.

– Приехали! – крикнул Рауль. Он уже открыл дверцу и стоял под дождем, накрыв голову курткой.

– А отсюда нельзя посмотреть? – спросила Беатрис.

Рауль ее не услышал. Хлопнув дверцей, он обежал маши-

ну кругом, чтобы выпустить ее из машины. Беатрис молча взяла Рауля за руку и вылезла. Эрхард тоже выбрался наружу. Он сразу промок, но его это не беспокоило.

Они побежали вниз по склону, как будто хотели встать в очередь желающих посмотреть сегодняшнее представление. Конечно, никакой очереди не было. Во всяком случае, на склоне. Поскальзываясь на мокрой тропе, они стали спускаться. Беатрис возбужденно взвизгнула.

Молнии непрестанно вспарывали небо. Раскаты грома почти заглушали дождь. Каждая вспышка расцветала фантастическим узором, озаряя все вокруг каким-то нереальным светом. И, в довершение всего, совсем рядом ревел и пенился океан.

Действительно, на пляже собралась целая толпа. Они видели темные силуэты людей с фонарями и факелами. Люди перекрикивались, какая-то машина кружила и кружила по песку.

– Какого черта? – удивился Рауль. – Что случилось?

– Наверное, какая-нибудь туристическая группа! – крикнула в ответ Беатрис.

– Не может быть – в такой дождь! – засмеялся Рауль.

Они направились к толпе – она оказалась не такой густой, как им показалось вначале, люди стояли полукругом. Мерцал синий свет, кто-то скомандовал:

– Отойдите, отойдите!

Но никто не двинулся с места. Волны лизали им ноги; некоторые стояли почти по колени в пенной воде.

— Там машина! — крикнула Беатрис. — Что она здесь делает?

Глава 18

Полицейский пытался обнести заградительной лентой черный «фольксваген-пассат». Вокруг нее расставили яркие прожекторы, но генератор не справлялся, и прожекторы по очереди гасли и заваливались на мягкий песок.

Рауль, Беатрис и Эрхард подошли к собравшимся, намереваясь выяснить, что случилось. Между собой они решили, что кто-то неудачно припарковался или бросил на пляже угнанную машину. Эрхард много раз видел и то и другое.

– Давайте отойдем отсюда и полюбуемся молниями, – предложила Беатрис.

– Нельзя, – ответил Рауль. – Случилось что-то ужасное.

– Да ведь и я про то же! Неприлично стоять и глазеть. Тут наверняка есть пострадавшие.

Человек, стоящий перед ними, сказал:

– Кто-то случайно свалился с обрыва и упал в море.

– Оттуда невозможно свалиться случайно... Наверняка кто-то решил покончить с собой, – возразил другой.

– Самоубийство?

– Кто пришел сюда первым? – спросил полицейский.

Несколько человек подняли руки.

– Кто нас вызвал? Не помню, с кем из вас я уже говорил...

Один мужчина сделал шаг вперед. Разговора не было слышно из-за дождя. Мужчина показал наверх, на склон. По-

лицейский начал было записывать его ответы в блокнот, но из-за сильного дождя оставил безуспешные попытки.

– Скорее всего, машина угнанная! Смотрите, номеров-то нет, – заметил серфер в ярком гидрокостюме.

– Что они там разглядывают? – поинтересовался другой. – На заднем сиденье что-то есть...

– Отойдите, черт побери, отойдите!

Эрхард узнал полицейского. Это был Берналь. Он совсем промок, его одежда блестела и переливалась. Берналь посветил фонарем на заднее сиденье и щелкнул фотоаппаратом с большим объективом.

– Эй, Хассиб! – позвал Берналь. – Мне нужна помощь.

Его голос перекрыл шум дождя. Но на его зов никто не откликнулся. Один полицейский все пытался установить прожекторы так, чтобы они не падали, другой беседовал с фельдшером с медицинским чемоданчиком под мышкой. На пляж пригнали подъемный кран, с его помощью полицейские намеревались поднять машину.

Дождь усиливался.

– Давайте уйдем отсюда! Мне как-то не по себе, – прошептала Беатрис.

– Иди ко мне. – Рауль обнял ее.

– Журналисты есть? – спросил полицейский.

Все молчали.

– Еще нет, босс! – крикнул полицейский Берналю.

Берналь снова сфотографировал что-то на заднем сиденье

автомобиля. Похоже, там лежат газеты или газетные вырезки. К Берналю подошел коллега и стал вместе с ним раскладывать газеты на сиденье. Они тихо переговаривались и перекладывали листы, а Берналь все щелкал и щелкал затвором камеры. Молния подмигивает с черного неба, словно в ответ на вспышку фотоаппарата.

Порыв ветра донес до носа Эрхарда едкую вонь. Сначала он подумал, что источник запаха в его пакете. От пальца. Тогда он ощупал тугой сверток в кармане, проверяя, не развязался ли узел. Может быть, когда он бежал вниз по склону, пластик прорвался? При этой мысли «Лумумба» моментально выветрилась из него. Нет, пакет целый и невредимый. Он понял, что запах идет от машины. Вонь все более агрессивная и настойчивая. Как будто что-то протухло...

– Должно быть, авария. Когда это случилось? – спросил Рауль у серфера-любителя.

– По-моему, машина простояла здесь уже целый день. Потом кто-то заметил, что она не заперта, – ответил тот.

В их разговор вмешался мужчина, который отвечал на вопросы полицейского:

– Я сразу понял, что в коробке на заднем сиденье что-то есть. Оттуда что-то торчало.

– Что оттуда торчало? – спросил серфер, успевший накинуть поверх гидрокостюма дождевик.

– Похоже на... – Мужчина умолк.

Мимо них проходит Берналь; на его лице читалось раздра-

женное выражение. Он заметил Эрхарда и недовольно сощурился, хотел было пройти дальше, но внезапно развернулся. Рауль отступил, ему явно не хотелось разговаривать с полицейским.

– Отшельник! – сказал Берналь. – У вас что, нюх на трагедии?

Эрхард хотел ответить, что не искал очередную аварию, но тут вмешался серфер.

– Что здесь произошло? – спросил он.

Вместо ответа, Берналь отчеканил:

– Мне нужны имена всех, кто что-либо видел. Те, кто пришел только поглазеть, из любопытства, должны немедленно уйти. – Он пристально посмотрел на Эрхарда.

– Мы приехали посмотреть на молнии, – подала голос Беатрис.

Берналь повернулся к ней:

– Так смотрите на молнии, сеньорита.

Он поднялся по склону и скрылся за пеленой дождя, точнее, дождь словно превратился в густое, черное облако.

– Пойдем отсюда! – прошептала Беатрис.

Рауль, пристально смотревший на машину, повернулся к ней:

– Конечно, мой ангел.

Начался отлив; волны набрасывались на берег, как дикие звери.

– Ты должен мне «Лумумбу», – заявил Эрхард Раулю, ко-

сясь на Беатрис. Платье у нее так намокло, что облепило тело.

Глава 19

Давным-давно мальчик-мужчина каждую среду садился в автобус. По утрам автобус отвозил его в Туинехе, а по вечерам возвращал обратно в «Дом святой Марисы». Несколько раз он выходил слишком рано и оказывался в какой-то крошечной деревушке, начинал в растерянности бегать по улицам и бить себя по голове, тогда прохожие вызывали полицию. Ростом он метр девяносто с лишним, а может, ближе к двум метрам, но лицо как у семилетнего мальчика. Он долговяз, неуклюж и одевается по-детски. Его глаза все время беспокойно бегают туда-сюда. Как будто он силится понять мир, читая его как код или музыкальные ноты. В такси он любит смотреть в окошко, прислонясь лбом к стеклу.

Каждую среду, в десять пятнадцать, в том числе и сегодня, он стоит на тротуаре перед широкими воротами и ждет. За плечами у него рюкзак. Целых четырнадцать лет Аас не говорит. Не проронил ни слова. Однажды он просто перестал разговаривать. Моника объяснила: он умеет говорить, просто не хочет.

В первые несколько поездок Эрхард все надеялся, что Аас скажет хотя бы слово. Всякий раз они проводили вместе больше двух часов – час туда и час обратно. Эрхард надеялся, что рано или поздно мальчик-мужчина раскроется. Окажет Эрхарду доверие. В конце концов это превратилось в игру, в

трудную задачу. Он долго пытался вызвать Ааса на разговор.

Эрхарду удавалось его рассмешить, иногда в ответ на его слова Аас поворачивался к нему. И все же раз за разом Эрхард терпел поражение. Наконец он так разозлился, что попросил Моникау поискать другого водителя. Он больше не выдерживал. Но трудность заключалась в том, что ни один другой водитель не соглашался возить мальчика-мужчину. Это значило, что Аасу снова пришлось бы ездить на автобусе.

Моника предложила платить Эрхарду вдвое больше. Вы ведь не обязаны его любить, сказала она. Просто притворитесь. Эрхард дал себе еще полгода. И дело вовсе не в деньгах.

А потом кое-что произошло. Эрхард слышал, как Аас говорит.

Они прибыли на место. Эрхард следом за Аасом вошел в дом. Моника взяла сына за руку и усадила рядом с собой за пианино. Вот что их объединяет. Аас любит музыку. Эрхард слушал, мать и сын прижались друг к другу, как птички. Каждый месяц, хотя и не по средам, он настраивает для них пианино. Сегодня он просто смотрел по сторонам. Атмосфера в доме вовсе не тягостная, хотя Моника его ровесница и, как и он, одна. В вазе стоят срезанные цветы, на столе аквариум с рыбками, на полке рядом с диваном женские журналы, изображения Мадонны на комод. Вся стена увешана портретами. Эрхард увидел маленькую девочку в черно-белой балетной пачке, мужчин в военной форме рядом

с вулканом Кальдерон-Ондо и двух молодых женщин на мотороллере «Веспа» перед какой-то конторой.

Всего фотографий штук двадцать. Все они черно-белые, красивые и грустные. Жизнь прошла. Ни единого снимка ее сына на стене нет. Эрхард оглянулся. Даже на полке над телевизором, даже на комоде, рядом с мадоннами. Моника, совсем как он, скрывала самую главную часть своей жизни, чтобы не нужно было двигаться вперед. Моника держится холодно и царственно, но не заносчиво; все в ее доме очень изящно: в сахарнице маленькая ложечка, цветы подобраны в тон шторам.

Глава 20

– Чего вы хотите? – спросил он, не отрывая взгляда от книги на столе и ставя чашку на блюдце. Утро пятницы; двое мужчин в штатском наблюдают, как Эрхард пьет кофе. Один из них – суперинтендент полиции нравов Берналь.

Берналь положил на книгу Эрхарда лист бумаги. Это газетная вырезка. Откуда она – невозможно сказать; почти все слова неразборчивы, чернила размазались, бумага вытерлась. И все же Эрхард различил слова *rengeringen* и *bankrakke*. Странные слова, которые он не сразу узнает.

– Что здесь написано? – спросил Берналь. – Это по-датски?

– Да, наверное. – Чтобы понять, о чем статья, ему нужен весь текст, но всей статьи нет. И все-таки похоже на датский. – Откуда она? – поинтересовался Эрхард, почему-то опасаясь, что вырезка имеет какое-то отношение к Раулю.

– Сейчас это не имеет значения, – ответил коллега Берналя, коротышка с узкими глазами и неухоженными усами.

Он оглянулся по сторонам; кроме них, в кафе всего один посетитель, растрепанный молодой человек с зачесанными назад волосами и красными глазами. Похоже, он развлекался всю ночь.

– Нам нужен человек, который понимает датский.

– Так найдите гида-переводчика. Их тут масса.

– Не так много, как раньше. Пойдемте с нами, Йоргенсен.

– Объясните, в чем дело, и тогда я, может быть, вам помогу.

– Вы мой должник еще с прошлого раза! Я ведь мог бы притащить вас в участок!

– Объясните, в чем дело! – потребовал Эрхард, заметив, что Берналь вдруг как-то сник. Может, он пьет... или у ребенка осложнения после кори.

– Ну его, Берналь! – сказал коротышка. Это решительный тип, который скорее выкрутит руку, чем протянет ее. – Иностранец не может нам помочь. У него слишком много плохих воспоминаний, – продолжил он, одним глотком допивая свой эспresso.

Ему не терпелось уйти. Очевидно, до того как они приехали сюда, Берналь рассказал ему об Эрхарде. О деле Федерико Молино, чей чемодан нашли возле Лахареса. С его паспортом, носками, воском для волос, тубиком смазки, которую полицейским так ловко удалось включить в список важных вещественных доказательств. Им бы радоваться показаниям Эрхарда, но они, похоже, решили, что ему известно больше, чем он им рассказал. Многие полицейские злились на него. И только Берналь понимал, что Эрхард ценит свои отношения с жителями острова. Он не обманывал их, хотя и не сказал всего. Он не назвал ни Рауля Палабраса, ни бывшего губернатора Эмеральдо, ни Суареса. После того дела прошло уже больше восьми лет.

– Нет, спасибо, я не пойду, если только вы не собираетесь меня арестовать, – сказал Эрхард.

Берналь посмотрел на него так, словно надеялся, что Эрхард передумает.

– Передайте привет молодому Палабрасу, – бросил он.

Полицейские ушли.

Владелец кафе неподвижно стоял за стойкой, наблюдая за ними в настенное зеркало. Наверное, у него нет лицензии на торговлю пивом. Как и во многих городских кафе. Потом он вскинул голову и рывкнул на молодого человека у дальней стены:

– Черт побери, Песке, не мети стол своими патлами! Ступай домой и ложись спать!

Когда Эрхард подошел к своей машине, припаркованной в конце очереди на Главной улице, он увидел двоих полицейских, которые стояли на углу, возле «Пасео Атлантико». Он сел в машину и продолжил читать «Красное и черное» Стендаля. Книга громоздкая и странно бессвязная.

Он посмотрел в зеркала. Рядом никого не было, тогда он достал пакет из кармана, вынул палец и попытался снять с него кольцо. Но кольцо не снималось. Палец был похож на сучок, замаринованный в масле. Он приложил его к пустому месту рядом с собственным безымянным пальцем. Палец слишком большой, к тому же не с той руки, но напоминает мизинец. С пальцем на том месте, где ему положено быть,

рука снова стала похожа на руку. Эрхард спрятал палец в пакетик и поглубже зачихнул его в карман.

Видит, как полицейские прощаются друг с другом. Потом Берналь вернулся к его такси. Сел.

– Пуэрто, – сказал он.

Эрхард посмотрел на него:

– И раз уж мы едем в ту сторону, вы попросите меня зайти в полицейское управление?

– Может быть, – ответил Берналь.

– Сейчас не моя очередь. Видите, сколько машин передо мной?

– Езжайте.

Эрхард выехал из очереди; Луис – водитель из «Таксинатрии» – громко обругал его. Луис всегда ругается. Как собака, которая лает, но не кусается. Они поехали по Главной улице, по городу, затем выехали на автостраду FV-1. Оба молчали.

– Ваше дело имеет какое-то отношение к Биллу Хаджи? – спросил Эрхард. – Я уже рассказал вам все, что знаю.

Полицейский широко улыбнулся:

– То дело закрыто. Оно уже история. Сестра покойного была недовольна, и это еще мягко сказано.

– Дело имеет какое-то отношение к Палабрасам?

– Вовсе нет. – Берналь сидел, закинув ногу на ногу, и покачивал носком сапога в такт старой песне Джона Колтрейна – его кассета у Эрхарда уже больше двадцати лет. – Вы же были вчера на Котильо. Разве не слышали новости?

Эрхард уже несколько дней не читал газет. Он покачал головой.

– Вы вообще что-нибудь читаете, кроме старых книг? Может быть, слушаете новости по радио?

– Вообще-то нет.

– Короче говоря, возле Котильо нашли брошенную машину. Мы не знаем, почему ее бросили. Она должна была быть в Лиссабоне, но непонятно как очутилась здесь. Кто-то угнал ее и доставил сюда. Мы не знаем, кто сидел за рулем. Поскольку машина стояла на пляже во время прилива, вода попала внутрь, и завести ее невозможно. Единственная любопытная зацепка – разорванная газета.

– Так чего же вы хотите от меня?

– Пожалуйста, посмотрите обрывки, которые у нас есть, и скажите, что там написано. Возможно, и ничего. Возможно, это просто случайные обрывки и никакого смысла в них нет. Сейчас я стараюсь понять, что случилось. Между нами, в этом деле начальство не оказывает мне всей возможной поддержки. И при чем тут газета, я не понимаю.

Они доехали до первого перекрестка с круговым движением, который ведет прочь из города. Солнце застряло между двумя тучами, похожее на подбитый глаз.

– Повторите, пожалуйста, почему вы позавчера оказались на пляже, – попросил Берналь.

– Друзья пригласили меня посмотреть на молнии.

– Друзья? Рауль Палабрас и его подружка?

– Да.

Берналь внимательно посмотрел на Эрхарда, но Эрхард смотрел вперед, на дорогу.

– Я уже много лет не читал датских газет, – признался Эрхард.

– Посмотрите на обрывки и скажите, что там написано. Больше я ни о чем не прошу.

И полицейские, и островитяне называли полицейское управление в Пуэрто «Дворцом», потому что оно разместилось на развалинах дворца, построенного для короля Испании в начале двадцатого века. Однако, если не считать внушительных внешних стен и красивых арок между гладкими колоннами, от королевского величия мало что осталось. Кабинеты, в которых за компьютерами сидят, обливаясь потом, по шесть-семь сотрудников, напоминают помещения в каком-нибудь здании в сонном пригороде Копенгагена шестидесятих годов двадцатого века.

Они прошли металлодетекторы у входа. Эрхард опасался, что его будут обыскивать и найдут в кармане пакет с пальцем, но все обошлось, и он беспрепятственно проследовал в здание за Берналем. Пройдя по коридору, они попали в большой зал, похожий на склад или гараж. Берналь закрыл за ними дверь, порылся на большой полке и вернулся с большой светло-коричневой коробкой, надел резиновые перчатки.

– Мне тоже их надеть?

– Не важно, – отмахнулся Берналь, покосившись на отсутствующий палец Эрхарда. Он вынул из коробки обрывки газеты. – Подонки оставили нам на заднем сиденье маленький сюрприз.

– Подонки... – повторил Эрхард. Дело происходило ночью, и единственным источником света был все время гаснущий полицейский прожектор, но он узнал коробку – она стояла на заднем сиденье.

– Мы не знаем, как сложить куски, связаны ли они между собой и вообще стоит ли сидеть здесь и складывать головоломку. Вы что-нибудь можете прочитать?

Эрхард разглядывал обрывки. Фотографии, подписи, какие-то слова... Многое размокло и нечитаемо. Страницы слиплись.

– Да, – с горечью продолжал Берналь. – В том-то и трудность. Мы не знаем, имеет ли газета какой-то смысл. Может, в ней зашифровано какое-то послание?

– Что же мне делать?

– Читать заголовки, то, что набрано жирным шрифтом. Сумеете что-нибудь разобрать? Вот тут, например, – он показал на большой обрывок с заголовком и подзаголовком. Эрхарду странно было видеть датские слова; много датских слов вместе. – Что здесь написано?

– «Если нынешняя зима будет такой же суровой, как прошлая, в Копенгагене умрет больше бездомных. Один человек уже замерз до смерти».

– И что это значит?

– Не знаю. Наверное, трудно быть бездомным в холодной стране?

Берналь жестом показал:

– Продолжайте. А здесь что?

Следующий фрагмент побольше, но обрывок слипся с соседним.

– «Апелляция отцов была отклонена».

– И что это значит?

– Не знаю. Здесь так написано.

– Ладно, почитайте обрывки, – попросил Берналь с самым несчастным видом. – И скажите, если что-нибудь покажется вам необычным.

Эрхард порылся в обрывках, стал читать и складывать прочитанное в стопку. Ничто – совершенно ничто – не привлекло его внимания. Самые обычные, не особенно интересные, статьи о датчанах, финансах, детях, учреждениях, разводах и телепередачах. Довольно много из того, что он просмотрел, было посвящено «Ангелам ада». Прошло уже много лет с тех пор, как он в последний раз читал датскую газету, но ему не показалось, что за прошедшее время газеты сильно изменились. Несколько имен были ему незнакомы, а в остальном – все как всегда.

– Не знаю, есть ли здесь что-нибудь, но ведь я не знаю, что я ищу.

Берналь встал.

– Я и сам не знаю. Поганое дело! – Последние слова он почти прошептал. Потом собрал обрывки газеты большими пригоршнями и запихнул в коробку. По комнате поплыл запах мочи. В соседней комнате, за полками, икал или хныкал, Эрхард не понял, маленький ребенок. Берналь как будто этого не замечал.

– Я не могу вам помочь, пока вы хотя бы не намекнете, что я должен искать. Мне нужно больше знать.

Берналь надолго задумался. Эрхард догадался, что тот взвешивает все за и против. Что он имеет право сказать, а что – нет.

– Пойдемте, – наконец сказал он. – Вот сюда.

Они обошли полку и оказались в темном углу. Берналь остановился и придержал Эрхарда, который шел за ним по пятам. В темноте было видно только половину лица Берналя.

– Слабым желудком не страдаете?

Эрхард покачал головой.

– Помните ту девочку, Мадлен?

– Вы нашли ее?

Берналь раздосадованно повторил вопрос:

– Вы ее помните?

Эрхард кивнул.

– Хорошо. Так вот, нам здесь такие дела не нужны. Совсем не нужны. Мы сделали все, что можно, учтите! Мы не можем работать себе во вред. То, что случилось в Португалии, полностью уничтожило туристическую индустрию в Прайе-

да-Лус, а полицейских еще долго полоскали в прессе, называли бездарными, тупыми Дюпонами и Дюпонами¹ – знаете комикс? Разница в том, что у нас никто не заявлял о пропаже ребенка. Никаких рыдающих матерей, отцов или умненьких братьев-сестер, которые тоскуют по маленькому братику.

– О пропаже ребенка?!

Берналь включил две настенные лампы и подошел к белой доске.

– Мальчик, – сказал он, указывая на фотографию.

Это была большая черно-белая фотография, возможно, когда-то она была цветной; смотреть на нее трудно. Но сейчас цвета нет, только градации черного, может быть, с коричневыми или зеленоватыми оттенками. Посередине большой черный квадрат, помеченный четырьмя светло-серыми кубиками, которые придают квадрату глубину. В центре квадрата, словно окруженное невидимой скорлупой, лежит крошечное человеческое существо. Одна рука поднята к голове, как будто он хочет почесаться, а другая, почти невероятным образом, обернута вокруг спины. Ребенок был укрыт светло-серыми обрывками газеты.

Эрхард невольно отвернулся. Глаза его скользнули к белой доске, там еще фотографии с той же ужасной сценой. Увеличенное изображение рта мальчика, его глаз – они закрыты, ввалились, обведены черными кругами. Он увидел

¹ Дюпон и Дюпон – пара туповатых детективов из комиксов «Приключения Тинтина». (Примеч. ред.)

фотографии салона машины, заднего сиденья. Коробка стояла между ремнями безопасности, похоже, ее пытались пристегнуть.

– Сколько ему?... – У Эрхарда так пересохло во рту, что язык почти не ворочался. – Сколько ему?

– Три месяца. Около трех.

– Должно быть, кто-то объявил его в розыск.

– К сожалению, нет. Всякий раз, когда всплывает такое дело, с младенцами хуже всего. У них нет друзей. Как правило, у них еще нет ни нянь, ни товарищей. Они не оставляют коллег, бывших подружек или пустые квартиры, за которые не заплатили. Если родителям все равно, о младенце никто не беспокоится.

– Но кто-то должен был объявить ребенка в розыск, на островах или в Испании...

Словно не слыша его, Берналь продолжал:

– По-моему, мамаша утопилась в море, как трусливая собака. Никто так не бросает ребенка – разве что у нее не все дома.

– А если с его родителями что-то случилось? Что, если они пошли погулять по пляжу, упали и...

– А если они трахались в какой-нибудь пещере? Трудность в том, что мы все обыскали. С собаками. С вертолетами. Ничего. Все как с проклятым кольцом Билла Хаджи. Они бесследно исчезли!

– Кто-то должен был видеть, как приехала машина. Как

насчет того парня на пляже – серфера?

– Мы допрашивали его дважды. Он приехал в Котильо уже после того, как там появилась машина. Никто ничего не знает. А машина зарегистрирована на одну импортную фирму, которая находится в окрестностях Лиссабона. На место назначения она не попала, владелец фирмы счел, что она находится в каком-нибудь контейнере в Амстердаме.

– Может быть, ее угнали с ребенком внутри?

– Где? В Амстердаме?

Эрхард не знал, что ответить.

– Но самое странное – одометр. На нем всего пятьдесят километров. Пятьдесят!

– А отпечатки пальцев?

– Ни на руле, ни на рычаге переключения передач, ни на переднем сиденье. Найти отпечатки не так просто, как думают некоторые. А может, мамаша была в перчатках? А может, кто-то нарочно стер все следы? Мы нашли отпечатки на коробке, но в нашей базе их нет, откуда мы можем знать, кто трогал ту коробку до того, как внутрь положили мальчика? Во всяком случае, тот, кто поставил коробку в машину, надежно закрепил ее ремнем безопасности. Похоже, ее немного потрясло – может быть, когда они столкнули машину с утеса возле парковки. Машина стояла на пляже во время прилива, но внутрь вода не попала. Никто в Котильо не видел, как туда приехала машина. Если бы только у нас были собаки! Собаки есть на Тенерифе, но, чтобы доставить их

сюда, нужно полтора дня, а к тому времени будет уже поздно.

– Что если мамаша с папашей удрали за границу?

– Мы изучили списки пассажиров на всех рейсах. Никто не приехал сюда с ребенком и не уехал без ребенка. Но самое страшное – результаты вскрытия... – Берналь подошел к фотографии мальчика и указал на черные пятна вокруг запавших глаз. – Судя по предварительному отчету Лоренцо, ребенок умер от голода за два-три дня до того, как машина попала на пляж. До того, как... его бросили в картонной коробке. Кроме того, в отчете о вскрытии установлено, что ему было около двенадцати недель. Когда мы его увидели, приняли за новорожденного, потому что он был такой крошечный и худенький. Мы обзвонили все родильные отделения, всех врачей на острове и всех молодых матерей с мальчиками от месяца до пяти. Всего сто восемьдесят семь матерей. Всех младенцев пересчитали. Поговорили и с отцами. У нас есть несколько зацепок, но пока ничего определенного.

Эрхард больше не мог смотреть на фотографию.

– Как можно бросить ребенка? – спросил он.

Берналь устало вздохнул.

– В конце концов нам пришлось его похоронить. Вчера утром. К востоку от Морро-Хабле, Плайя-дель-Маторраль. Вырыли яму размером с микроволновку... Все проделали быстро, чтобы не привлекать внимания прессы. Мы боялись, что журналисты увидят крошечный гробик. Знаете, как это страшно? Я все время думал о своем трехлетнем сынишке.

Неправильно, нельзя хоронить таких малышей!

– Вы по-прежнему ведете дело?

Берналь как-то странно посмотрел на Эрхарда.

– Только потому, что о нем начали писать в прессе. Журналисты пронюхали, что в машине находился мертвый ребенок. Больше им ничего не известно. Начальству не нужна еще одна Мадлен. Твердят только одно: преступления не способствуют притоку туристов, которых и так все меньше и меньше. Не имею я права много рассказывать, но так уж и быть, вам скажу. Есть у нас кое-кто на примете. Из местных.

– Что это значит?

Отвечая, Берналь повернулся к Эрхарду спиной.

– Мы подозреваем кое-кого из местных, понимаете?

Эрхард покачал головой:

– Раз вы уже раскрыли дело, зачем я здесь? Зачем вы напрасно тратите мое время?

– Не напрасно. Мы обязаны были отработать все версии. Теперь мы чуть больше уверены, что коробка нас никуда не приведет. – Берналь пожал Эрхарду руку. Рука у него теплая, мягкая, сразу ясно, что он в основном сидит в кабинете. Потом он проводил Эрхарда. Они прошли по коридору и попали в темную приемную. В ней было прохладно благодаря мощной каменной кладке.

– Дайте знать, если я еще чем-нибудь смогу помочь, – сказал Эрхард.

– Непременно. – Берналь остановился у тяжелых дубо-

вых дверей, которые с трудом открываются. Через небольшое стекло в двери он в последний раз посмотрел на Эрхарда.

Эрхард шел к машине, чувствуя, как вечернее солнце настойчиво печет спину. Очень хотелось пить. У него было дурное предчувствие.

Одно дело слышать о странных методах работы полицейских, о кумовстве, коррупции, жестокости, насилии над задержанными, об алкоголизме в рядах стражей порядка – и совсем другое дело видеть все собственными глазами. Он встречал немало пьяных полицейских, случалось, отвозил их домой, к визжащим подружкам или плачущим женам. Но гораздо хуже, когда судьба дела решается на столе у следователя.

Он нашел в багажнике теплую бутылку с водой и довольно долго сидел на месте, не заводя мотор. Что за жизнь?! Ребенка бросили на произвол судьбы. Уморили голодом... Сначала его бросили родители, потом система, и, наконец, его поглотила смерть – огромная черная дыра, которая засасывает в себя все. Эрхард с ужасом думал об исходе дела. Он с ужасом думал о том, что будет дальше.

Шлюха

14-21 января

Глава 21

В субботу он включил радио, как только встал. Поменял настройку с канала «Радио Муча» на «Радио Фуэртевентура». В ожидании новостей осторожно вынул палец из стакана, в котором тот пролежал всю ночь. Судя по всему, процесс разложения приостановился. Эрхард снова попытался снять кольцо. Но оно по-прежнему сидело туго. Он положил палец в пакет, а пакет сунул в карман.

Вчерашнее посещение полицейского управления совершенно обессилило его – и, конечно, разозлило. Он злился не из-за разговора с Берналем, а из-за того, что никак не мог выбросить из головы фото младенца в коробке, слова Бернала о том, что дело «пока» не закрыто, намеки на «кого-то из местных», что бы это ни значило.

Он поехал в Алапаку, где выпил утренний кофе. Аристид, рыбак, который нечасто заходит в это кафе, о чем-то беседовал с группой финских туристов, заказавших завтрак. Эрхард принял душ и сел на камень, полюбоваться видом на порт. Он слушал, как рыбаки спорят о том, кому где можно

рыбачить, размахивая руками, показывая в сторону моря, на какие-то буйки, подпрыгивающие на воде.

Эрхард залил кофе в кружку и поехал на север. Медленно покружил по Корралехо, свернул на проселочную дорогу и, наконец, направился в Котильо.

В такое время дня пассажиров очень мало. Он подобрал молодого человека возле лагеря серферов «Дюны», парень взволнованно махал руками, подзывая такси. Багажа при нем не было, но ему нужно в Пуэрто, к парому, до восьми часов. Эрхард вдавил в пол педаль газа старого «мерседеса». Молодой человек снова и снова рассказывал о девушке, с которой он только что распрощался; он доверительно сообщил, что она «не такая, как все». Разумеется, в конце поездки оказалось, что денег у него нет. Деньги остались на пароме, сказал он, – наверное, врал. Эрхард понимал: если он сейчас отпустит парня, никаких денег не увидит.

– Дайте мне свою визитку, а я вам – свою, – предложил молодой человек, протягивая Эрхарду карточку. – Я вышлю вам деньги.

Но Эрхард не взял карточку. Уже почти восемь часов. Ему все равно; он велел парню убираться, чтобы тот успел на паром. Парень мгновенно выбрался из такси и понесся к причалу. На полпути он обернулся и помахал Эрхарду рукой.

Утренняя неудача напомнила Эрхарду о том, что нужно спрашивать у таких вот пассажиров о кредитке до того, как везти их. Особенно у влюбленных парней, которые опазды-

вают на паром.

Повернув на запад, он прикрутил звук на рации, чтобы не слышать болтовни девушек-диспетчеров. Те, как обычно, кокетничали с водителями. Они обсуждали, кто в прошлом месяце получил больше заказов или у кого самая горячая жена. Таксисты всегда жалуются, что получили нагоняй от босса, потому что не представили документы в должном виде и не наездили нужное количество часов в месяц. Жаловались на сменщиков, которые не чистят как следует салон после ночи. Злились на нахалов, которые встают перед ними в очереди в аэропорту. Девушки-диспетчеры подшучивали над таксистами. Лусия дразнит водителей, попавших в немилость. За четырнадцать лет работы таксистом Эрхарду никто ни разу не делал замечаний: ни начальство, ни автомеханики. Он работал добросовестно и аккуратно. Каждый день тратил пятнадцать минут, сводя баланс. 30 процентов от его заработков идут таксомоторному парку «Такси Вентура», 25 процентов – на налоги и 25 процентов Аннет, последние 20 процентов он оставляет себе. В хорошие дни этого вполне достаточно, в плохие дни ему едва хватает на еду. Но именно поэтому ему нравится такая работа. Все по справедливости. На самом деле все, кроме его доли, остается «Такси Вентуре»: таксопарк платит за него налоги, а раз в месяц бухгалтерия переводит деньги на счет Аннет в Национальном банке Дании. Машину он содержит в чистоте. Первое время он даже пытался как-то оживить обстановку в диспетчерской,

предложив прибить там книжную полку и устроить комнату отдыха, где водители могли бы выпить кофе или чаю. Но его усилия пропали даром.

– Погоди, пока сам не выбьешься в начальство, – посоветовал Баруки, включив воду. Он моет руки несколько раз – сначала без мыла, потом с мылом и, наконец, споласкивает их до локтей перед тем, как вытереться салфетками. Такую процедуру он проделывает пять или шесть раз за одну встречу. Баруки вполне приветлив и любит кондиционеры. Такси он водил всего несколько месяцев, а потом стал судовладельцем и руководил своим делом почти десять лет, до 2004 года, когда стал директором таксомоторного парка «Такси Вентура». Он замечательно умеет составлять графики.

Эрхард включает радио и ждет двенадцатичасового выпуска новостей, но там не говорят ничего интересного.

Он заехал на заправку, где вымыл машину. Потом сполоснул после желтой пены, вытер кузов насухо ветошью и отполировал воском, который купил у кого-то из водителей. Так он поступал нечасто. На острове, где всегда ветрено и пыльно, мыть и полировать машину совершенно бесполезно.

Пока сохнул воск, он дочитал последнюю главу из новой книги Алмуса Амейды, подающего надежды испанского автора детективов. Он сидел в тени на скамейке рядом с заправкой. Оттуда видны утесы и скалы на пляже. Он видел, как восточный ветер поднимает фонтанчики песка. Ветер выметал остров, словно огромная метла.

На плоской площадке между скалами всегда припарковано несколько машин. В основном сюда приезжают серферы и нудисты. И еще туристы, которые не выходят из машин, боясь зыбучих песков. Эрхард заметил семью, которая сидела напротив него в «сеате», скорее всего взятом напрокат. Кайтеров здесь нет. Они предпочитают Плайя-Куальпа. Но если взглянуть в просвет между скалами, можно увидеть на пляже несколько коричневых туш, словно поросших мхом. Они развалились в надувных креслах. Обычно рядом с ними стоит пиво или маленькие бутылочки белого вина. Фуэрте-вентура – остров опьянения. Он не похож на Ибицу, Майорку или Крит – там буйствует молодежь, для которой выпивка часто служит прелюдией секса. Здесь пьют потише. Если не считать нескольких шумных дискотек и баров, где коктейли смешивают по вдохновению, сотни людей тихо переползают из одной забегаловки в другую. Спиртное стоит дешево, погода хорошая, а делать совершенно нечего.

Почему бы и нет?

Первые семь месяцев жизни на острове Эрхард и сам когда-то сидел между скал, мучаясь от сексуальной неудовлетворенности. Кожа у него загорела и задубела. С утра до ночи он лежал за скалой, стыдясь постоянной эрекции; его отдых перебивался лишь короткими прогулками к воде. По ночам он спал под уступом чуть дальше к северу. Бывало, он разжигал костер и ел медуз или пойманную им рыбу. В основном он перебивался остатками от семейных пикников,

горбушками хлеба или кусками колбасы. Если его особенно донимал голод, он шел в супермаркет и покупал консервы. Из дому он взял с собой немного денег. У него была коробочка из-под нардов, в которой лежали несколько купюр в тысячу евро. Но тратить запасы ему не хотелось. Долгое время ему вообще казалось, что он не имеет права их тратить. Долгое время он хотел только одного: чтобы его оставили в покое. Он не улыбался. Не получал удовольствия ни от чего, даже от солнца и звезд. Он тихо, бесстрастно лежал на спине и смотрел в небо. Но в конце оказалось, что это трудно. В конце концов маленькие удовольствия сами его нашли.

Журчание ручейков воды, которые просачиваются между скалами во время отлива. Теплый хлеб из печи. Однажды утром в метре от него на песок села крупная птица с рыбиной в клюве; с рыбы капала вода. Птица моргала своими огромными, похожими на пуговицы глазами. Иногда у него появлялась компания. Правда, это началось позже, через несколько месяцев. Местные жители считали его эрмитаньо – отшельником, который живет в скалах. В основном они просто глазели на него, издали наблюдая, как он куда-то карабкается. Другие подходили к его костру, предлагали еду, о чем-то расспрашивали. Но он не отвечал. В первые семь месяцев он не произнес ни слова. Даже когда на него напали двое с битами и избili до потери сознания, бросив на солнце, как черепаху без панциря.

Как говорится, все, что нас не убивает, делает сильнее.

Эрхард припарковал машину и перешел дорогу к площадке на вершине крутого склона, заваленного обломками скал. Он заметил, что его левый ботинок порвался. В дыре между подошвой и верхом ботинка был виден носок. Как давно он в последний раз покупал себе обувь? Ему не хотелось никуда идти. При одной мысли о том, что придется что-то мерить, он сразу откладывал поход в магазин. Может быть, удастся починить ботинок с помощью клея или клейкой ленты.

Та машина должна была стоять здесь, на самом краю обрыва.

Он бродил вверх и вниз по склону. На первый взгляд казалось, что здесь только мягкий песок, но на самом деле под тонким слоем песка лежат камни. Ходить трудно. Внезапно он оказался по щиколотку в воде; полоса пляжа скрылась под водой. Прилив отчетливо ощущался на всем острове, но из-за того, что здесь плоское песчаное дно, он кажется сильнее. Часто бывало: девушки, загорая на берегу, задремывали или семья устроила пикник и расслабилась, как вдруг на них накатывала огромная волна и сносила все на своем пути.

Эрхард старался представить, как та машина скатилась вниз по склону. Ее столкнули? С какой целью это сделали? Хотели, чтобы машина утонула в море? Или ее должно было унести отливом, чтобы она исчезла? Зачем еще понадобилось сталкивать ее вниз? Иногда какие-то юнцы катаются по пляжу на вездеходах. Может, машину столкнули по ошибке? Но куда девалась мать ребенка?

Может быть, Рауль прав. По его мнению, угонщик просто решил позабавиться. Но Рауль не знал, что на заднем сиденье машины лежал ребенок. Из-за этого все стало гораздо хуже.

Эрхард смотрел на океан.

Если кто-то захочет здесь утопиться, только и нужно пройти сто метров к песчаной отмели. Там такое сильное подводное течение, что труп унесет в океан и только дня через два выбросит куда-нибудь на Лансароте. Он слышал о таком от коллег, которые обсуждают Лос-Трес-Папас – Трех Пап, местных мафиозных заправил. Они в основном занимаются отмыванием денег, кражами, азартными играми и проституцией. Время от времени они расправляются с кем-то из своих приспешников. Разлагающиеся, раздутые трупы выбрасывает на берег соседнего острова Лансароте. Поговаривают даже, что кое в чем подобном замешан Рауль, но Эрхард никогда не видел и не слышал ничего, что дало бы ему повод подозревать своего молодого друга. Конечно, Рауля не назовешь примерным мальчиком, но он не преступник. Местные слишком много болтают. Даже об Эрхарде. Говорят, что он увозил пассажиров на север острова, на Вальеброн, убивал и хоронил под двухметровым слоем камней. В незапамятные времена там нашли несколько трупов под скалами, на которых были вырезаны три человечка с ножками-спичками.

Если именно мать сидела за рулем, когда машина скатилась вниз по склону, скорее всего, она была вне себя от го-

ря и потрясения. Ее ребенок уже умер или умирал в коробке на заднем сиденье, она в отчаянии. Может быть, она утопилась, потому что ей больше ничего не оставалось. Однако по-прежнему непонятно, откуда вообще взялась машина без номерных знаков. И почему на ней не осталось никаких следов? Мать в отчаянии не станет стирать свои отпечатки. Кроме того, замученная женщина наверняка попыталась бы как-то объяснить свой дикий поступок, оправдаться. Обидеть ребенка – самый непростительный грех почти во всех мировых религиях и культурах. Даже в католичестве, где все построено на прощении, причинение вреда ребенку – из тех грехов, которые прощают наименее охотно. К тому же местной уроженке не удалось бы убить ребенка и покончить с собой, оставшись незамеченной... Слишком многое тут не сходится. Эрхард понимал, что прибрежная полоса по-прежнему хранит свои тайны. Машина оказалась здесь не случайно.

Перед ним как будто двадцать кусочков головоломки, которые непонятно, как соединять. Главное, он не знает, сколько их всего, этих кусочков, – двадцать один или, может быть, тысяча.

В супермаркете он видел примерно такую коробку, как та, в которой лежал ребенок. Ну, может, не точно такую же, а просто коричневую картонную коробку, сколотую скобками на дне вдоль узкой щели между клапанами. Он выкладывал из коробки пакеты с рисом и переворачивал ее вверх дном.

Глядя на коробку, он живо представил себе крошечного мальчика – скорчившегося, истощенного, одинокого. Его тельце бьется о стенки. Крошечный мальчик с огромными глазами... А еще он видит руки, которые либо опускают ребенка в коробку, либо хотят его вытащить. Руки, которые толкают его вниз, в темноту, или в последний раз качают его. Эрхард не понимал, отчего он злится, отчего при мыслях о ребенке внутри у него все становится угольно-черным, почему он просто не может все отпустить. Возможно, на земном шаре тысячи картонных коробок с маленькими детьми внутри; несомненно, ими можно заполнить целый склад. Ничего страшнее он в жизни не видел. Он убежден, что не мать и не отец положили младенца в коробку и бросили умирать.

Он отодвинул коробку в сторону и купил консервированного тунца.

По пути домой он то и дело поглядывал на палец, приклеенный к левой кисти, которая лежит на руле. Он похож уже не на палец, а на сухую острую колбаску. Выглядит он ужасно и никого не введет в заблуждение. Даже его самого. Конечно нет. Конечно, никто не подумает, что у него десять пальцев, как у всех. Он всегда замечает пассажиров в париках. Только самые наивные из них верят, что со стороны ничего не заметно. Остальные сразу понимают, что у них не свои волосы. Их головы похожи на бесцветные метлы. И все-таки люди в париках на что-то надеются. Притворяются... Может, послать палец Берналю? Анонимно. С дружеским приветом.

Или лучше похоронить его? Может, выкинуть его в окошко по пути?

Но он нашел пластиковый контейнер для продуктов с крышкой на вакуумных присосках, положил палец в маленький прозрачный пакетик, а пакетик – в контейнер. Потом он снял с полки несколько книг, поставил контейнер к стене, а затем вернул книги на место. Запомнил, где у него тайник: за «Бинарио» Алмуса Амейды и «Жертвы на третье» Фрэнка Койота. Отступил на несколько шагов: полка тесно уставлена книгами и не видно то, что за ними спрятано. Потом он достал консервы и стал есть тунца прямо из банки, сидя на краю стула и слушая козлов.

Глава 22

Утром в понедельник он должен был настраивать рояль у новой клиентки.

Иногда, благодаря своим постоянным клиентам, он получал новых, но чаще владельцы фортепиано узнавали о нем от кого-нибудь из коллег-таксистов. Если разговор в поездке касался этой темы, водители рекомендовали Отшельника, хотя многим казалось странным, что он не только водит такси, но и настраивает инструменты. Незадолго до Рождества Альваро, владелец оливковой рощи, который сел за баранку в прошлом году, после того как обанкротился, сказал Эрхарду, что подвозил одну пассажирку, которая просила настройщика позвонить ей. Она живет в «Парке Оландес»; у нее «Стейнвей», который много лет не настраивали.

– Почему вы так долго не звонили? – возмутилась владелица «Стейнвея», когда Эрхард вспомнил о ней в канун Рождества, полупьяный и не способный работать.

Разговор прошел ужасно, так же как и начался. Клиентка три раза просила его назначить цену, только подумать хорошенько.

– У нас очень дорогой рояль, и с ним не случилось ничего серьезного, – добавила она.

Эрхард еще не встречал клиентов, которые бы так ожесточенно торговались. Наконец они сошлись на сорока шести

евро – обычно он брал вдвое больше.

– Приезжайте точно как мы договорились, – велела она напоследок. – Не тратьте напрасно мое время.

И вот он приехал, остановился перед домом клиентки и взглянул на часы. Он, конечно, опоздал. Но в машине работало «Радио Фуэртевентуры»; выпуск новостей только начался. Самая главная новость – сдвинулись с мертвой точки переговоры о зарплатах в новом казино.

– Более пятидесяти служащих сейчас...

Пока он слушал, открылась дверь дома. Какая-то женщина внимательно посмотрела на Эрхарда. Это была хорошенькая блондинка в белом костюме в стиле сафари, в туфлях на высоких каблуках. Она помахала рукой, словно подавая ему знак, что он может войти. Эрхард сделал вид, что не замечает ее. Диктор перешел к новостям ЕС: Европейский союз старается помочь экономике Испании, поддерживая государственные банки, в том числе Сан банк, крупнейший на Фуэртевентуре.

– Многие клиенты в январе испугались, потому что...

Женщина подошла к машине какой-то расслабленной походкой. Когда она подошла ближе, Эрхард заметил, что ее губы покрыты блеском телесного цвета и что кожа на скулах неестественно натянута. Вид у нее был весьма неприветливый. Эрхард опустил стекло.

И тут диктор говорит о том, что он боялся услышать.

– *Двадцатисемилетняя жительница Пуэрто-дель-Роса-*

рию призналась в том, что на прошлой неделе бросила ребенка на пляже возле Котильо, где...

– Сеньор настройщик!

– ...в машине. Когда машину нашли, ребенок уже умер.

– Сеньор!

– ...она активно сотрудничает с полицией и раскрывает подробности своего тяжкого преступления. Сотрудники полиции убеждены, что сама мать...

Женщина наклонилась к открытому окошку.

– Я прождала вас весь день...

– Да тихо вы! – оборвал ее Эрхард, увеличивая громкость. – Я должен это услышать.

– ...не взяли под стражу. Как ожидается, приговор по делу будет вынесен...

Блондинка так повысила голос, что стало не слышно диктора:

– Никогда в жизни я не сталкивалась с таким ужасным отношением к делу! Мы с вами кое о чем договорились! Я просила вас приехать вовремя.

Выпуск новостей окончился. О деле рассказали именно так, как и предсказывал Берналь. И как боялся Эрхард. Мир быстро забыл об ужасном событии.

Он покосился на женщину, которая мрачно смотрела на него, словно ожидая, что он вот-вот выскочит из машины. Вся его нервная система стремилась подчиниться ее властному взгляду, но он все же удержался.

– Я заплачу вам двадцать евро и ни центом больше! Более того, вы должны настроить мне рояль бесплатно, если дорожите своей репутацией!

Эрхард завел мотор.

– Стойте, куда вы? Вы не имеете права уезжать! Я прождала весь день! – Женщина была так возмущена, что казалось, вот-вот лопнет от гнева.

– Есть более важные вещи, чем ваш «Стейнвей», – заявил Эрхард, разворачиваясь и возвращаясь во «Дворец».

* * *

При виде его Берналь удивился.

– Отшельник! – воскликнул он.

– Вот, значит, что вы имели в виду, когда говорили о «ком-то из местных»?

– Успокойтесь. О чем вы? – Берналь завел Эрхарда за стеллаж с папками и коробками, в которых лежали электрические шнуры.

– Черт побери, это не расследование, а...

– Ну что? Что?

– Мы с вами оба прекрасно понимаем, что преступление совершила не она!

– Почему?

– Три-четыре дня назад у вас ничего не было, и вы злились. А теперь дело закрыто и завязано красивым бантиком?

– Все идет быстро, как только появляется зацепка.

– Да ладно! На машине нет номерных знаков, а на одометре всего пятьдесят километров! Какая на хрен жительница Пуэрто?

– Отшельник, выбирайте выражения!

– Неужели у вас совсем нет чести?

Берналь перешел на шепот:

– Я же говорил, нам не разрешают оставлять такие дела нераскрытыми! Такие дела плохо сказываются на нашей репутации. Мы не имеем права этого допустить. А тут еще казино и все остальное.

– Казино?! А казино тут при чем?

– Выбирайтесь из своей пещеры, приятель! Турпоток падает. Если решат, что у нас плохо, и казино построят на Лансароте, целая куча местных жителей останется без работы.

– И что? Значит, вы обвинили во всем случайную женщину ради того, чтобы казино построили у нас?

– Разумеется, нет. Мы раскрыли грязное дело, у которого не могло быть счастливого конца.

– А как же девушка?

– Она не девушка, она женщина, и она прекрасно понимает, что делает.

– Тогда зачем она так поступила?

– Какое это имеет значение, раз она призналась?

Может быть, и никакого. Может быть, дело только в нем, в Эрхарде. Что он вообще понимает в таких делах? Вероятно,

редко бывает так, чтобы все кусочки головоломки совпали.

– Откуда была газета? – неожиданно спросил Эрхард.

Берналь с досадой ответил:

– Мне жаль, что я втянул вас. Тяжелое дело, и для меня тоже. Но теперь все кончено. Забудьте. Мы с ней обо всем договорились. Там был ее ребенок.

– Договорились?!

– Говорите тише. Да, договорились. Дело закрыто.

– Разве вы действуете не так же, как Дюпон и Дюпон, парочка вездесущих детективов из «Тинтина»? «Договорились»... Берналь, что вы наделали?

– Я выполнял свою работу. Черт побери, вы понятия не имеете, что это такое! – Берналь терял терпение. – Нераскрытые дела не нужны никому, и всем плевать, что раскрыть их невозможно. Начальство приказало, чтобы дело закрыли.

– Но она-то зачем согласилась? Почему позволила втянуть себя?

– Ее простимулировали, – ответил Берналь, и Эрхард догадался, что тут не обошлось без денег. – Так бывает, если нечего терять.

– Сам не понимаю, какие чувства испытываю к этой дуре. И жалко ее, и хочется убить... Ее посадят?

– Сначала, конечно, ее будут судить, но мы позаботимся о том, чтобы все сошло гладко, ведь суд тоже заинтересованная сторона. Она получит все, что ей нужно. Больше, чем она сейчас зарабатывает своим ужасным ремеслом.

– Иными словами, она шлюха? Вы купили шлюху? Какую-нибудь отупевшую наркоманку? Да ведь пройдет несколько дней, и она...

– Разве не вы называли себя Сеньор Против Правил?

Эрхард был знаком со многими местными проститутками. На острове их примерно двадцать-тридцать; они обслуживают туристов и немногочисленных здешних богачей. Он без труда представил, как одна из них охотно согласилась сыграть роль матери, убившей собственного ребенка. Он живо увидел перед собой ее дрожащие руки. Подумать только, ей даже не придется ни с кем трахаться! Нужно лишь подтвердить: да, она действительно родила ребенка, от которого потом избавилась. Эрхард по привычке попытался нащупать в кармане палец, но тут же вспомнил, что пальца у него при себе больше нет. Он нечасто злился, но сейчас гнев охватил его с такой силой, что у него запылали уши.

Берналь в растерянности отступил:

– Не смотрите на меня так! Я – единственный, кто пытался раскрыть дело. Поверьте мне. Я в самом деле думал, что вы можете мне помочь. Последняя попытка, так сказать. Мы надеялись, что газета наведет нас на след, но мы зашли в тупик!

– Но, может быть, самое важное то, что ребенка завернули именно в датскую газету? Вы должны были тщательно проверить все зацепки, которые у вас были.

– Что, по-вашему, означает газета? Может быть, отец ре-

бенка – датчанин? Или его мать останавливалась в отеле, в котором получают датские газеты? К нам приезжает много туристов из Дании... Ни черта это не значит! Это просто обрывки газеты. Через несколько дней дело спишут в архив.

В помещении повисла напряженная тишина. Берналь включает свет.

– Я еду домой, – сказал Эрхард.

– Спасибо вам за помощь. Еще раз спасибо.

Если бы Берналь произнес что-то язвительное, он бы только усугубил оскорбление, но, похоже, Берналь просто в последний раз попытался быть дружелюбным.

Они шли по управлению бок о бок, вышли из «Дворца», направились на парковку.

– Я думал, для всех сотрудников полиции дело чести найти того, кто обидел ребенка! Я думал, ваши коллеги ночи не спят, прочесывают всю округу частым гребнем!

– Поверьте, я засиживался допоздна. С тех самых пор, как мы его нашли. Мы перевернули каждый чертов камень на этом острове. Иногда бывают поганные дела, и это одно из них. Помимо всего прочего, у каждого из нас есть семьи, личная жизнь... Думаете, мне самому не стало страшно, когда мы нашли этого несчастного младенца? Но мы не имеем права принимать дело слишком близко к сердцу всякий раз, как умирает ребенок. По крайней мере, теперь дело будет закрыто.

– Когда вы передаете его Армандо?

– Слушания в конце недели. В пятницу утром.

Они пожали друг другу руки. Хуже всего то, что Эрхард, в общем, хорошо относился к Берналю.

– Пока, Дюпон! – сказал он.

Эрхард выехал из города и направился на север. Вставил в магнитоу кассету, полились звуки джазовой композиции «Стелла в звездном свете» Колтрейна. В боковое зеркало он видел, как из рваных облаков появляется самолет. Из-за солнечных лучей казалось, будто его крылья в огне.

Глава 23

Он просто ездил по округе, не подбирая пассажиров и не отвечая диспетчеру. Слушал радио, и всякий раз, как проходил этот сюжет – с каждым разом все короче и в немного измененной версии, – он слышал вместо голоса диктора голос Берналя: «Такие дела плохо сказываются на нашей репутации».

Полчаса он стоял у нового казино. Перед тем как начать стройку, на этом месте взорвали скалы и залили площадку бетоном. Пока удалось возвести только один этаж. Весь город мечтает о будущем казино. Весь остров! В самом начале все просто радовались тому, что на острове появляться новые рабочие места. Но постепенно аппетиты росли, и в казино начали видеть средство спасения для всего Корралехо, всего острова, всего архипелага. Казино – средство поддержания стабильности, роста благосостояния и счастья. По словам Альфонсо Суареса, главы нового казино, это постройка-мечта, новое живое сердце Корралехо. Эрхард был настроен скептически. Строительство казино обсуждали с 1999 года. Из бюджета уже истратили более 30 миллионов евро – никто не знает на что.

Никого не было видно. Он поудобнее развалился на сиденье, готовясь вздремнуть, но всякий раз, как заговаривал диктор, в голове вихрем кружились мысли. Когда снова на-

чался выпуск новостей, он доложил диспетчеру, что на остаток дня берет выходной, и выключил знак «Свободен».

Домой он не поехал.

Вместо этого свернул на дорогу, которая ведет через промышленный район Пуэрто-дель-Росарио, с павильонами, похожими на сараи, и через квартал Селос, где все кажется закрытым, но на самом деле не закрыто. Он миновал дорогие особняки «Спорт Фуэрте» и направился в долину Гисгей. Здешний клуб свингеров был местной достопримечательностью. Когда он увидел знакомых ночных бабочек, остановил машину и предложил подвезти их бесплатно. Многие в ответ просто посмеялись над ним. Но Анхелина, Мишель и Бетани, которых он и раньше часто куда-нибудь подвозил, попросили доставить их в центр города или в Корралехо.

Он спросил, не арестовали ли кого-нибудь из них недавно. Не бросила ли какая-нибудь из девушек работу или, может быть, уехала в отпуск? Нет, ни о чем таком они не слышали. Они ничего такого не заметили. Анхелина назвала нескольких, кого она некоторое время не видела, но они, скорее всего, просто поехали домой или в Барселону – или заболели, так она считает. И двадцатисемилетних среди них вроде бы нет.

Он не спросил напрямую, но Бетани, как ни странно, заметила связь: она слышала, что на пляже нашли ребенка. Люди совсем спятили, сказала она. Эрхард не ответил.

Печально. Все девицы живут примерно одинаково, но раз-

общенно, работают в одиночку, рыщут по острову в поисках клиентов. Они словно артистки небольшого передвижного театра, где ставят самый древний спектакль на свете, у которого никогда не бывает счастливого конца. Сидящие в машине ночные бабочки были похожи на девочек-подростков в маминых платьях. Он вспомнил, как наряжались Метте и Лене. У старшей косметика размазалась по лицу, бледные тонкие ноги торчали из-под материнской нижней юбки... Он не хотел сейчас вспоминать о них. Тем более в такой связи. Особенно в такой связи.

В третий раз он проезжал по Гисгею; весь городок состоит из заброшенной фермы, большого дома и бывшего супермаркета, переделанного в клуб свингеров. Вдруг он заметил новое лицо. Она явно наркоманка, проститутка и в таком жалком состоянии, что Эрхарду не хотелось сажать ее к себе в такси. И все же он притормозил у обочины и дождался, пока девица склонится к открытому окошку. Приняв его за клиента, она наградила его ужасной улыбкой и подалась к нему отработанным жестом, демонстрируя груди в рваном розовом лифчике.

– Я не клиент, но могу подвезти тебя в Пуэрто. Наверное, там дела пойдут поживее.

Он ожидал, что она начнет возражать. Ночные бабочки знают: нельзя доверять всем, кто предлагает их подвезти. Но у этой девицы глаза совершенно пустые. Она послушно, как робот, забралась на пассажирское сиденье.

Ее совершенно бессмысленно было о чем-либо спрашивать. Всю дорогу она провела в полусне. Эрхард отвез ее в Селос и решил высадить на углу у ресторана, где собираются проститутки, чтобы выкурить сигаретку и посплетничать о клиентах. Снова передали выпуск новостей. На сей раз сюжет оказался еще короче. Эрхард догадывался: в следующий раз о мальчике, найденном на пляже, не скажут ничего. Он повернул на проспект Хуана-Карлоса, самую большую и оживленную улицу в районе Селос. Нашел клуб «Ла Коста», днем похожий на обычный ресторан со столиками на тротуаре. Подъехав к нужному месту, он остановил машину и осторожно толкнул свою пассажирку в бок:

– Сеньорита, вам пора выходить!

Она посмотрела по сторонам:

– Я не хочу выходить, хочу в Гисгей!

– Мы там уже были. Вы хотели поехать в центр, помните? Девушка бросила на Эрхарда раздраженный взгляд.

– Сегодня я больше не могу.

– Вам есть куда пойти?

– В Гисгей. У меня там койка.

На вид ей было лет двадцать пять, не больше. Нос красный, воспаленный – нюхает, наверное, всякую дрянь. Блузка без рукавов, похожие на щупальца кальмара белые плечи обгорели, кожа облезает. Вид у нее был потрепанный. Она из тех, кому не повезло.

– Я отвезу вас назад, – предложил он.

– Эй! – воскликнула она, видимо намереваясь обругать его, но вместо этого развалилась на сиденье и стала рыться в сумке в поисках сигареты. Хотя курить в машине Эрхард не позволял, он ничего не сказал, а лишь опустил все стекла. Его пассажирка прикурила сигарету с фильтром и глубоко затянулась.

– Чего тебе надо? Минет?

– Нет, – ответил он.

Она вяло курила, стряхивая пепел так, что хлопья полетели по салону.

– Где это мы?

– Вы направляетесь в Гисгей. Я вас везу, я вам помогаю.

Она снова заснула с зажженной сигаретой между пальцами.

Эрхард осторожно взял из ее пальцев сигарету и выкинул в окошко. Поездка занимает десять или одиннадцать минут, если ехать по прямой. Но он нарочно поехал круглым путем, чтобы дать своей пассажирке выспаться. Она спала беспокойно, но ее дыхание делалось все глубже, и вскоре она совсем обмякла. Когда они достигли Гисгея, он ненадолго забыл о ней, вылез из машины, потянулся, перешел дорогу. Клуб свингеров по-прежнему напоминал супермаркет с большими витринами и длинной, ярко освещенной неоновой вывеской. Но окна замазали красной краской, и на вывеске теперь написано: «Мир удовольствий». Найти вход непросто. Эрхард часто возит сюда пассажиров, но ни разу

не обращал внимания, куда они идут. Такие заведения не в его вкусе. Для него здесь слишком деловая и безличная обстановка. Здесь надо бродить в толпе людей, которые гораздо моложе, спортивнее и возбужденнее. Секс не обязательно то же самое, что и любовь, но куда приятнее, когда тебе не приходится участвовать в чем-то вроде рыбного аукциона.

Он вернулся к машине.

– Гисгей! – сказал он девушке. – Конечная остановка. Гисгей! – Ему стало смешно.

Она вылезла из машины и, не открывая глаз, нащупала сумку и сигареты.

– Спасибо! Ты ангел, настоящий ангел!

Она под таким кайфом, что произносит слова чисто механически. Однако голосок у нее приятный; она что-то задела в душе Эрхарда. Его пассажирка, спотыкаясь, пошла по улице; он следовал за ней.

– Езжай-ка ты домой, таксист. Я в порядке!

Он молча посмотрел на нее и решил рискнуть.

– Ты не слышала, чтобы кого-нибудь из вас недавно арестовали из-за ребенка?

– А что, разве нам нельзя иметь детей? – Она поморщилась, как будто пыталась рассмеяться, но с ее губ не слетело ни звука.

– Ты знаешь, кто она?

– Ее не арестовали, ей дали взятку в тысячу евро.

Девушка повернула за угол. Эрхард шел за ней.

– Кто? Кто она?

– Только потому, что ты такой милый, – сказала она.

Эрхард размышлял, не дать ли девице сто евро. Не только для того, чтобы развязать ей язык, но и чтобы помочь. И может быть, произвести на нее впечатление.

– Ее зовут Алина, Алинасита. Настоящая стерва. – Она помахала ему двумя пальцами, потянула на себя дверную ручку, которую Эрхард не заметил, и скрылась в здании.

Глава 24

Домой Эрхард вернулся уже в сумерках. Он посмотрел на телефонный аппарат в углу. Ничто не указывало на то, что ему кто-то звонил. Он бросил одежду в корзину для грязного белья. Ему нравилось стирать по понедельникам. Оставшись в трусах и майке, он приготовил ужин – гуляш из ягненка – и, выйдя на порог, стал есть. Может, выпить пива у Гусмана на тропе Алехандро? Его магазинчик выглядит так, словно вот-вот обанкротится; впрочем, так он выглядит уже много лет. Потом Эрхард вспомнил, что дома есть бутылка красного вина, налил себе в пивную кружку и выпил одним глотком, как будто вино способно было утолить его жажду.

Стемнело.

Он согрел воду, постирал одежду и развесил на веревке, протянувшейся от дома к высокому флагштоку. Темнота давила на него. Он побрился. Хотя после бритья он выглядел каким-то слишком правильным – настоящий старик с совершенно гладким лицом, – он все же повторял процедуру несколько раз в месяц. Погладил рубашку, попытался разыскать хорошие брюки. К сожалению, две самые любимые пары еще сохли на веревке. Он примерил несколько старых брюк, но одни были коротки, другие в пятнах масла. В конце концов он надел шорты. Другим таксистам не нравится, когда он носит шорты. Шорты – для туристов. Но Эрхар-

ду все равно. Он будет носить что хочет, черт побери! Иногда даже розовую рубашку. Он пил красное вино под музыку Монка Хиггинса. Достал палец с полки и приложил к впадине на кисти. Палец похож на живой, только если прищуриться. Эрхард осторожно вернул палец в пластиковый контейнер, поставил его на полку, закрыл книгами. Допив вино, он сел в машину и поспешил в центр, пока его не развезло. И хотя обычно одной бутылки ему хватает, пока он ничего не чувствовал.

Машину он оставил во дворе рядом с «Прачечной самообслуживания Оли», куда никто не ходит по ночам. Вокруг типичный городской шум, который он любит. Какофония музыки – то громче, то тише; кто-то вдруг крикнул, вдруг завыла сирена, потом все замерло, как будто механизм захлебнулся маслом. Он направился к бару «Гринбей-джаз», зашел во внутренний дворик. Группа, которая сегодня выступает, уже на сцене, настраивает инструменты. Он приехал в самое лучшее время. От асинхронных звуков духовых и ударных инструментов у него мурашки по коже, он любит эти пробные звуки, похожие на первые слова ребенка. Взяв свой бокал с пивом, Эрхард ушел в дальний угол бара.

Пятнадцать лет назад здесь был эксклюзивный джазовый клуб с дорогими напитками, которые разносили официанты. Клуб привлекал туристов, местные сюда не заходили. Потом у заведения сменился владелец. Новый хозяин оставил жи-

вую музыку, но снизил цены и привлек местных жителей. Здесь по-прежнему поддерживают репутацию утонченного и несколько экзотического заведения «не для всех», хотя его завсегдатаи – в основном обанкротившиеся директора, туристы со старыми путеводителями и проститутки, которые изображают чьих-нибудь подружек.

На белом диване на террасе сидели две женщины; у барной стойки трое мужчин. Еще рано, всего десять вечера. Эрхард помнит лица всех своих пассажиров. Наверное, с ним что-то не так. Он возил столько людей, что их лица должны были слиться в одно. И все же он помнит их всех. Одну женщину с дивана он подвозил полгода назад, когда она проколола шину и волновалась, потому что должна была успеть на свадьбу сестры. Вторую – однажды, очень давно, бросили на пустыре на окраине Корралехо; она несколько раз повторила, что они разминутись с подругой, в чем Эрхард сильно сомневался. Он ехал в центр, а она стояла на улице и размахивала букетом цветов... Это было года четыре назад.

Мужчины – местные. Он узнал их, хотя и не помнил, как их зовут и где они работают. Эрхард несколько раз подвозил их домой – опасных, обаятельных пьяниц, которые приходят сюда как можно раньше, чтобы пить красное вино. Они изображают бизнесменов, которые назначили здесь деловую встречу. Сидеть дома им не хочется, а в «Лусе», самом дешевом заведении города, они чувствуют себя не в своей тарелке. Не нравится им и в «Желтом петухе», где собирают-

ся сборщики мусора, специалисты по сносу зданий, водители грузовиков, каменщики и таксисты. Завсегдатаи по очереди угощают друг друга дешевым спиртным и историями «с материка». Здесь же можно тихо сидеть на белых барных табуретах; трое мужчин то и дело оглядываются на входную дверь всякий раз, как слышат новые голоса.

Музыканты положили инструменты и подсели к стойке – ждать. Их трудно назвать группой в полном смысле слова. Это четверо худых мальчишек в черных джинсах в обтяжку, шляпах и митенках. Один заказал пиво на всех, и они стали пить прямо из пузатых бутылок. Эрхард никогда не играл в оркестре или в группе, хотя ему очень хотелось. Как, должно быть, приятно вместе разъезжать в старой машине, настраивать инструменты, курить и с нетерпением ждать начала выступления. Разогрев и, наконец, джем-сейшен – насколько тебя хватит. А потом – пиво, анекдоты, и наплевать на весь мир; приятно хвалить друг друга за то, что публика даже не замечает.

На уроки фортепиано Эрхарда водил отец. Учитель фортепиано в Тоструппе носил рубашки с закатанными рукавами. Его звали Мариус Тённесен. Его методика преподавания заключалась в том, что он сидел в плюшевом кресле и хмыкал, когда ученики пытались играть по нотам. Он не делал замечаний и не показывал, как играть, только курил самокрутки, довольный, почти радостный. На двадцатый раз отец Эрхарда решил поприсутствовать на занятии и понял, что уроки

не приносят тех результатов, на которые он рассчитывал; он считал, что педагогу следует пожестче наказывать Эрхарда, если тот фальшивит. В конце концов он подскочил к сыну и заорал:

– Прекрати гладить эти чертовы клавиши!

После этого отец набросился на Тённесена, велел ему проснуться, найти ремень или еще что-нибудь и научить мальчишку играть как следует, потому что из него не получится пианиста, если он будет играть в ковбоев и индейцев. После того дня отец Эрхарда перестал платить за уроки музыки. На следующей неделе, когда Эрхард пришел без денег, Тённесен заявил, что даст ему один последний урок, и все.

В каком-то смысле тот урок стал для Эрхарда первым. Он понял, что лучше играет, когда злится. Он вдруг заиграл так энергично, что Тённесен встал с кресла, подошел к нему и стоял рядом, глядя на пальцы Эрхарда. Тогда их еще было десять...

– Боже мой, мальчик, – взволнованно сказал Тённесен, – какой ты сердитый за фортепиано!

Эрхард молотил по клавишам. Когда урок закончился, он выбился из сил и стоял на пороге, разбитый и потный, а Тённесен что-то искал в своем кабинете. Эрхард уже собрался уходить, когда учитель его окликнул:

– Вот, возьми. – Он дал ему альбом *Saxophone Colossus* Сонни Роллинза 1956 года. На обложке, рядом с яркой лампой, сидел Роллинз за своим саксофоном.

– Умеешь играть «Ты не знаешь, что такое любовь»? – спросил Эрхард одного тощего парнишку у стойки.

Мальчишки обернулись. Эрхард решил, что они знают эту вещь.

– Мы джаз не исполняем, – ответил парнишка.

– Разве здесь не джаз-клуб? Когда это в джаз-клубе играли что-нибудь, кроме джаза?

Мальчишка сказал, что они исполняют нью-фанк.

– Попробую угадать, – не отставал Эрхард. – На три четверти, две бас-гитары.

– Молодежи нравится.

– Похоже на то, – согласился Эрхард, оглядываясь по сторонам.

– Здесь мы только репетируем. Наш последний ролик на «Ютьюбе» набрал больше миллиона трехсот тысяч просмотров! Через месяц мы выступаем в Мадриде.

– Долгий путь, мою юный друг. – Эрхард посмотрел на дырявые джинсы мальчишки. – Музыку не обманешь.

– Как скажете, магистр Йода², – засмеялся солист, впрочем довольно дружелюбно. – Попробую угадать: вы – очередной местный непризнанный гений?

– Неужели так заметно?

– На бизнесмена вы не похожи.

– Ты тоже, – усмехнулся Эрхард.

² Магистр Йода – один из главных персонажей фильма «Звездные войны», мудрейший и самый сильный джедай своего времени. (*Примеч. ред.*)

– Я молодой и безответственный, понимаете?

– Да, я еще помню, как это было здорово.

– Что у вас с рукой?

Эрхард покосился на свою левую руку.

– Старая рана.

– Разве у вас нет детей или внуков, к которым надо возвращаться?

– Я еще не дошел до этой стадии.

– Значит, по вечерам сидите здесь и жалуется на судьбу?

– Я слушаю музыку, если только вы не собираетесь весь вечер вместо выступления пить в подсобке!

– А, ну да, ну да.

Эрхард отвернулся и продолжил пить пиво. Разговаривать с молодыми бывает неприятно. На середине разговора он почувствовал, что пропасть между поколениями слишком широка, извилиста и обрывиста. Новых посетителей нет, что необычно. Может быть, сегодня по телику показывают футбольный матч. Обычно к половине двенадцатого в баре полно народу. Эрхард размышлял, не поехать ли домой, пока он еще в силах. Может, он напрасно тратит здесь время. Да придет ли она сюда вообще? Приходит ли она сюда в такие вечера, как этот?

Красное вино наконец подействовало, но не так, как он ожидал. Он не чувствовал приподнятости. День был долгим, слишком долгим.

Он смотрел на тощие ноги одного из музыкантов, которые

были похожи на кронштейны для занавесок, обтянутые черной джинсовой тканью. Наверное, они живут в маленькой квартирке в центре Пуэрто-дель-Росарио, или, может быть, здесь, в Корралехо. Скорее всего, курят гашиш, закидываются колесами — или как это теперь называется. Трахаются друг с другом и с подружками друг друга и дважды в месяц ссорятся из-за квартплаты. Тот, что в кепке, отличается от остальных. Может быть, он с материка, из Мадрида или Валенсии. В нем есть что-то от студента, он не такой, как его товарищи. Он уникален. Местные называют Фуэртевентуру «островом дураков». Отсюда до приличного университета нужно плыть три дня или лететь пять часов. Так что, когда встречаешь молодого человека, способного к рефлексии, на него невольно обращаешь внимание. Во всяком случае, Эрхард их отличал. По правде говоря, он и сам мог бы похвастать не одним дипломом, если бы не бросил учебу. Жизнь научила его узнавать интеллектуала по внешнему виду. В профиль у парня огромный нос. Он нависает над губами и широкой аркой тянется вверх, до самых глаз. Он напоминает греческую статую, высеченную в камне.

* * *

Группа поднялась и вернулась на сцену. Когда они проходили мимо него, один что-то сказал, но так быстро и так тихо, что до Эрхарда не сразу дошел смысл его слов:

– Интересуешься мальчиками?

Он хотел обернуться и посмотреть, кто задал вопрос, но успел взять себя в руки. Он знал по опыту: не все голоса звучат на самом деле. В последнее время на острове совершалось все больше преступлений на почве ненависти. Местные жители избивают туристов-гомосексуалистов. Подкарауливают их на отмелях, где между дюнами совокупаются немцы и англичане – легкая добыча для парочки юнцов с ножом.

Наконец бар заполнился народом. Молодые парочки держатся за руки. Большие группы людей входят в бар смеясь, сбрасывая напряжение, которое Эрхард ощущал последние десять минут. Музыканты на сцене разошлись и играли все лучше, но он на них не смотрел.

Допив пиво, он вышел. Многие, взяв напитки, как и Эрхард, направились во внутренний дворик. Алину он нашел на диване у стены; она листала журнал с портретами знаменитых актеров. Выражение ее лица было на удивление сосредоточенное, словно она читала что-то серьезное. Она густо напудрена, ее торчащие грудки казались почти девичьими. Однако Эрхард заподозрил, что этому способствует бюстгальтер с поролоновыми прокладками.

Он несколько раз возил ее сюда. Кроме того, он возил ее в роскошные особняки. И забирал оттуда рано утром, после того как она выскальзывала за ворота виллы, держа в руке босоножки на высоченных шпильках. В последний раз он ви-

дел ее год назад, тогда Алина стояла на коленях и обрабатывала член губернатора Канарских островов. Рауль пригласил его на вечеринку на яхте, которая стояла на якоре у острова Лобос, он знал элиту острова, зато Эрхард был знаком со всеми проститутками. На Алину и губернатора он наткнулся в крошечной кладовке, когда искал камбуз; в это время Рауль на палубе обыгрывал губернаторского телохранителя в покер.

Алина совсем не красавица. Она порочна, как бывают порочны деревенские девушки. Кроме того, есть что-то неприятное в ее губах и щеках: они провисают, как будто когда-то ей делали операцию по поводу неправильного прикуса. Конечно, она отличается от других «ночных бабочек», с которыми он разговаривал. Она другая, более зрелая. Приехала в бар нарядная. Алина напоминала Эрхарду какую-то знаменитость восьмидесятых, только он не мог сказать какую. Поверх платья на ней свободная золотистая блуза с разрезами, на ногах кремовые сандалии. Эрхард не очень разбирается в моде, особенно в дамской, но сразу понял, что Алина – дорогая проститутка. Когда Эрхард сел напротив, она бросила на него быстрый оценивающий взгляд, определяя его сексуальные предпочтения и финансовое состояние.

– Нет, спасибо, – отреагировала она.

– Я здесь не по этому вопросу, – усмехнулся он.

– Если хочешь чего-то от меня, оставь заявку на моем сайте. Сегодня я занята.

– Я пришел, чтобы поговорить о мальчике, – сказал Эрхард, понижая голос.

– О мальчике? – переспросила Алина. Выглядела она так, словно наглоталась транквилизаторов.

– Да. О маленьком мальчике, которого ты уморила голодом и бросила в картонной коробке.

Она резко выпрямилась и посмотрела на него в упор:

– Адвокат запретил мне обсуждать моего сына.

Умница! Она внимательно слушала. «Моего сына»... В голосе слышалось возмущение. Может, она и не под кайфом вовсе...

– Сколько тебе заплатили? Я слышал, в полиции тебе дали тысячу евро.

– Конечно нет! – прошипела женщина. – Столько я зарабатываю в хорошую субботу в декабре. Полицейских денег мне не нужно.

– Тогда зачем ты согласилась? – Он закрыл ее журнал, чтобы она смотрела на него.

– Это мой сын.

– Хватит. Я не журналист.

– Ты таксист. Я тебя помню.

– За тысячу евро я бы тоже согласился стать матерью мальчика.

– Нет, потому что его мать – я.

Ей удалось ответить так убежденно, что Эрхарда вдруг охватило сомнение. Но Алина не похожа на охваченную го-

рем мать.

Она похожа на счастливую вдову, которая наслаждается свободным вечером. Она похожа на «подозреваемую из местных», как назвал ее Берналь.

– Раз уж я сумел тебя вычислить, журналисты и подавно вычислят. Когда они узнают, что ты солгала, что полиция... – он понизил голос, – что полиция платит тебе, чтобы ты признала себя матерью, тебе придется нелегко.

– Это все для виду, – сказала она, потягивая коктейль через соломинку – у нее в бокале было что-то зеленое, вроде мохито с огурцом.

Эрхард был растерян. Он ожидал, что Алина будет сожалеть о своем поступке, может быть, сломается. Но она, похоже, совсем не переживает.

– Тебе заплатили больше чем тысяча евро! – догадался он. – Гораздо больше!

– Как скажешь, богач! – Она вынула соломинку изо рта и ухмыльнулась. – Не все же трахаться с такими стариками, как ты.

Эрхард сделал вид, что не слышал.

– Из-за тебя полиция положит дело на полку. Это неправильно.

– Мальчик умер. Родителям на него плевать, ты понял? Кстати, они, скорее всего, тоже умерли. Так мне сказали в полиции.

– Они просто хотят закрыть дело, пусть преступник и не

найден.

– Ну да, и что? Слушай, таксист, мне запретили об этом распространяться. Обсуждать тут нечего. Ты портишь мне вечер. – Она раскрыла журнал и стала читать.

– Вечер? Если ты играешь роль матери, тогда тебе лучше вложить в игру больше души.

У него руки чесались влепить ей пощечину.

Он вернулся в бар, заказал пиво и выпил его одним глотком: пена и жидкость потекли по шее в ворот рубашки. Музыка стала живее, кое-кто из молодежи пошел танцевать. Похоже, музыкантам это нравится, но, по правде говоря, бар – не слишком подходящее место для танцев. Смотреть на них было невыносимо, только молодежь способна на такое притворство. Они терлись друг о друга. Девушка в мини-юбке прижималась лбом к заметной выпуклости на ярких шортах своего парня. Их намерения были совершенно недвусмысленны. В их ужимках не было никакой романтики, никакого очарования – сплошное притворство... Брр!

Тупая, мерзкая, жадная сука! Результат многих поколений межродственных браков и разврата. После почти тридцати лет Эрхард признал и свой вклад в такое положение вещей. Бессовестные бюрократы и эгоисты-граждане... Еще не поздно. У него еще есть время подпортить полицейские сводки. Он может разоблачить Алину и некомпетентность полицейских. Ему плевать на Берналя и на их почти дружбу. Если суперинтендент полиции нравов не желает искать ро-

дителей мальчика или того, кто повинен в его гибели, пусть платит за свою лень!

Он то и дело косился на Алину. Через окно он видел, как она заказывает шампанское и продолжает читать журнал. Изображает благородную сеньору! И все время у нее на губах играла самодовольная улыбка, как будто она вот-вот засмеется. К ней подошло несколько мужчин, но она их всех прогнала. Ее поведение удивило Эрхарда. Он думал, что она работает, но, может быть, она пришла сюда в свой выходной, который не закончится тем, что какая-нибудь жирная свинья будет тискать ее девичьи грудки. После того как у нее появился новый неожиданный источник дохода, она могла позволить себе отдых. Но он не мог ей этого позволить.

Когда закончился концерт, произошло нечто неожиданное. Пока два парня с дурацкими косичками собирали инструменты, остальные плюхнулись на диваны и закурили самокрутки – наверное, с марихуаной. Какие-то девицы уселись к ним на колени. Эрхард толком не видел, кто они, но потом заметил, как Алина склонилась к солисту. Тот задрал на ней платье, чтобы взглянуть, какие на ней трусики. Больше всего Эрхарда поражало не само действие, а скорость, с какой все происходило. Никаких разговоров, ухаживаний, хотя бы предварительного знакомства – вперед на всех парусах! И хотя из динамиков гремела музыка, в зале была такая интимная обстановка, их голоса словно плыли по воздуху, Эрхарду было слышно все, в том числе и подчеркнуто «го-

родское» произношение Алины, когда она шептала в ухо солисту:

– Хочу отсосать у тебя, мучачо!

Эрхард чуть не упал со стула, но повернулся к барной стойке и допил пиво.

– Не сейчас, не здесь, погоди, – прошептал в ответ солист.

Ах ты, маленький говнюк! Алина не заметила Эрхарда, хотя он сидел метрах в четырех, не дальше, либо притворялась, либо уже забыла о нем. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, он не спеша вышел на улицу. Жизнь в городе кипела, несмотря на то что завтра будний день. Мимо проехали трое на мопеде; две девчонки в ярких платьях шли на пляж, болтая по мобильным телефонам.

Не похоже, что из-за нового источника дохода Алина бросит свое ремесло. Вот жадная сука! Она не стоит того, чтобы быть матерью мальчика, пусть и ненастоящей. Она – худший сорт шлюх, из тех, кто мог бы выбрать другую жизнь, но пользуется своим телом, чтобы мстить мужчинам – мужской глупости и простодушью. Она словно говорит: «Видите, что вы со мной сделали? Видите, какой я стала из-за вас?»

При свете уличных фонарей парни с косичками загрузили аппаратуру в фургон, пообещав басисту завезти все домой. Он слышал, как басист сказал:

– Мы остаемся.

Эрхард поскользнулся на длинных пальмовых листьях и едва не упал. Он ждал несколько минут. Наконец те, кого он

ждал, вышли из бара. Они выглядели иначе. На сцене они выглядели одухотворенными. Теперь перед ним всего лишь группа хихикающих мальчишек, которые изображают рок-звезд. Они перешли улицу, не глядя на машины, водители вынуждены были резко тормозить, чтобы не сбить их. Они не обратили внимания и на фургон под фонарем, в котором курили два их товарища. Они не заметили Эрхарда, стоящего за пальмой, он не сводил взгляда с Алины, прильнувшей к тощему солисту. На втором музыканте висла совсем девчонка. Она похожа на юную, пожалуй, даже слишком юную Бирте Тав, датскую актрису, которая в семидесятых снималась в мягком порно. Группа идет по короткой дорожке к отелю «Феникс». Через несколько минут туда же за ними вошел Эрхард.

В баре отеля было всего несколько человек. Муж и жена пили белое вино; человек, похожий на коммивояжера, смотрел в ноутбук. Бармен помахал Эрхарду рукой, но он вернулся к стойке администратора, с которым хорошо знаком. Мигель уже в возрасте, он стоит за стойкой, сколько Эрхард себя помнит. Когда водишь такси, невольно знакомишься с персоналом отелей – если, конечно, тебе не все равно. Таксистам полезно водить дружбу с работниками отелей. Благодаря им появляются новые клиенты и щедрые чаевые. С Мигелем приятно было иметь дело. Приветливый, всегда тщательно причесанный, с мягкими руками, которые приветствуют всех, кто заходит. Ходили слухи, что он ухаживает за

восьмидесятилетней матерью.

Сначала Эрхард сделал вид, будто просто проходил мимо.

– Как дела, Мигель? Работы много?

– У нас никогда не бывает много работы, сеньор Йоргенсен. Нам всегда хватает времени на наших гостей.

– Вы давно видели Жана Булара?

Это шутка «для своих» об одной островной знаменитости, Булар оказался в колонке светской хроники, потому что танцевал с Пенелопой Крус на террасе пентхауса в отеле.

– Я не обсуждаю гостей отеля, – с легкой улыбкой ответил Мигель.

– Даже если они нарушают закон?

– У нас такие не останавливаются.

– А как насчет тех пяти-шести человек, что зашли несколько минут назад?

– Что случилось, сеньор Йоргенсен? Неужели они забыли расплатиться по счету?

Эрхард посмотрел на Мигеля:

– Да, можно и так сказать.

– Сколько они вам должны? Может, включить сумму в их счет?

– Я сам с ними разберусь. Скорее всего, произошло недоразумение. В каком номере они остановились?

Мигель бросил на Эрхарда осторожный взгляд:

– Только для вас...

– Вы ведь понимаете, кого я имею в виду? Трое молодых

людей и две... как бы их получше назвать? Сопровождающие женщины.

– Я видел только двух молодых людей. Они сняли номера сегодня, немного раньше. Говорите, их сопровождали женщины?

Мигель ни мимикой, ни жестами не показал, что понимает: «сопровождающие женщины» – значит «проститутки». Эрхарду не хотелось его смущать.

– Я ненадолго, – заверил он.

– Номера двести двадцать один и двести двадцать три. Под тем номером, где вы останавливались последний раз.

– Спасибо, Мигель. Я сейчас вернусь.

Эрхард повернул за угол и вошел в лифт. Он слишком устал, чтобы подниматься по лестнице.

Их было слышно уже из коридора. Парень гудел как пылесос. Звуки, которые издавала Алина, похожи на волынку, которую пинают ногой, но сомнения не было: это она. Звук нарастал, пока он не остановился перед дверью номера 221. Эрхарду не хотелось наткнуться на других музыкантов, но он знал, что по крайней мере один из них сейчас занят с малышкой, похожей на Бирте Тав. Возможно, с ней там двое. Из 223-го номера не доносилось ни звука. Может быть, они все заснули вповалку, усталые и обкуренные.

Он постучал в дверь три раза. Не слишком настойчиво.

– Убирайтесь! – раздался голос солиста.

– Шампанское, сеньор.

– Убирайтесь!

– От продюсера, который сидел в баре, сеньор, – соврал Эрхард, надеясь, что его слова заинтересуют солиста. Он услышал шорох, потом шаги.

Как только солист приоткрыл дверь, Эрхард ударил по ней со всей силы. Получив дверью по лицу, парень попятился, пытаясь за что-нибудь ухватиться, ничего не нашел, упал на кресло, затем на столик, перевернув картину в раме, которая со звоном упала на пол. Эрхард быстро вошел в номер.

Алина лежала посреди кровати, раздвинув ноги и раскинув руки в стороны. Эрхард отчетливо видел ее выбритый светло-русый лобок, узкую полоску живота и острые грудки. Узнав Эрхарда, она не свернулась клубком, как он ожидал, а спокойно закинула руки за голову и скрестила ноги.

Солист попытался встать, но Эрхард стукнул его о стену, потом о кровать. Из носа у парня пошла кровь. Он не мог говорить. На прикроватной тумбочке стояла открытая бутылка виски. Эрхард посмотрел на этикетку: «Джек Дэниелс», но бутылка не квадратная, как положено. Скорее всего, подделка. Парень сел, прижав ладонь к носу. Эрхард сделал глоток, потом вылил немного виски на лицо парня; тот извивался от боли, но не кричал. Эрхард не мог понять, кто перед ним – мужчина или идиот.

– Какого черта тебе здесь надо, Четырехпалый?

Эрхард стоял тихо, ждал, когда парень поднимет на него налитые кровью глаза.

– Забирай свои вещи и убирайся. Держись от нее подальше. И друзьям передай.

– Что я сделал? Я подумал... мы познакомились в баре, – просипел парень.

– Она самая главная мошенница на острове.

Алина не шелохнулась. Эрхард ожидал, что она как-то отреагирует, но она молча ждала, отчего ему стало не по себе.

– О чем ты? – спросил парень.

– Убирайся отсюда, живо! – Эрхард размышлял, не замахать ли бутылкой, чтобы парень понял: он не шутит, но тот быстро собрал с пола одежду и вышел из номера. Его волосатые, тощие ягодичы являли собой жалкое зрелище. Спина была вся в прыщах.

– Ты что задумал? – На губах у Алины играла отвратительная улыбка, словно ей нравилось все происходящее, словно она – популярная шлюха из фильма с Джоном Уэйном. – Сам меня хочешь, старая свинья?

– Я не трахнул бы тебя, даже если бы ты была последней женщиной на острове, мошенница. – Ему хотелось сказать что-нибудь грубое, уязвить ее, чтобы согнать наглую улыбку с ее губ. Но его слова на нее не действовали.

– Еще бы! – ухмыльнулась она.

Ему захотелось врезать ей бутылкой по лбу, а осколки вогнать в ее бездетный живот. Ему хотелось ее убить. Все в ней ему было ненавистно: ее кудряшки, и задорные соски, которые она даже не пыталась прикрыть, и самодовольная

улыбка с налетом горечи – Эрхард вдруг понял, что такую улыбку невозможно стереть ни насилием, ни унижением, ни ненавистью, и бессильно смотрел на нее. Он видел Алину в деревне, когда она была девчонкой, сидела в автобусе или на задней парте в школе. Чуть косящая девчонка в цветастом платье. Он видел, какой она была в детстве: она пинала камешки на дороге и гонялась за собачьим хвостом.

– Как ты дошла до такой жизни? – спросил он.

Вопрос ее удивил. Она еще улыбалась, но глаза неуверенно отвела в сторону. Эрхард продолжал:

– Как ты стала такой равнодушной к другим? Ко всему?

– Я не позволю тебе портить мне карьеру, – сказала она и приподнялась, собираясь встать с постели.

– Оставайся на месте, – приказал Эрхард.

Она медлила и наконец наполовину прикрылась простыней.

– Чего ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты поняла, какая ты дура... Тупая кошелка, которая решила нажиться на смерти маленького мальчика.

– Тебе-то что за дело? Ты тут ни при чем.

– Нельзя бросить ребенка и выйти сухой из воды.

– Послушай, я никого не бросала. Я просто...

– Я все про тебя знаю.

– Ну и что ты собираешься со мной сделать? Сдать меня в полицию?

Снова эта раздражающая решимость. Как будто ее забав-

ляет роль детоубийцы.

Но она права. Он сам не знает, что с ней делать. Он думал, что ему как-то удастся разбудить в ней совесть, но, потерпев поражение, понятия не имел, как поступить.

– Сколько бы тебе ни дали в полиции, я дам вдвое больше. – Он стрелял наугад, и сам от себя не ожидал такого предложения. Он надеялся, что проститутка в Гисгее неверно все расслышала и что речь идет не о тысяче евро, а о меньшей сумме. Наверное, ему удастся наскрести около двух тысяч.

– В полиции мне ничего не давали, – устало возразила Алина.

– Опять врешь.

Ее упорство изумляло. Почему одни врут как дышат, а другим так трудно солгать, что они предпочли бы уехать за тридевять земель? Другие готовы пожертвовать всем, лишь бы не лгать...

– Я не вру. У полицейских я не взяла ни цента.

– Но...

– Мне не полиция платит.

– О чем ты? – Эрхард вспомнил слова Берналя о том, что женщину «простимулировали». Эрхард не сомневался в том, что Берналь имел в виду деньги.

– Деньги дает кто-то другой. Я не знаю кто. Полицейские миллион раз твердили, что мне платят не они, а какой-то тип из местных, махореро. Он, мол, хочет, чтобы проблему ре-

шили как можно быстрее. И перестань так на меня смотреть. Я правду говорю. Так они сказали.

– Сколько? – Эрхард понимал, что сумма, возможно, в десять раз больше тысячи евро.

– Пять тысяч за каждую неделю, что я просижу в тюрьме. И билет на самолет до Мадрида, если мне надоест здесь, на острове.

Он смотрел на нее. Разговорившись, она забыла о том, что надо бы прикрыть грудь. Она с удовольствием поела разноцветные зефирины, которые достала из сумки, и мирно беседовала с Эрхардом, словно они просто друзья и встретились в баре. Эрхард никак не мог сообразить, кого же она ему напоминает. Она немного смахивала на Беатрис: у нее такие же волосы, только короче, и такой же цвет кожи, и такая же фигура, правда, у Алины короче ноги... Нет, не Беатрис. Она похожа на певицу Ким Уайлд, если бы та десять лет провела на панели. Ким Уайлд в виде пухленькой девчушки, которая обожает мерзкие сладости, наркотики и мохито.

Он сделал большой глоток из горлышка.

– Я куплю тебе билет на самолет. И может быть, дам тысячу евро.

– Ты дурак? – Алина пристально посмотрела на Эрхарда.

– Больше у меня нет.

Честность... Он не ждал, что его слова произведут на нее впечатление.

– Слушай, даже если бы я захотела...

– Скажи, что не хочешь лгать в суде. Скажи, что передумала.

– И что хорошего? Это ни на йоту не поможет. Вместо меня найдут другую, которая заберет мои деньги и выпивку на Пласа-Майор в Мадриде!

Может быть. Но бесконечно это продолжаться не может.

– Значит, после меня ты перекупишь следующую, а потом ту, что будет после нее? На всех тебе не хватит денег!

Эрхард злился, – все сводится к деньгам. Но она права. Денег у него нет. Тысяча для нее, если она в самом деле согласится, да еще придется добавить билет на самолет, он не знает, где найти столько денег. Во всяком случае, быстро.

– Если ты в самом деле хочешь вывести их на чистую воду, почему не обратишься в газету, в «Провинсию»? – Это самая крупная газета на острове.

Эрхард задумался.

– Потому что дело должна расследовать полиция, а не газеты. С ребенком ужасно обошлись. Совершено преступление.

– Его что, задушили? – Алина нахмурилась, вдруг выхватила у Эрхарда бутылку, отпила. Скорее всего, ей не показали снимков и не рассказали, как именно умер ребенок. Она не глядя взяла вину на себя. Тем хуже...

– Нет, уморили голодом. Сволочи...

– Я уже не могу пойти на попятную, – сказала она.

– Что они тебе сказали?

– Все дело в том махореро. Он какая-то важная шишка.

– Они тебе угрожали?

– Нет.

– Он один из «Трех пап»?

– Да не знаю я. Может быть.

– Ты ведь еще не взяла деньги?

Алина оглянулась по сторонам – явно в поисках одежды. Эрхард нигде не видел ее тряпок – черного платья и золотой блузы.

– Ты еще не потратила деньги?

– Я потратила все, что у меня было, – сказала она, поднимая с пола маленькие трусики.

– Сколько? Сколько ты потратила?

– Две тысячи, а может, и больше.

У Эрхарда голова пошла кругом. Он не понимал, как можно за день или два потратить столько денег.

– Что ты купила, черт тебя дери, – машину?

– Остынь, ты не мой дедушка.

– Если ты уже потратила деньги... – Он не договорил.

Все стало гораздо сложнее. Если она уже взяла деньги, дело перешло на другой уровень. Она застегнула бюстгальтер на груди и перевернула его, затем надела бретельки на плечи. В бюстгальтере ее маленькие грудки кажутся большими и соблазнительными. Сразу видно, вещь не дешевая. Не меньше ста евро... такой может и двести стоить. Золотую блузку и платье она наверняка купила в самом дорогом магазине в

Корралехо...

– Перестань на меня пялиться. Я не такая тупая, как ты думаешь, – заявила она перед тем, как пойти в туалет.

– Ты должна вернуть деньги. Ты должна...

– О чем ты? Я ничего не верну. Это мои деньги, мне их дали.

Восприимчивость, которую Эрхард заметил в ней секунду назад, испарилась. В ней проснулась деловая женщина. Полицейские правильно выбрали ее. Наивную, но не дуру. Такой можно управлять, но нельзя манипулировать. Она тщеславная, но еще не дошла до точки. Хотя, в общем, несложно догадаться, как дочка фермера, который выращивает оливковые деревья, стала проституткой. Дело не только в том, что она плохо училась в школе и не хотела работать кассиршей в местном супермаркете. Только родители способны так растоптать личность ребенка. Только злой родитель способен сделать девочку настолько холодной и равнодушной, что она готова распродавать себя по кусочкам, и тело, и душу.

– Что, если я... если я заплачу тебе деньги, а ты потом их вернешь? – говорит он. – К завтрашнему утру я раздобуду несколько тысяч. Когда ты идешь в суд? В пятницу?

– Не трудись. Не будет этого. У тебя нет денег.

– Говорю тебе, я верну то, что ты потратила. Только нужно прикинуть как...

– Там гораздо больше, – сказала она. Одета, она выгля-

дела другой... взрослой. — Ближе к четырем тысячам.

Эрхард ощутил, как силы покидают его. Виски и все остальное, все, что он успел влить в себя за вечер, вдруг ударило ему в голову; он чувствовал себя пьяным и обиженным. Ему хотелось обозвать ее маленькой глупышкой, но он не мог. Таких денег ему не найти.

— Ладно, забудь, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

— Что будешь делать? — спросила она.

— Найду настоящую мать мальчика, — ответил он.

Он вышел в коридор, прошел мимо солиста и еще одного музыканта. Они подслушивали под дверь. Вид у Эрхарда такой, что мальчишки попятились, едва увидев его.

Он понимал, что в таком состоянии лучше не садиться за руль, и все же завел машину. Ехал злой, раздраженный, ни на что не обращая внимания. В днище машины ударили куски глины и камни. Наконец он попал домой. Он не вошел внутрь, а сидел в машине и заснул еще до того, как заглух мотор.

Глава 25

Спать. Во сне все так просто. Во сне не нужно ни о чем беспокоиться.

Что противоположно сну? Бодрствование?

Бодрствовать слишком сложно. Он погряз в раздражении и горьких мыслях. Не мог думать ни о чем другом. Только о той шлюхе, о ее дорогом бюстгальтере, мальчике в картонной коробке... и о полицейском архиве, куда сваливают нераскрытые дела.

Он ходил туда-сюда, не в силах усидеть на одном месте. Завтрак по вкусу напоминал картон, в доме пыльно, кофе едва теплый. Посмотрев на книги, он вдруг подумал о Солилье и ее магазине подержанных вещей.

Солилье около шестидесяти, она миниатюрная и худенькая, такое впечатление, что из-за вечной занятости ей некогда поесть. Она притворяется веселой, товары в своем магазине раскладывает по системе, понятной только ей самой. Одежда рассортирована по длине молнии, книги – по размеру, а собачьи поводки, москитные сетки и подушки – по содержанию никеля. Где бы вы ни находились в магазине, даже в подвале, всегда слышно, как она бормочет себе под нос, жалуется на тяжелую коробку, на увядший цветок, на то, сколько в магазине покупателей, или на покупателя, который перемерил кучу вещей, но так ничего и не купил. Та-

ких клиентов она не любит, но к тем, которые что-то покупают, как Эрхард, она относится с теплотой и пониманием. Стоит только что-нибудь купить, и вас приглашают посидеть на диване у входа в магазин и поговорить с ней. В области литературы, политики и истории Канарских островов Солилье нет равных. Когда-то она была журналистом, много лет работала на C2, телеканале Канарских островов.

Может быть, газеты или телевидение – последний шанс разыскать родителей мальчика. Во всяком случае, Эрхард надеялся, что дело заинтересует Солилью. Не обязательно история самого младенца, скорее всего, она решит, что всего хуже здесь то, что полиция поспешила закрыть дело, купив обвиняемую. Хотя она больше не работает, у нее наверняка широкие связи. Надо уговорить ее найти какого-нибудь старого коллегу, который напишет репортаж.

Эрхард оделся и поехал в Пуэрто. Припарковался за грузовиком и поднялся по лестнице в магазин. Магазин разместили в особняке, рядом с которым растет громадное дерево. В тени дерева стоят диван и стол, окруженные коробками с книгами и журналами.

Солилья внизу, в подвале раскладывала платки. Она окликнула его по имени, не поднимая головы. Она одна из немногих на острове, кто пытается произнести его имя на датский лад – что ей почти удастся. «Эрхарт Юркензен», говорит она почти без пришепетывания.

Она не любит, когда ее надолго отвлекают.

– Мне нужен хороший журналист, – сказал Эрхард. – Человек, способный написать репортаж о коррупции.

– Ха! – ухмыльнулась Солилья и посмотрела на него. – Все способные журналисты вымерли. Что стряслось?

– Полиция купила подозреваемую, та сделала ложное признание.

– И что?

– А то, что дело об убийстве ребенка остается нераскрытым.

– Об убийстве ребенка? Продолжай.

– Может, и не об убийстве. Помните младенца, которого недавно нашли в машине на пляже – возле Котильо?

– Нет, – ответила Солилья.

Она поставила коробку с платками на полку и жестом велела Эрхарду следовать за ней. Они обошли покупателя, который сосредоточенно рылся в коробке с африканскими порножурналами. Солилья – сторонница свободы прессы. Вот почему в ее магазине в числе прочего продается и порнопродукция. Отчасти она любит Эрхарда за то, что он родом из страны, где впервые легализовали порнографию.

– На пляже нашли машину, на заднем сиденье которой стояла картонная коробка с младенцем внутри. Конечно, мальчик был мертв...

– Его убили?

– Нет, скорее всего, он умер от голода. Родители не объявляются.

– И что?

– Полицейские нашли какую-то, простите меня, тупую шлюху и за деньги повесили все на нее.

– Зачем? – спросила Солилья, пока они поднимались по лестнице, – она шла впереди, Эрхард смотрел в спину ее длинного синего платья.

– Хотят поскорее закрыть дело. Говорят, из-за туристов.

Солилья хмыкнула, видимо, она понимает такие доводы.

– И что же вы хотите? Что у вас есть?

– Девица, которой заплатили за то, чтобы она взяла вину на себя.

– Разве она не арестована?

– Нет, пока на свободе – ждет суда. Заседание назначено на пятницу.

– Она будет разговаривать с журналистом?

М-да... В том-то и штука.

– Скорее всего, нет.

– Так что же журналисту писать?

– Он может написать статью перед судом, где подробно рассказывается, как полицейские собираются повесить вину на совершенно постороннюю девицу...

– Сейчас у вас есть доказательства, что полицейские хотят повесить преступление на нее?

– Я говорил с полицейским, который ведет дело. Я говорил с девицей.

– Доказательства, мистер Юркензен! У вас есть доказа-

тельства? Документы, фотографии? Что-нибудь, чем мог бы воспользоваться журналист.

Эрхард понимал, что она имеет в виду.

– Нет.

– А что говорит сама девушка? Каков ее интерес, как говорится?

– Деньги. Она, простите за выражение, настоящая стерва.

– Ясно. Я знаю нескольких журналистов, которые не совсем безнадёжны, но все они скажут вам одно и то же: девушка не станет говорить, а полицейские, скорее всего, будут все отрицать. И как нам подтвердить то, о чем вы просите написать?

– Откуда мне знать? Я потому и хочу привлечь журналиста. Вы умеете раскапывать факты и расследовать такого рода дела.

Солилья улыбнулась, она польщена.

– Учтите, если думаете, что я сама за это возьмусь, вы ошибаетесь.

– Поверьте мне, Солилья, происходит что-то странное. Следователь, который ведет дело, назвал его поганым.

– Сколько ей заплатили?

– В том-то и штука. Она говорит, что ей платит не полиция.

– Не полиция? А кто?

– По ее словам, какой-то махореро. Пять тысяч евро за каждую неделю, что она просидит за решеткой.

– Любопытно. Но раз за признание ей платят не полицейские, они будут все отрицать.

– Вы только послушайте себя! Произошло чудовищное, отвратительное преступление! Дело заслуживает того, чтобы его предали огласке!

Солилья протянула ему книгу:

– Вот, прочтите. Это классика.

Эрхард посмотрел на обложку: пестрая, с черным силуэтом мужчины, который курит трубку. «Пестрая лента и другие рассказы». Он помнит, что читал какие-то из них много лет назад. Он полистал страницы. В свое время он бросил книжку, не дочитав, – как и другие произведения Конан Дойла.

– Может быть, – сказал он.

– Диего Наварес. Сын моего старого друга. Он тоже пошел в журналистику. Работает здесь, в Пуэрто, в редакции газеты «Провинсия». Умеет нестандартно мыслить, умный. Если кто-то возьмется за вашу историю, то только он. Но он еще молодой. Опыта не хватает.

По описанию Диего Наварес понравился Эрхарду. У молодежи более идеалистическое отношение к коррупции.

– Как с ним связаться?

– Я сама свяжусь. Его отец должен мне за услугу.

– Сегодня?

– Боже мой, вы так нервничаете! Никогда не видела вас в таком состоянии.

– Суд назначен на пятницу.

Солилья косится на часы над дверью.

– Я вас позову. Подождите на улице, на диване. Я выйду, когда поговорю с ним.

Он сидел на диване под деревом и читал рассказы о Шерлоке Холмсе, точнее, пытался читать. Рядом с ним растянулся местный кот – Солилья вечно швыряла в него камнями и крышками от бутылок. Кот бил хвостом по книге. Совсем скоро Солилья спустилась по лестнице. Передала ему телефон:

– Сами договаривайтесь о встрече.

* * *

Он едва не забыл про Ааса, но успел в самый последний момент. Высадив его у дома Моники, он обещал вернуться за ним самое позднее в половине пятого вечера. Потом он вернулся в Пуэрто, нашел нужное кафе. И стал ждать. Заказал две кружки бокового пива – одну для себя, вторую для Диего. Смотрел, как оседает пена.

Диего выглядел слишком молодо. Он был похож на подростка, который носит рубашку, отданную ему кем-то из старших, – во всяком случае, рубашка неглаженная. Диего подошел к столику и сел напротив Эрхарда.

– Итак, матери, которая на самом деле не мать, заплатили, чтобы она взяла вину на себя?

Эрхард огляделся по сторонам, но в кафе никого не было, кроме нескольких молодых людей, которые играли в пинбол за шпалерой искусственных цветов.

– Вижу, вы хорошо подготовились, – сказал он.

– Прочел все то небольшое, что было опубликовано до сих пор. Преступление в самом деле чудовищное, но ничего необычного в нем нет. Младенцев то и дело где-то находят. Только в две тысячи десятом на Канарских островах было два похожих случая. Младенцев бросали незрелые девицы, которые боялись разозлить верующих родителей. По-моему, такое можно назвать абортom в третьем триместре беременности.

– Но в данном случае полицейские уговорили изобразить мать постороннюю девицу, проститутку. Состряпали ложь.

– Зачем им это понадобилось? По-моему, такие дела все стремятся как можно скорее раскрыть.

– По-видимому, нет. Вот что самое безумное. Они прекратили следственные действия и нашли человека, который готов взять вину на себя, чтобы дело можно было закрыть.

– Но зачем?

– По словам полицейского, с которым я разговаривал, все из-за казино. Его хотят построить здесь, на Фуэртевентуре, а не на Лансароте. Ну а погибший младенец в коробке способен расстроить чьи-то планы...

– Любопытно. Но как-то неправдоподобно.

– Я лишь повторяю его слова.

– Вы говорите о полицейском, который рассказал и остальное?

– Да. – Эрхард сам понимал, насколько сомнителен его рассказ.

– Как правило, стражам порядка нет дела до того, построят казино или нет. И на туристов им, в общем, наплевать.

– Кажется, у них недавно сменилось руководство, и теперь у нас новый начальник полиции?

– Верно.

– И он уверяет, что хочет покончить с коррупцией в соответствии с указаниями ЕС?

– Да.

– Вот вам и тема для репортажа!

Диего улыбнулся, как показалось Эрхарду, немного надменно.

– Тема неплохая – например, если развивать ее в винном погребе с друзьями. Но для газеты она не годится. В вашей истории почти все неправдоподобно.

– Я ведь только что доказал вам, насколько она правдоподобна.

– А мотив?

– Это вам и предстоит выяснить.

– Знаете, редактор, скорее всего, задаст мне тот же вопрос. И ему понадобятся ответы прежде, чем он позволит мне расследовать дело хотя бы полчаса. Сколько в полиции заплатили той девушке за признание? Вы видели квитанции,

расписки или хоть какие-нибудь документы?

– Нет. Но ей платят не полицейские. Ей платит кто-то еще. Какой-то тип с тугим кошельком.

– Ясно. – Диего закатил глаза.

– Что вам ясно?

– Чем дальше, тем хуже. Кто докажет, что ваша шлюха не заработала эти деньги своим, так сказать, основным ремеслом? По-моему, не стоит туда лезть – все может кончиться очень, очень некрасиво.

Эрхард поерзал на стуле. Прилив сил, который он испытывал перед приходом Диего, почти испарился.

– А как же ребенок? Мальчик?

– Горькая правда, – начал Диего, – заключается в том, что ребенок умер. Его не убили; скорее всего, мать-проститутка просто забыла о нем. Грустная и ужасная история, которую никто не захочет читать.

Эрхард вспомнил о машине с пятьюдесятью километрами на одометре.

– Есть еще кое-что, – сказал он. – Машину украли в Амстердаме или еще где-то; и вдруг она оказалась здесь. Очень странно!

Диего допил пиво.

– Понятно. Слушайте, Йоргенсен. Вы мне нравитесь. Но я согласился с вами встретиться только потому, что мой отец работал вместе с Солильей. Я буду следить за ходом дела; может быть, откроется какое-нибудь новое обстоятельство.

– Кое-что новое уже открылось, – заметил Эрхард. – Мать – на самом деле не мать. Что еще там может быть нового?

– Все, о чем вы рассказали, очень любопытно, но мне кажется, что полицейские делают все, что могут.

– Суд состоится в пятницу. Если она признает себя виновной и ее осудят, полицейские в ближайшем будущем не станут заново открывать дело.

– Давайте я схожу на заседание суда. Если я почувствую что-то подозрительное, если ваши слова так или иначе подтвердятся, я с вами свяжусь. Дайте мне ваш телефон.

Эрхард продиктовал ему номер.

– Разве у вас нет мобильного?

– Нет. Если я не подхожу к домашнему телефону, попробуйте разыскать меня через диспетчеров таксомоторной компании «Такси Вентура».

– Передавайте от меня привет сеньоре Солилье. Скажите, что отец часто ее вспоминает. По-моему, он к ней до сих пор равнодушен. Несмотря ни на что. Спасибо за пиво!

– Передам.

Вот вам и юношеский идеализм!

Эрхард чувствовал себя сердитым старым заговорщиком-теоретиком. Он заказал еще пиво и наблюдал, как темнокожие мальчишки играют в пинбол, аппарат то и дело мелодично позвякивал.

Не зная, чем заняться, он поехал на стоянку на улице

Богоматери Кармельской и встал в хвост очереди. Раскрыл книгу, но слова казались ему бессмысленными. Перед самой сиестой диспетчер сказала, что ему кто-то звонил. Он пошел в кафе

«Боланьо», номер которого продиктовал диспетчеру для связи, и ждал, когда его соединят. Неужели журналист все-таки решил перезвонить? Он услышал щелчок переключения.

– У меня проблема, – возник в трубке голос Эммануэля Палабраса. Как всегда, он преувеличивает. Вскоре выясняется, что речь идет всего лишь о его рояле «Фациоли».

– Подождет до завтра, – ответил Эрхард. Рояль Палабраса он настраивал регулярно, каждый второй четверг месяца.

Палабрас не думал, что дело может подождать.

– У меня срочное дело, – сказал Эрхард. – А потом я к вам заеду.

Он зашел за Аасом и повез его назад, в «Дом святой Марисы».

По пути они почти не разговаривали. Эрхард не мог придумать ничего радостного, поэтому при прощании просто сжал плечо мальчика-мужчины.

Он проторчал на стоянке целый час. Потом повез к дюнам радостную молодую парочку. Только в шесть вечера раздражение и гнев начали понемногу отпускать его. Доставив семью туристов в аэропорт, он купил в буфете терминала сэндвич. На вкус сэндвич напоминал кусок картона. Картона со

свежими, но совершенно безвкусными местными помидорами. Настоящее бедствие для острова: современные овощеводы стремятся отправлять как можно больше своей продукции на экспорт. Поэтому они выращивают в своих чистеньких теплицах идеально круглые помидоры, лишенные всякого вкуса и запаха. За едой Эрхард читал заголовки в сегодняшних газетах. В «Провинсии» напечатали большой репортаж о владельце самой большой оливковой рощи на острове; он переезжает на материк. Остаток картонного сэндвича он выкинул в мусор и расплатился с девушкой у стойки.

Вернувшись к машине, он увидел под дворником рекламную листовку курорта «Шератон-Бич – гольф и спа». Строительство курорта, начатое еще до финансового кризиса, наконец завершено; теперь курорт может побороться за туристов. На Фуэртевентуре много незаконченных, заброшенных отелей – они стоят памятниками наивным инвесторам и служат огромными ночлежками для живущих на острове бездомных. Отель «Олимп» в Корралехо по ночам светится огнями, там гремит музыка – вся аппаратура работает от генераторов. В недостроенной бетонной коробке устраивают дискотеки громкоголосые молодежные банды. Когда-то власти запрещали такие сборища, но в последнее время предпочитают смотреть на них сквозь пальцы. Куда же еще податься беднякам? Гораздо дороже предоставлять им место. В недостроенном «Олимпе» нет ни заграждений, ни заборов. В январе молодой человек упал с обрыва и разбился. Сиро-

та, приводов не имел. Нанюхался клея, в крови сплошной алкоголь и наркотики. После того случая началась шумная кампания в прессе. Но власти куда больше озабочены бандами, чем опасными стройплощадками, которые уже много лет стоят заброшенные. Эрхард не против самозахвата таких зданий. Он сам побывал в положении бездомного и ночевал в недостроенных отелях. Он пил дешевое вино из бензиновых канистр и смотрел, как девчонки скидывают с себя одежду и бегают голые по тлеющим углям.

Посмотрев на часы, он поехал на север. Не очень его радовала встреча с Палабрасом-старшим, но сегодня он хотел отвлечься. Кроме того, красивый рояль, настоящий шедевр, всегда поднимал ему настроение. Во всяком случае, он надеялся, что и сегодня так будет.

Глава 26

В конце улицы Дормидеро аллея петлей огибает пальму. Ворота огромной усадьбы Палабраса-старшего находятся в самой дальней точке петли. Почему-то массивные кованые ворота автоматически открываются всякий раз, стоит Эрхарду подъехать. Другим гостям приходится звонить по телефону и ждать у ворот. Но только не Эрхарду. Он въехал на территорию и поставил машину у западного крыла – там обитает прислуга.

Эрхард выбрался из машины и пошел по лужайке. Скорее всего, Эммануэль сидит у входа и спит, уронив голову на живот, как будто у него сломана шея, или возится в своей теплице с кактусами. Он попросил служанку, девушку из племени масаи, колоть палец о различные кактусы, чтобы понять, хорошо политы растения или им нужна вода. Только так и можно все понять, объяснил он. Выйдя из-за живой изгороди, Эрхард увидел, что Эммануэль в самом деле спит на крыльце террасы. Кто-то позвонил в колокольчик, Эммануэль вздрогнул и проснулся, потом досадливо посмотрел на Эрхарда, как будто ждет его уже несколько часов.

– Ночес, – поздоровался он.

Девушка-масаи помогла ему встать, они вошли в дом.

Эрхард последовал за ними. Визиты к Эммануэлю никогда не доставляли ему особой радости, но он – лучший кли-

ент Эрхарда. Кроме того, они давно знакомы: Палабрас-старший единственный регулярно платил Эрхарду за то, что тот настраивал ему рояль каждый третий четверг месяца. Конечно, он сразу приезжал, если Палабрасу казалось, что с роялем что-то не так. За пятнадцать лет Эммануэль лишь дважды попросил его приехать вне графика. Второй раз – сегодня.

Первый раз, когда Эммануэлю понадобились дополнительные услуги, никакая настройка роялю не требовалась; дело было в сыне, который исполнял поп-музыку. Тогда-то Эрхард и познакомился с Раулем. Эрхард осматривал рояль двадцать секунд, прежде чем заметил молодого парня в углу. Эрхард снова осмотрел рояль, взял настроечный ключ, осторожно провел головкой по струнам. Потом объяснил Эммануэлю, что с роялем что-то случилось. Исправить все, конечно, можно, но починка обойдется в целое состояние и займет несколько месяцев. Палабрас, человек крупный и решительный, пристально посмотрел на Эрхарда и вскинул руки вверх. Эрхард мог истолковать его жест только в одном смысле: «Он и так обошелся мне в целое состояние!» С самой первой встречи он ясно дал понять, что очень любит свой «фацци». Это стало ясно с самого начала.

Выходя, Эрхард поманил Рауля за собой. Тогда Рауль был долговязым и неуклюжим подростком.

– Я найду тебе настоящего учителя, – сказал он парню.

Если он хочет играть на «Фациоли», должен играть как

следует. На деньги, полученные за ремонт превосходного рояля, он нанял лучшую местную пианистку, учительницу Виви, которая жила в Хорнале. Если Эрхарду было по пути, он сам забирал Рауля и вез его на урок. Рауль стал неплохим пианистом, хотя и не выдающимся. Он так самозабвенно исполнял Гершвина и Бернштейна, как будто вымещал на клавишах свое недовольство... Хотя Эммануэль уже не такой внушительный, каким был раньше, он по-прежнему сила. Даже со спины, когда он перекидывает через плечо одеяло, словно плащ. Он ходит шаркая и дышит с присвистом, словно идет не по собственному особняку к солярию в противоположном крыле, а по болоту.

С помощью архитектора и садовников Палабрас создал дом, лишенный звуков и запахов. Он не похож ни на один другой дом на Канарских островах. Оранжевые глиняные стены, бамбуковые вентиляторы, узорчатые колонны и бесконечные ряды львиных голов, видимо, должны наводить на мысли об Африке – колонизированном и ограбленном континенте, задыхающемся от ожиревших белых.

Во всяком случае, так все виделось Эрхарду. Он не верил в романтическую сказку, которую снова и снова повторял Эммануэль, рассказывая о своей резиденции, о девушках-масаи – которые обитают бог знает в каких условиях – или своей родине – Испании. Испания так далеко, она такая любимая, он тосковал по ней и одновременно проклинал ее. Палабрас часто рассуждал о прежних временах, когда испан-

цы завоевывали Африку, наслаждались ее природой и простыми радостями жизни.

Они подошли к роялю. Эммануэль сел на табурет и исполнил «Хорал» Абриля, единственную вещь, которую ему хотелось играть, – точнее, единственную вещь, которую он умеет играть. Все остальное для него – только шум, ненужное бремя, недостойное «фацци». Эрхард не специалист по творчеству Абриля, но сразу понял, что Эммануэль играет хорошо, страстно. Разве что слишком быстро. Ми третьей октавы немного фальшивило, но Эрхарда это не беспокоило. Более того, такие мелкие неполадки Эрхарду даже нравились, он предпочитал игнорировать их, потому что они придают роялю индивидуальность. Пальцы Эмануэля оторвались от клавиш, он словно боится разрушить карточный домик. Не произнося ни слова, Палабрас-старший неотрывно смотрел на Эрхарда. Его глаза как будто спрашивали: слышишь это жуткое бречание? Эрхард сказал: в самом деле, надо подтянуть фа, но с соль бемоль все нормально. Он взял несколько аккордов. Очистил корпус от пыли, протер струны. Эммануэль снова сыграл всю композицию. Эрхард по-прежнему ничего не услышал. Когда Эммануэль начал «Хорал» в третий раз, Эрхард обошел рояль и встал слева от Эммануэля. Теперь до него донеслось тихое шуршание, как будто в лесу по ковру из иголок катится шишка. Но шорох доносился не от рояля, а от самого Эммануэля. Он дышал взволнованно и учащенно. Эрхард увидел его грудь в проре-

хе между плащом и неровно застегнутой рубашкой. «Хорал» очень возбуждает, Эрхард не сомневался: сейчас у Эммануэля эрекция. Жаль, что нельзя нагнуться и посмотреть. Палабрасу-старшему уже за восемьдесят; он, несомненно, сексуально озабочен, как козел, но не способен трахнуть ни одну из своих служанок-масаи, как бы ему ни хотелось. Но у рояля он, непонятно почему, еще способен возбудиться. Хотя и расплачивается за подъем настроения затрудненным дыханием.

– У вас есть CD-плеер? – спросил Эрхард.

Эммануэль посмотрел на него в замешательстве.

– Конечно нет! В этом доме есть граммофонные пластинки и радио.

Эрхард объяснил: если Палабрас больше не хочет слышать посторонние звуки при исполнении «Хорала», ему нужно будет слушаться его, Эрхарда. И не задавать вопросов. Эммануэль поерзал на табурете. Он не привык никого слушаться; наоборот, другие слушаются его. Наконец он вскинул руку вверх.

– Я вернусь через час и уберу брэнчание. А пока позовите девушку, которая за вами ходит, и попросите ее подождать меня на дорожке у дома. Я скоро вернусь.

Эммануэль окинул его взглядом с ног до головы, но ничего не сказал. Эрхард вышел и направился к машине.

Он поехал в центр города. Проезжая улицу Сервера, он искал взглядом Алину, но, если она еще работает, ее здесь

нет. Над улицей навис тяжелый запах – смесь баранины и бензина. Не глуша мотор, он забежал в музыкальный магазин на углу Главной улицы под названием «Птица». Там продают в основном джаз и подборку современной музыки, но в подвале имеется довольно заурядная коллекция классики. К счастью, Хорал Абриля принадлежит к числу самых популярных концертов для фортепиано на Канарских островах. Эрхард даже слышал версию в исполнении Мадридского симфонического оркестра. Кивком он поздоровался с владельцем по имени Антон и сразу спустился по винтовой лестнице в подвал. Нашел две версии Хорала, и одна из них – в исполнении Мадридского симфонического оркестра. Кроме того, он попросил Антона найти в Интернете ноты для Концерта аллегро и распечатать их. Он согласился заплатить по пятьдесят евроцентов за лист. Антон выполнил его просьбу без всякой радости.

– Дурацкий Интернет! – ворчал Антон, стоя за компьютером. Он скоро разорится, потому что сейчас никто уже не хочет платить за музыку. – Как мне конкурировать с гиками всего мира, когда все, что хочешь, можно получить бесплатно?

Эрхард согласился с ним в принципе, хотя и не очень разбирался в том, как устроен Интернет. Закончив с делами в магазине, он проехал еще квартал и купил CD-плеер в магазине «Электрон». У него самого такого плеера нет, зато есть на работе в комнате отдыха. Эрхард отчаянно торговался и

сбил цену до тридцати евро. Выйдя из магазина, он задумался. Может, купить креветок в кляре в киоске на углу? Но при виде того, как владелец переворачивает розовых моллюсков газетой, его затошнило. Он вернулся к особняку Палабраса.

Глава 27

Она была похожа на инопланетянку в черной коже: гибкая, красивая и пугающая. Она стояла на дорожке и ждала его, точно как он просил. Эрхард никогда с ней не заговаривал. Никогда не слышал ее голоса. Более того, он даже не знает, умеет ли она говорить. Он объяснил ей, что она должна сделать. Она слушала не мигая. Когда он спросил, понимает ли она, что от нее требуется, она кивнула. Эрхард сомневался, что она поняла. Она не задавала вопросов и не испытывала неуверенности в осуществлении плана Эрхарда.

– Мне сделать это с Мэнни с музыка, – повторила она.

– Правильно, – кивнул Эрхард и подумал: смешно, что самого влиятельного человека на острове называет «Мэнни» девчонка... сколько ей? Лет двадцать?

– Мэнни не может, не получается, его палка слишком мягкий, он злится.

Эрхард покачал головой, показал на плеер и изобразил с помощью указательного пальца, как будет реагировать член Мэнни. В глазах девушки плясали веселые огоньки, но она молчала и потому выглядела еще более устрашающей.

– Пойдем со мной, – сказал он.

Они вошли в дом. Эммануэль сидел на том же месте, где был, когда Эрхард его оставил час назад. Он с несчастным видом смотрел на руки Эрхарда, как будто ожидал увидеть,

что он принесет инструменты, а не магазинные пакеты.

– Ну что еще, настройщик?

Эрхард напомнил: Палабрас обещал его слушаться. Эммануэль кивнул. Эрхард взял его за руку и повел в соседнюю комнату, затем посадил на белый кожаный диван – судя по виду, к нему никогда не прикасались.

– Сядьте и слушайте музыку, пока я настраиваю рояль.

Эрхард распаковал плеер, вставил диск и нажал клавишу воспроизведения. Эммануэль дернулся при первых звуках, недоверчиво посмотрел на плеер. Эрхард кивнул девушке. Та подошла к Эммануэлю и задрала платье. На обычно мертвенно-бледном лице Эммануэля – выражение изумления и необычайной мягкости. Эрхард вернулся в музыкальный салон.

Он поставил ноты с Концертом аллегро на пюпитр и раскрыл на первой странице. Он стал громко возиться с роялем: гремел ключом для настройки, но ничего не делал. Рояль необычайно красив – одна из первых моделей F308, выпущенных в мастерской «Фациоли» в 1987 году. Хотя Эрхард никогда не играл на этом рояле ничего, кроме аккордов, он часто мечтал о том, как бы незаметно пробраться в эту комнату, когда Эммануэля нет дома, и поиграть на роскошном инструменте. Звук у него не такой, как у обычных фортепиано: он чистый и незамутненный, лучше, чем у самого лучшего «Стейнвея», который приходилось настраивать Эрхарду. Благодаря кондиционеру рояль находится в идеальных усло-

виях и никогда не подвергается воздействию прямого солнечного света. Нелепо подозревать, что такой рояль способен брнчать! За все годы, что Эрхард посещал этот особняк, он никогда не мог сделать звучание рояля лучше – только хуже. Некоторые клиенты называют его волшебником, потому что он может несколько минут повозиться с ключом настройки – и их игра делается лучше, чем когда бы то ни было. Они ожидают, что он придет с современным оборудованием. А он просто слушал, а потом делал так, что их рояль звучал как живое, дышащее создание, а не робот. Штука в том, чтобы сделать каждый тон идеально чистым, но идеально неидеальным. Такое обращение помогает подчеркнуть характер рояля, его индивидуальность, звучание, отличное от других. Это известно каждому настройщику роялей, хотя ни один из них не поделится своими секретами с клиентами. Включите математику – и забудьте о математике. Каждый клиент хочет получить оптимальный результат, каждый просит хорошо сбалансированный инструмент, хотя на самом деле они хотят другого.

Музыка достигла драматического интермеццо, а затем зазвучал хорал.

Эрхард слышал, как по полу двигается столик для сигар, потом увидел длинные ноги девушки. Слышал странное ворчание – наверное, она уселась верхом на колени к Эммануэлю, оседлала его, как обремененный долгами жокей в последнюю скачку сезона. Эммануэль не привык слушать хо-

рал со струнными, и Эрхард задавался вопросом, не пересмотрит ли Палабрас свое отношение к Абрилю. Он налил себе хереса «Педро Хименес» из бутылки, стоящей на столике рядом с роялем, и вышел в сад, примыкающий к солярию. Там растут орхидеи и кактусы. Садик, в котором теперь хозяйничают бабочки, был весь накрыт тонкой сеткой, которая днем дает дополнительную тень. Кроме того, сетка отпугивает птиц и других крупных вредителей. Бабочки повсюду. Порхая крылышками, они сидят на острых кактусовых иголках, как птицы на ветках. Между растениями вкопаны фонари, кроме того, сверху сад освещают большие прожекторы. Поэтому даже ночью здесь почти так же светло, как днем.

Прямо перед Эрхардом сидела бабочка с ярко-желтыми крылышками. Он гадал, сколько времени прошло с тех пор, когда в последний раз видел желтую бабочку, вроде тех, что водятся дома, в Западной Ютландии. Там в убогом домишке обитал Клаус, его дед по материнской линии; он жил с женой, которая никогда не разговаривала. Из-за двери доносился хорал, он начался снова. Должно быть, у Эммануэля второй заезд. Везет чертяке!

Эрхард поднял вверх указательный палец, надеясь, что бабочка примет его за черный кактус. Но хрупкие красавицы прекрасно понимают разницу. Конечно, понимают. На острове совсем немного бабочек – скорее всего, из-за ветра и климата. Вот почему они кажутся еще одним проявлением власти Эммануэля: в его владениях бабочек в изобилии. У

него всего в избытке: машин, девушек, воды, цветов, охотничьих трофеев, дорогого мяса и испанских вин. И денег. Правда, в отличие от всего остального, о деньгах Эммануэль не говорит никогда. Он отказывается говорить о деньгах. Если кто-нибудь заикался о деньгах или о том, что Эммануэль богат, он очень злился. Много раз Эрхард слышал, как он обзывал Рауля проклятым Иудой, когда тот просил у отца денег на очередной прожект или для того, чтобы расплатиться с долгами. Однажды, давно, Эммануэль рассказал Эрхарду, что его семья родом из Вальекаса, самого бедного района Мадрида, где дома построены из пластиковых бутылок и рифленого картона. Может быть, он стыдится своих денег – точнее, того, как он их заработал? Эрхард думал о маленьком мальчике. И об Алине. Эммануэль Палабрас вполне мог бы финансировать ее поездку в Мадрид и экстравагантный шопинг; для него это все равно что купить какую-нибудь мелочь, вроде пары лотерейных билетов. Если подумать, скромные запросы Алины стоят дешевле, чем несколько бабочек или новый кактус! Может, спросить у него?

У Эрхарда сложились особые отношения с Эммануэлем, отношения, которыми он никогда не пользовался и не хотел пользоваться. Но, может быть, настало время положиться на его добрую волю? Отправить девицу подальше и проучить полицейских. Эрхард почти не сомневался в том, что Эммануэлю такое предложение придется по душе. Как почти все, чей бизнес балансирует на грани закона, Палабрас испыты-

вал особое удовольствие, подставляя и унижая стражей порядка. С другой стороны, ему не понравится рассказ о маленьком мальчике. Скорее всего, он посоветует Эрхарду не вмешиваться...

Если он что-нибудь и скажет Палабрасу, у него должен быть веский повод.

Глава 28

Допив херес, он вернулся в дом. «Хорал» звучал в четвертый или пятый раз, но несколько минут спустя он увидел, как девушка семенит по коридору, держа в руках ворох мятой одежды. Эммануэль вышел в солярий и сразу зашаркал к роялю. Его нижняя губа покраснела и распухла, как будто ее прикусили – он сам или девушка.

– Ну что, починили?

– Я запрещаю вам играть «Хорал» на этом рояле три месяца, – заявил Эрхард.

– Вы не мой врач. Я буду играть все что захочу! – сердито рявкнул Эммануэль, хотя в его бороде играла улыбка, как будто он знал, что сейчас скажет Эрхард.

– Вы же обещали меня слушаться! Играйте аллегро три месяца, и вы больше не услышите шороха.

Он знал, каких усилий это будет стоить Эммануэлю. Целых двадцать лет он исполнял «Хорал», как человек, который курит любимую сигарету: сосредоточенно, глядя в пространство. Теперь же Эрхард велит ему перейти на антеникотинный пластырь.

Эммануэль сел на табурет, посмотрел в ноты, как будто не понимает, что за странные закорючки перед ним; он глубоко сосредоточен. Неожиданно Эрхарда бросило в жар. Что, если Эммануэль не умеет читать ноты? Обычно, исполняя

«Хорал», он смотрит в ноты, но читает ли он их? Может быть, он только притворяется. Возможно, именно поэтому Палабрас не играет ничего другого; он не умеет больше ничего играть, только не хочет в этом признаться. Интересно, удастся ли Эрхарду заставить его признаться в этом? Может быть, он уговорит Эммануэля брать уроки у Виви из Хорналя? Скорее всего, вначале Виви возненавидит Эммануэля за его богатство, как ненавидела Рауля в самом начале. И все же за несколько уроков старик чему-нибудь научится, и все обернется к лучшему. Нет, не обернется. Скорее всего, все будет наоборот. К концу уроков дом в Хорнале опустеет. Майна Виви будет кричать всю ночь, прежде чем соседи обнаружат пианистку мертвой в бочке с вином на террасе. Ее убеждения диаметрально противоположны взглядам Эммануэля. Все стены в ее квартире увешаны фотографиями ее крестников; на подоконниках у нее растут органические помидоры, и она не слишком умело обращается с деньгами — часто забывает взять плату за свои уроки. Но вот Эммануэль ставит пальцы на клавиши и берет первые ноты аллегро. Оно в его исполнении звучит совсем не так, как «Хорал». Более воинственно. Более торжественно. Эммануэль с трудом продирается сквозь первую страницу. С удивлением смотрит на клавиши слоновой кости, по которым маршируют его пальцы, словно не может понять, как им удастся воспроизводить другие звуки вместо привычной мелодии «Хорала».

Как и ожидал Эрхард, никакого шороха больше нет. Па-

лабрас дышит ровно и спокойно. Ему нужно было только одно: другое музыкальное произведение. Несколько раз он ошибся, что придало его исполнению живости. В солярий осторожно заглянула девушка. Много лет вся домашняя прислуга, девушки-масаи и садовник-грек, слышали бесконечные повторы одной и той же пьесы. Как лев, который ходит кругами по клетке, Эммануэль все время возвращался к «Хоралу», чтобы возбудиться, пользуясь остатками своей когда-то полнокровной фантазии. Но с новыми звуками весь дом словно вздохнул свободнее. И Эммануэль, хотя он по-прежнему слишком толст и нездоров, больше не дышит со свистом. Эрхарду пора уходить.

Не спрашивая разрешения, он налил себе еще «Хименеса» и, не попрощавшись, пошел к выходу. Такая у них традиция. Эммануэль сидит за роялем, а Эрхард одним глотком осушает бокал и бросает его в прудик.

Глава 29

9:30 утра. Пора возвращаться домой. Он стоял на Главной улице и пробовал подбить баланс. Он совершил столько коротких поездок, что нужно время, чтобы все подсчитать. Потом он зайдет в «Канны», небольшую закусочную, где готовят бутерброды. Он заходит туда нечасто, но там делают по-настоящему вкусные и жирные бургеры, которые подают в обертке.

– Отшельник! – вызвала его Исабель, которая работает диспетчером в ночную смену. Девушки по телефону никогда не называют его по имени. Он даже не уверен в том, что им известно, как его зовут.

Он нажал кнопку.

– Сорок восемь двадцать три.

– Отель «Феникс». В аэропорт.

– Рейс десять пятнадцать на Берлин?

– Откуда мне знать? – не сразу ответила Исабель. – Они только сказали, что им нужно в аэропорт.

– Я на сегодня хотел закруглиться. Может, кого другого вызовешь?

– Они просили тебя.

– Кто просил? Мигель из «Феникса»?

– Нет, звонила женщина. Просила именно тебя. Послать кого-нибудь другого?

– Сорок восемь двадцать три вызов принял.

Он положил документы на заднее сиденье и включил знак «Занято». Поездка кажется безобидной, и все-таки ему немного не по себе. Интересно, кто заказал именно его? Может быть, вчерашние музыканты или их солист-араб задумали отомстить.

Подъехав к отелю, он коротко нажал на клаксон. Обычно в этом нет необходимости, но если за стойкой администратор-новичок, а гостю нужно успеть на рейс в Берлин в четверть одиннадцатого, тогда пора двигаться. Он ждал три минуты, потом заглушил мотор и вошел в отель. В вестибюле никого – ни на диванах, ни за стойкой. Он позвонил в колокольчик, и из кабинета вышел Мигель.

– Добрый вечер, сеньор Йоргенсен. – Мигель оглянулся по сторонам. – Чем я могу вам помочь?

– Добрый вечер, Мигель. Меня вызвал кто-то из ваших постояльцев. Женщина. Может, кто-то из ваших коллег или из бара?

– Такси всегда заказываю я.

– Но... а мог позвонить кто-то из гостей?

– Возможно, сеньор Йоргенсен.

– Я должен отвезти кого-то в аэропорт.

Мигель посмотрел на часы:

– Рейс десять пятнадцать, на Берлин?

– Я тоже так подумал.

– Пока еще никто не выписывался. Но она еще может

успеть. На пятом этаже живет англичанка. Может быть, она вас вызвала. – Мигель оглянулся на стенд с ключами. – В номере ее нет.

– Мигель, я буду в машине. Предупредите, что я жду.

Он вернулся к машине и сел за руль. Если пассажирка не выйдет через несколько минут, опоздает на рейс. Может быть, ей вовсе не нужно успеть на самолет. Может, она, наоборот, кого-то встречает. А может, работает в аэропорту...

Вдруг на улице раздался оглушительный грохот, и он поднял руки, закрывая лицо. Потом понял, что мимо промчался огромный пикап, откуда несется громкая музыка; в пикапе три парня. Он посмотрел в зеркало заднего вида и оцепенел, увидев Алину. Она сидела на заднем сиденье и улыбалась как ни в чем не бывало. Ее улыбка раздражала.

– Сейчас у меня на тебя нет времени. Я жду клиента.

– Я твоя клиентка, Четырехпалый.

– Убирайся из моей машины к черту! – Его левая рука гудела, так хотелось ударить по зеркалу, в котором отразилась Алина, как будто так он мог ее уничтожить.

– Ни за что! – расхохоталась женщина. – Давай вези меня в аэропорт.

– Я отказываюсь тебя везти. Вылезай из моей машины!

– Почему? Тебе что, деньги не нужны?

– Преступников не вожу.

– С каких пор? – Алина снова рассмеялась.

– Мне не нужны твои деньги.

– Езжай, – скомандовала она. Она умела манипулировать людьми, легче выполнить то, что она просит, чем сопротивляться.

Эрхард круто развернулся на сиденье. На ней костюм цвета лосося; на лоб сдвинуты темные очки в золотой оправе. Наряд вульгарный, и все же в нем она выглядит лучше, чем обычно.

– Чего ты хочешь? Сегодня рейсов больше нет.

– Мне нужно прокатиться во «Дворец».

– Разве не завтра?

Она снова засмеялась. Очевидно, ее забавляло все происходящее. Похоже, она была пьяна. Во всяком случае, выглядела пьяной.

– Сегодня я должна там переночевать.

– Тогда какого черта ты вызвала меня? Могла бы попросить еще тридцать водителей. Или полицейских. Пусть они тебя подвозят.

Но, еще не договорив, он понял: она вызвала его, чтобы позлорадствовать. Показать, что она поступит именно так, как хочет. И никто не смеет ей указывать.

– Потому что ты напоминаешь мне моего отца, – объяснила Алина. – Старого, злого и жалкого.

– Его в самом деле можно пожалеть, ведь его дочь шлюха.

– Ему плевать. Козел драный.

– Ни один родитель не может быть равнодушным к такому, – я имею в виду, ему не плевать.

Алина снова засмеялась. Он тронулся с места. Лучше поскорее со всем покончить.

– Это только по-твоему, Четырехпалый!

Он молча ехал по проспекту в сторону дюн. Его пассажирка без умолку тараторила о Мадриде, о покупках и о подружке, у которой сорок пар туфель. Надо не забывать переключать передачи. Эрхард включил кондиционер, чтобы в салоне стало прохладнее.

– Кстати, имей в виду, – сказала она, когда они поворачивали на Сто первую магистраль, – я обо всем подумала. Правда подумала. Ты заставил меня обо всем подумать. Понимаешь, я взвесила все за и против. Что делать? Взять деньги или послушать старину Четырехпалого? Я говорила с Тиа, и она так рада, что я поеду в Мадрид, и...

– Замолчи. Ничего не желаю знать. Не хочу знать, почему ты так поступаешь. Ты... ты такая невероятная эгоистка, что мне не...

– Эгоистка? Нет, дьявол тебя побери, я не эгоистка. Ты понятия не имеешь, что мне пришлось пережить. Я не эгоистка, и не плохая, и не...

Настала очередь Эрхарда засмеяться.

– Ты просто дура. Ты такая невероятная дура, что мне страшно думать о будущем. Из-за таких, как ты, я боюсь за будущее.

Оба умолкли.

– Зато ты святоша... святее папы римского, – заявила

Алина. – Говорю тебе, я обо всем подумала. Но я не могу себе позволить отказаться. Не могу.

– Заткнись.

– Я не убивала мальчика. Я ничего плохого не делала.

– Но из-за тебя и твоей поездки в Мадрид полицейские так и не узнают, что случилось.

– Ну и что? Черта с два это моя проблема! Да и не твоя, раз уж на то пошло!

– Совершенно преступление. Худшее из преступлений. Кто-то убил маленького мальчика. Скорее всего, не его родители.

– Знаешь, не все родители хорошие.

– Уморить ребенка голодом и бросить его в коробке чудовищно. Ни один родитель так не поступит.

– Родители вытворяют что хотят.

– Когда у тебя будет ребенок, тебе будет стыдно...

– Какого хрена ты вообще знаешь? И потом, у меня никогда не будет детей. Понимаешь? Ни-ког-да.

– Ради их блага надеюсь, что так и есть.

Он ехал быстро, под сто пятьдесят километров в час, и машина начала вибрировать. Он хотел поскорее избавиться от этой женщины, высадить ее и уехать. Солнце село, и справа от машины все было черно, небо над ними зеленовато-малиновое. Он покосился на свою пассажирку в зеркало заднего вида; достав маленькое зеркальце, она подкрашивала губы. Как будто собралась на свидание со всем полицейским

управлением. Он представил себе ее в зале суда. Костюм цвета лосося прекрасно подчеркивал рассказ о том, что раньше она была католичкой. Она будет накручивать на палец пряди волос, каяться и просить прощения. Самое большее ей дадут несколько месяцев. Полицейские будут приходить к ней в тесную камеру, приносить еду. А вечерами охранники будут подглядывать в глазок, как она раздевается перед сном. Хуже всего то, что она прекрасно подходит для своей роли. Она не похожа на героиную наркоманку, в отличие от многих таких же, как она. Алина выглядит более зрелой и вполне способна быть матерью. Кроме того, она врет не краснея. Наверняка будет лить слезы на предварительном слушании, и ни один журналист не усомнится в ее словах. Во всяком случае, до тех пор, пока не объявятся настоящие мать или отец.

Она заметила, что Эрхард смотрит на нее. Улыбнулась. Он отвернулся.

– Маленький паршивец. Получил по заслугам!

До него не сразу дошло, что она сказала. Что она имела в виду. Она просто болтала. Но слова бывают опаснее поступков. Более обдуманные, более расчетливые, менее человеческие. Он понимал, что она наблюдает за ним в зеркало заднего вида. Хочет посмотреть, сильно ли он разозлился. Проверить, удастся ли ей достать его, завести, как она заводит губернатора или еще какого-нибудь озабоченного старикашку, которого хватает за яйца и шлепает, чтобы показать, кто

здесь главный.

Что-то в нем ломается. Неожиданно он понял, как должен поступить. Он вполне способен нарушить планы стражей порядка. Пусть поработают сверхурочно! Алина сидит в его машине. Никто не знает, что она с ним. Темнеет, и скоро совсем не будет света.

– Куда ты едешь, черт тебя дери? – крикнула она, когда он повернул на перекресток с круговым движением.

Глава 30

Алина вырывалась, вопила и визжала. Как только он оставил машину, она выскочила, надеясь скрыться, но в крошечной темноте ничего не видела и замерла на месте, за это время он обежал машину и схватил женщину.

Она оказалась сильной: царапалась, молотила воздух кулаками и ругалась. Но Эрхарду было все равно. Он принял решение и теперь толкал ее к сараю.

– Нет, нет! – отчаянно визжала Алина, когда он заталкивал ее в сарай и захлопывал дверь. Он вспотел от усилий, тяжело дыша, отошел на шаг от двери. Его охватила такая ярость, что он готов был войти в сарай и избить ее до полусмерти. Ему было бы легче избить ее в темноте, чем среди бела дня, когда он мог ее видеть. Он словно взял в плен дьяволицу и в состоянии положить конец всему мировому злу. Но потом он вдохнул аромат ее духов и услышал, как она скулит – совсем по-девчоночьи. Она ведь и есть девчонка. Эрхард надеялся, что темнота, ночные звуки и неуверенность к утру сломят ее. Может, пообещать, что завтра вечером он ее выпустит? Нет, пока рано. Он еще не может относиться к ней дружелюбно. Она плакала и проклинала его. Странное поведение.

Из дома ее воплей почти не было слышно. Ее голос заглушал генератор и усилившийся ветер. Эрхард надеялся, что

она не выключит генератор, который стоит в сарае. Ей ничего не стоило вырубить его или сломать – ему назло. Сегодня она, скорее всего, напугана и в замешательстве. Но скоро она остынет. Если ему повезет, она скоро заснет. Но завтра, рано утром, когда свет начнет проникать сквозь щели в стенах, она, скорее всего, обнаружит генератор и постарается сломать его или просто вырубит.

Он налил себе полный стакан коньяка и залпом выпил – без всякого удовольствия и не чувствуя вкуса. Свет он не включил, просто слонялся по дому, не в силах успокоиться. Пронзительные вопли Алины заглушали нескончаемые завывания ветра и стук ее кулаков. Он даже подошел к окну и посмотрел на сарай, малиновый в лунном свете. Там, конечно, ничего не было видно, лишь слышны звуки, как будто в сарае воет собака и скребется, пытаясь выбраться наружу. Он снял брюки, рубашку и включил «Радио Муча». Передавали час джаза. Квартет Джона Колтрейна. Наконец, минут через пятнадцать-двадцать, шум, доносившийся из сарая, стих. Он вышел из кухонной двери на террасу и прислушался. Дул сильный ветер. Лорел жевал трусы, упавшие с веревки. Эрхард почесал козла за ухом, похлопал по задубелой шкуре. Он не был уверен, что принял верное решение. Более того, он был уверен в том, что принял неверное решение. Но он хотя бы что-то сделал.

Шум возобновился с самого раннего утра. Она то вопила, то плакала. Солнце только что взошло. Он слышал, как Лорел бродит у дома. Ветер немного утих. Алине удалось выключить генератор, и теперь он слышал ее вопли так же отчетливо, как если бы она сидела у него на коленях. Если бы у Эрхарда поблизости были соседи, которые бегают трусцой по горным тропам или заходят к нему занять сахару, ему бы пришлось гораздо труднее. Чем бы он объяснил шум? В сарае находится человек, попавший в беду. Испуганный и раздосадованный. Или раненый зверь. Она скулила, ругалась и молотила в дверь кулаками. Он встал и подошел к сараю.

– Эй, – окликнула его она. – Эй, таксист!

– Я тебя не выпущу, как бы ты ни шумела.

– Выпусти меня, психопат, гребаный психопат, мать твою, дерьмо, ты... Эй! Ты здесь?

– Выпущу после заседания суда, – сказал он.

Услышав его ответ, она снова зарыдала. Она давилась, стараясь скрыть слезы, но он угадал, что она плачет. Это всегда чувствуется, даже издали.

– Да мне-то что, – всхлипывала она. – Я успокоюсь. Пожалуйста, выпусти меня! Мы все обсудим.

Эрхард невольно тянется к замку, но одергивает себя. Ну и перепады настроения у нее! Он должен помнить, что его

задача – оставаться самим собой.

– Я приготовлю тебе завтрак. Сиди тихо, и я что-нибудь тебе принесу, – сказал он, прижавшись к двери. Может, она ждет дыню, помидоры, холодное мясо, бекон и омлет? Ничего подобного у него нет. Он редко завтракает, поэтому какое-то время изучал содержимое шкафчиков и холодильников. Потом поставил на поднос банку персикового компота, оливки, кусок относительно свежего хлеба. Налил стакан воды.

– Отойди от двери! – крикнул он, прежде чем отодвинуть засов. Руки с подносом он вытянул вперед, чтобы не получить дверь в лицо. Заглянул внутрь. Она сидела на земле у дальней стенки сарая и устало смотрела на него. Одежда на ней помялась и испачкалась, руки потемнели от пыли и земли, как будто она рыла подкоп. Он поставил поднос к ее ногам. Она равнодушно посмотрела на еду.

– Принеси сигареты, – попросила она. – Они в моей сумке в машине.

Он закрыл дверь, запер ее и направился к машине. Достал из-под пассажирского сиденья ее сумочку; она звякнула, когда он ее вытаскивал. Внутри почти ничего нет. Бумажник, пластмассовый брелок в виде доллара с четырьмя ключами, мобильник и пачка сигарет незнакомой марки. Был еще целый пакет разноцветного зефира – она поедала его в прошлый раз, когда Эрхард пытался с ней разговаривать. Он попробовал зефир, но тот оказался каким-то синтетическим и

приторным, и он его выплюнул. Проверил зажигалку – она дала длинный язык пламени. С какой стати ему идти ей навстречу? Он думает о ней почти как о гостье, на которую хочет произвести хорошее впечатление. Возможно, одна сигарета – не так уж много. Может быть, тогда все станет проще. Он отнес сумку и другие ее вещи в сарай.

– Обещаешь не делать глупости? – спросил он, давая ей прикурить; она жадно затянулась. Ох уж эти курильщики!

– Ты ведь понимаешь, что я могу пожаловаться на тебя в полицию?

Об этом он не подумал. Пока не подумал. План, как с ней поступить, появился так быстро, что он не успел обдумать его до конца. Но она права. Если к вечеру он ее отпустит, ничто не помешает ей пойти прямо в полицию и пожаловаться на него. Так что сегодня он лишь сорвет заседание суда; скорее всего, его отложат до тех пор, пока не найдут обвиняемую. До того как он отпустит ее, должен выяснить, чем заняты полицейские. Но Алина не могла долго сидеть в этом сарае. Если она не включит генератор, ему же будет хуже. И прятать ее, как палец Билла Хаджи, он тоже не может. Он запер дверь и послушал, как она снова осыпает его ругательствами. Ему нужно было на работу – хотя бы на несколько часов. Перед уходом он положил ее мобильник в карман и проверил, что у нее в бумажнике. Он был забит визитными карточками – возможно, от ее многочисленных клиентов. Кроме того, он обнаружил две купюры по 50 евро. Было и

несколько фотографий – такие делают в фотоавтомате. Хотя Алина явно снималась лет десять назад, он сразу узнал ее. На одном из фото рядом с ней еще одна девушка, похожая на Алину: такая же пухлощекая, но более хорошенькая. Обе в черных пиджаках, белых блузках, с какими-то бантиками в волосах. Школьная форма, довольно модная. И у обеих косички. Две сестры; старшая сильная и серьезная, младшая любопытная и более наивная. Типичные девочки из пуританской семьи. Возможно, родители верующие... Сейчас по ней это трудно угадать – она такая воинственная, ее ненависть прожигает насквозь. Еще на одном снимке Алина нагнулась к объективу, как будто хочет помешать фотографу, а сестра, сидящая у нее на коленях, повернулась вполоборота и безрадостно улыбается. Конечно, до того, как стать шлюхой, она была кем-то еще. Душевный надлом появился задолго до того, как она занялась ремеслом, которое губит ее тело. Ночными бабочками не становятся добровольно. Никто не становится. И те проститутки, которые утверждают обратное, уверяют, что их ремесло им нравится, – самые прожженные из всех.

Он свернул купюры и сунул их в карман, бумажник спрятал на полке за книгами, рядом с пальцем. Не самый оригинальный тайник на свете, если кому-то вздумается искать в доме ценности, но пока он не мог придумать ничего лучше. Да и вообще, кому придет в голову искать ценности в такой развалюхе?

Выехав на дорогу, он остановился и заглушил мотор. Ее крики и стук были отчетливо слышны возле дома, даже когда он сел в машину. Он опасался, что шум будет доноситься и сюда вниз. Но ветер, как всегда, заглушал остальные звуки. Здесь даже к ветру привыкаешь; он становится неотъемлемой частью пейзажа.

Сегодня можно было бы и не работать, но он должен обдумать свое положение. Несколько часов за рулем, на дороге всегда прочищают ему голову. Он поездил по округе, подобрал нескольких пешеходов, а в одиннадцать встал в очередь на стоянке. Попробовал читать, но не мог сосредоточиться. Представлял, как Алина выбирается из сарая и бежит – почему-то голая – по дороге, к кафе Гусмана. Она показывает на гору и говорит, что Отшельник, этот псих, ее запер. Он понимал, что вряд ли ей удастся убежать. Из сарая ей не выбраться. Хотя снаружи строение кажется хлипким, сарай сбит из толстых досок, дверь висит на четырех петлях, а для того, чтобы взломать навесной замок, требуются по крайней мере двое крепких мужчин с болторезом. Потом он представил себе, как возвращается домой и приглашает ее на кухню; он жарит рыбу – почему-то они едят ее вместе. После ужина они сидят за домом, смотрят на козлов и любуются видом горы. А ведь он даже не любит жареную рыбу!

Выйдя, чтобы купить чашку кофе, он проходил мимо такси, в котором спорили двое. Один из них – Педро Муньос, который обычно водит по выходным, а второй – Альберто,

пожилой таксист, который работает в дневную смену с понедельника по пятницу. Альберто помахал ему, подзывая подойти.

– Ола, Йоргенсен! Пожалуйста, объясни этому юнцу, зачем нам нужен счетчик.

Эрхард просунул голову внутрь, взгляделся в салон. У Муньоса был слегка затравленный вид.

– А в чем дело? – спросил Эрхард.

Всякий раз, как возникали разногласия, коллеги прибегали к нему. Его уважали за честность и немногословие.

– Дело в том, что Альберто не нравится небольшая конкуренция, – сообщил Муньос.

– Я только говорю, что ты должен брать плату по счетчику и никому не делать скидок!

– Сам же всегда говоришь, что счетчик выгоднее клиентам, а не нам! И потом... разве ты не просишь скидку, когда покупаешь новые туфли? Счетчик – только для туристов.

– Дело не в деньгах, – сказал Эрхард.

– Мы обувью не торгуем, – обиженно подхватил Альберто.

Педро Муньос вскинул руки вверх:

– Просто смешно! Ну а как быть с постоянными клиентами? Или, допустим, ты подвозишь девушку, которая боится возвращаться домой пешком одна?

– Я знаю, что это против правил, но почему бы Педро не делать, как ему хочется, лишь бы баланс сходился? – поинтересовался Эрхард.

– Потому что машина моя, – ответил Альберто, – и я обязан, помимо других расходов, платить процент «Такси Вентуре»! И я не знаю, был у него неудачный день или он просто прикарманил денежки. Его скидки не всегда попадают в его счета.

– Ты его обманывал? – спросил Эрхард у Муньоса, зная, что своим вопросом нажимает на нужную кнопку.

Муньос побагровел:

– Конечно нет! Честное слово!

– Почему ты позволяешь ему водить твою машину, если думаешь, что он тебя обманывает?

– Потому что он забирает семьдесят процентов выручки, – проворчал Муньос вместо Альберто.

Все умолкли.

Выхода у них два. Либо они во всем разберутся, либо Муньос прекратит подменять Альберто и начнет официально работать на фирму «Такси Вентура». Такое уже случалось раньше. Альберто придется снова работать на полную ставку, по крайней мере, пока он не найдет новичка, готового работать ночами за жалкие крохи. Некоторые водители до сих пор сдают машины в аренду сменщикам; они нашли неплохой способ окупить машину, не работая день и ночь. Но обычно сменщикам приходится несладко. Вот почему среди водителей, работающих на полставки, такая текучка. Две крупные таксомоторные фирмы, «Такси Вентура» и «Такси-нария», переманили к себе почти всех таксистов на острове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.